

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2021 Том 21 № 2

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) **Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.**
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2021 Volume 21 No. 2

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: СОЦИОЛОГИЯ

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20826.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socioj@rudn.ru.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

RUDN JOURNAL OF SOCIOLOGY

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socioj@rudn.ru.

Подписано в печать 14.06.2021. Выход в свет 21.06.2021. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 17,88. Тираж 500 экз. Заказ № 193. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

© Российский университет дружбы народов, 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Херпфер К., доктор политологии, профессор университета Вены; директор Института сравнительных социальных исследований «Евразийский Барометр»; президент Исследовательской ассоциации «Всемирное исследование ценностей», Австрия. E-mail: c.w.haerpfer@gmail.com

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии РУДН, Россия. E-mail: narbut-np@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии РУДН, Россия. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Бакиров В.С., доктор социологических наук, профессор, ректор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Гаспаривили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Гориков М.К., академик РАН, доктор философских наук, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, директор Института социологии ФНИСЦ РАН

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Егорышев С.В., доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назарова И.Б., доктор экономических наук, директор Аналитического центра Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая лабораторией социологических и фокус-групповых исследований факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Ротман Д.Г., доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Хагендорн Л., доктор философии (социальная психология), почетный профессор Утрехтского университета (Нидерланды)

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Шастри С., доктор философии, профессор, вице-канцлер университета Джагран Лейксити (Индия)

Шафранец К., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии образования и молодежи Института социологии Университета Николая Коперника в Торуне (Польша)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио Гранде-ду Сул (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шувакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка *Ю.Н. Ефремова*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: socioj@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR

Haerpfer C., D.Sc (Political Sciences), Professor, University of Vienna; Director, Institute for Comparative Survey Research “Eurasia Barometer”; President, World Values Survey Association, Austria. E-mail: c.w.haerpfer@gmail.com

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: narbut-np@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Rector of V.N. Karazin Kharkiv National University, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Gasparishvili A.T., PhD (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Gorshkov M.K., D.Sc (Philosophy), Academician of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences, Head of Institute of Sociology of FCTAS of RAS (Russia)

Hagendoorn L., D.Sc (Social Psychology), Professor Emeritus, Utrecht University (Netherlands)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor, School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Egoryshev S.V., D.Sc (Sociology), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Studies, Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor, Russian Academy of Sciences (Russia)

Kuropjatnik M.S., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Head of Analytical Center, National Research University “Higher School of Economics” (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD (Philosophy), Associate Professor, Sociology Chair, RUDN University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Laboratory of Sociological and Focus-Group Research, RUDN University (Russia)

Rotman D.G., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Center for Sociological and Political Research, Belorussian State University (Belorussia)

Shastri S., PhD (Philosophy), Professor, Vice Chancellor, Jagran Lakecity University (India)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Szafrańiec K., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Sociology of Education and Youth, Institute of Sociology, Nicolaus Copernicus University in Toruń (Poland)

Čambáliková M., PhD (Sociology), Professor, Researcher, Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences; Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Faculty of Humanities, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*

Computer design *Yu.N. Efremova*

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

- Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е.** Студенты России об обучении в период пандемии covid-19: ресурсы, возможности и оценка учебы в удаленном режиме 211
- Ивлева М.Л., Курилов С.Н., Балдо Дагцмаа.** Высшее образование глазами студентов (на примере мониторингового исследования выпускников МЭИ) 225
- Колесникова Е.М., Куденко И.А.** Школьники о STEM-профессиях: общие и гендерные особенности представлений..... 239
- Егорышев С.В., Егорышева Е.А.** Коррупция: институциональные признаки, социальные детерминанты и последствия 253
- Ахметова Г.Ф.** Динамика трудовой миграции в Башкортостане 265
- Гусаков Т.Ю.** Сельско-городская миграция на Крымском полуострове ... 279
- Овчинцева Л.А.** Новые селяне: мотивы и факторы переселения из города в сельскую местность 296
- Пузанова Ж.В., Филиппов В.М., Симонова М.А., Ларина Т.И.** Проблема семейного насилия в отношении детей: социальные и социокультурные аспекты (на англ. яз.)..... 311
- Хагуров Т.А., Чепелева Л.М.** Социально-психологические причины распространения субкультуры «АУЕ» (неявные факторы проблемы)..... 322

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

- Цвык В.А., Цвык И.В.** Нравственное воспитание студенческой молодежи в современном обществе 340
- Владимиров П.А., Лебедева А.В.** К истокам методологии социального знания в России: А.С. Лаппо-Данилевский и современные дискуссии 354
- Троцук И.В.** Сложные понятия с множественными коннотациями: в поисках концептуальных определений (на англ. яз.)..... 365
- Комарова В., Лонска Е., Тумалавичюс В., Краско А.** Искусственная социальность в человеко-машинном взаимодействии (на англ. яз.) 377
- Платонов К.А., Легостаева Н.И.** Онлайн-сообщества в исследованиях политической коммуникации..... 391
- Барков С.А., Романцева Е.Е.** Проектный работник как новый тип личности..... 403

ЮБИЛЕИ

- Шарков Ф.И. 415

- НАШИ АВТОРЫ** 417

CONTENTS

CONTEMPORARY SOCIETY:

THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

- Aleshkovski I.A., Gasparishvili A.T., Krukhmaleva O.V., Narbut N.P., Savina N.E.** Russian students about learning under the covid-19 pandemic: Resources, opportunities and assessment of the distance learning..... 211
- Ivleva M.L., Kurilov S.N., Baldo Dagtmaa.** Student assessments of the higher education (on the example of the monitoring survey of the MPEI graduates) 225
- Kolesnikova E.M., Kudenko I.A.** Schoolchildren about STEM professions: General and gender-specific representations 239
- Egoryshev S.V., Egorysheva E.A.** Corruption: institutional features, social determinants and consequences..... 253
- Akhmetova G.F.** Dynamics of labor migration in the Republic of Bashkortostan 265
- Gusakov T.Yu.** Rural-urban migration on the Crimean Peninsula..... 279
- Ovchintseva L.A.** New villagers: motives and factors for moving from urban to rural areas..... 296
- Puzanova Zh.V., Filippov V.M., Simonova M.A., Larina T.I.** Domestic sexual child abuse: Social and social-cultural aspects 311
- Khagurov T.A., Chepeleva L.M.** Social-psychological reasons for the spread of the “AUE” subculture (hidden factors of the problem) 322

SOCIOLOGICAL LECTURES

- Tsvyk V.A., Tsvyk I.V.** Moral education of students in the contemporary society 340
- Vladimirov P.A., Lebedeva A.V.** On the origins of the methodology of social knowledge in Russia: A.S. Lappo-Danilevsky and contemporary discussions..... 354
- Trotsuk I.V.** Complex concepts with varying connotations: In search for conceptual definitions 365
- Komarova V., Lonska E., Tumulavičius V., Krasko A.** Artificial sociality in the human-machine interaction 377
- Platonov K.A., Legostaeva N.I.** Online communities in the study of political communication..... 391
- Barkov A.S., Romantseva E.E.** Project employee as a new type of personality 403

ANNIVERSARIES

- Sharkov F.I. 415

- AUTHORS** 417

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-211-224

Студенты России об обучении в период пандемии covid-19: ресурсы, возможности и оценка учебы в удаленном режиме*

И.А. Алешковский², А.Т. Гаспаршвили^{1,2,3},
О.В. Крухмалева^{1,2}, Нарбут Н.П.^{1,3}, Н.Е. Савина²

¹Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, 117198, Россия

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, стр. 46, Москва, 119991, Россия

³Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, 117218, Москва, Россия
(e-mail: aleshkovski@yandex.ru; gasparishvili@yandex.ru; kruhoks@yandex.ru;
narbut-np@rudn.ru; savina.opinio@yandex.ru)

Аннотация. Пандемия covid-19 поставила весь мир перед вызовами, которые потребовали принятия неотложных мер по организации функционирования социальных институтов в условиях новой реальности. В полной мере это коснулось института образования: системы образования всех стран мира были вынуждены, начиная с марта 2020 года, адаптировать свою деятельность к карантинным мерам и перевести всю работу в удаленный формат. В той или иной степени это затронуло все уровни образования — от дошкольного до высшего и дополнительного. Однако проблемы, которые пришлось оперативно решать на каждом уровне обучения, существенно различаются. В статье представлена сравнительная оценка деятельности вузов России студентами в период пандемии — на этапе вынужденного дистанта весной 2020 года и планового перехода в удаленный формат работы осенью 2020 года. Статья основана на результатах опроса российских студентов, проведенного в июне 2020 года (N=31423) и в феврале 2021 года (N=32358). В качестве гипотезы исследования выступило предположение, что выраженные весной негативные реакции на работу в дистанте и неприятие такого формата значительной частью участников образовательного процесса к осени 2020 года стали более сглаженными и не носили столь резкого характера. Результаты двух этапов исследования показали, что за прошедший год российские вузы прошли этап цифровой трансформации, который затронул как ресурсы организации образовательного процесса,

---

* © Алешковский И.А., Гаспаршвили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е., 2021
Статья поступила 12.03.2021 г. Статья принята к публикации 30.04.2021 г.

так и компетенции профессорско-преподавательского состава. Опыт работы в сложных и непредсказуемых условиях пандемии изменил общественное мнение от резко негативного восприятия дистанта до понимания и принятия его положительных и продуктивных форм для системы образования и субъектов образовательного процесса. Внедрение цифровых технологий — объективный и неизбежный процесс в развитии образовательной сферы и страны в целом.

Ключевые слова: высшее образование; дистанционное обучение; пандемия; цифровая трансформация; образовательные ресурсы; система управления обучением; образовательное неравенство; качество образования

На удаленный формат работы вузы России фактически перешли в марте 2020 года и завершили 2019/2020 учебный год в формате вынужденного дистанта. Новый учебный год начался, как и в большинстве стран мира, в смешанном формате, но ухудшение эпидемиологической ситуации осенью 2020 года привело к частичному повторению весеннего сценария для большинства образовательных организаций России. По данным Минобрнауки, к середине декабря 2020 года 55% вузов работали полностью дистанционно [6], а остальные реализовывали смешанный формат занятий. Возможность восстановления очного обучения у системы высшего образования появилась только в феврале 2021 года.

Экстренный переход на дистанционный формат работы в марте 2020 года отличался от относительно планового перехода на дистант и смешанное обучение осенью 2020 года. При этом оба формата работы — вынужденный и относительно спланированный — существенно отличаются от онлайн-обучения, которое предполагает использование массовых открытых онлайн-курсов (МООС) и дистанционной образовательной среды, а также требует специального учебно-методического контента, базирующегося на современных информационных технологиях и использующего разные возможности цифровой образовательной среды [3; 5; 7; 10]. Вместе с тем стрессовый опыт, полученный субъектами образовательной деятельности весной 2020 года, позволил к осени частично разрешить выявленные проблемы или найти пути их сглаживания.

Поэтому основной задачей нашего исследования стало изучение мнений студентов российских вузов об учебе в дистанционном формате, о проблемах и трудностях, с которыми они столкнулись, а также их оценок свое учебы, полученных в дистанте навыков и компетенций. В качестве гипотезы исследования выступило предположение, что негативные реакции на дистант и неприятие такого формата значительной частью участников образовательного процесса к осени 2020 года стали более сглаженными. Полученный российской системой высшего образования опыт работы в период вынужденных ограничений неизбежно оказывает влияние на процесс ее цифровой трансформации, стимулирует пересмотр используемых технологий и методов организации обучения, изменяет требования к компетенциям и навыкам преподавателей и студентов с позиций информационного, цифрового общества.

В исследовании Всемирного банка пандемия covid-19 отнесена к самым серьезным потрясениям для системы образования, фактически связывается с кризисом образования [23. С. 6–7]. Аналогичной точки зрения придерживаются и российские ученые, на протяжении последнего года занимающиеся всесторонним анализом функционирования системы образования [1; 5; 9]. Комплексный обзор публикаций по проблемам функционирования системы образования [20], начиная с известной работы Дж. Коулмена [11] и вплоть до 2010-х годов, показал, что модель основных факторов, влияющих на доверие общества к образованию, включает в себя следующие элементы: общее доверие, управление образованием, непосредственное функционирование образовательных учреждений, особенности уровней образования. Данный ретроспективный обзор оказался крайне полезен для понимания проблем доверия к образованию в период кризисных явлений, которые нарушают традиционную модель его функционирования — они неизбежно влекут слом привычных форм работы и создают новые «правила игры», к которым общество функционально и организационно не готово.

Вынужденные карантинные меры и изменение традиционных форм организации обучения выявили целый ряд проблем и противоречий, в системе образования, охватив как технические, так и институциональные, социальные и политические сферы общества. Большая часть проблем характерна для всех образовательных систем, различия наблюдаются в остроте их проявления и возможностях разрешения. Особенности функционирования систем образования в разных странах мира посвящены исследования целого ряда зарубежных авторов, в которых детально описаны различные аспекты работы высшей школы в период карантина и предложены шаги по решению выявленных проблем [см., напр.: 15–19; 24–26]. Российский опыт организации работы вузов в условиях вынужденных ограничений отражен в исследованиях, проведенных как по инициативе Минобрнауки, так и отдельными вузами и исследовательскими организациями [2; 4; 8; 9]. Результаты этих проектов использовались для проверки данных нашего исследования.

К основным проблемам, выявленным пандемией в образовательной сфере, можно отнести техническую оснащенность и информационно-ресурсные возможности образовательных организаций и администрирования образования в стране в целом [1; 9; 10]; цифровое, региональное и социальное неравенство [23]; обеспечение доступа к широкополосной связи; наличие электронных устройств (компьютеры, смартфоны, планшеты) для обучения в онлайн-формате; условия для участия в дистанционной работе всех ее субъектов [7; 8]; несоответствие между ресурсами и потребностями в обучении; отсутствие цифрового контента и необходимого уровня квалификации для подготовки учебных занятий онлайн [3; 4; 8; 12; 14]; социально-психологические особенности организации процесса обучения в дистанте, поиск путей поддержки студентов и преподавателей [5; 8; 13; 21].

Наше исследование было проведено при поддержке общероссийской общественной организации «Российское профессорское собрание», которая

имеет отделения во всех регионах России и объединяет преподавателей самых разных вузов. Опрос был реализован в два этапа: первый этап — весенний семестр 2020 года (экстренный переход на дистанционное обучение), опрос был проведен в июне; второй этап — осенний семестр 2020 года (постепенный переход на дистант или организация смешанного обучения), опрос был проведен в феврале 2021 года. В исследовании использовалась отсеянная (поточная) выборка: ее особенностью является формирование посредством рассылок через электронные ресурсы с последующим отбором по характеристикам, определенным задачами исследования. Сбор данных проводился на платформе Google Forms с помощью стандартизированного бланка анкеты. Доступ к заполнению анкеты предоставлялся по ссылке в письме, разосланном администрацией вуза по базе электронных адресов своих студентов. Объем выборки на первом этапе составил 31423 человека, на втором этапе — 32358 человек.

Формат обучения в вузах в марте–мае и в сентябре–декабре 2020 года.

В ходе первого этапа исследования, весной 2020 года, участники опроса указывали, что их образовательные организации с конца марта работали в дистанционном формате (97,9%). Такая форма работы регламентировалась приказом Минобрнауки, и ее осуществляли практически все образовательные организации страны (100%) [6]. Большинство образовательных организаций и, соответственно, студентов, участвующих в исследовании, в осеннем семестре учились в сентябре–октябре в смешанном формате, а завершали год в ноябре–декабре преимущественно в дистанте. На выбор формата обучения оказывал влияние целый ряд факторов: эпидемиологическая ситуация в регионе и отдельном населенном пункте; специфика направления подготовки и его перевода в онлайн-формат; возможность соблюдения предписаний и регламентов Роспотребнадзора для организации очного обучения; организация обучения иногородних и иностранных студентов; ситуация в общежитиях и др. По мере ухудшения эпидемиологической ситуации формат обучения менялся в сторону отказа от очных занятий. Начала учебный год в дистанционном формате треть опрошенных. В ноябре учились полностью в удаленном формате 64,1% опрошенных студентов. Эти данные согласуются с данными Минобрнауки, согласно которым к декабрю 2020 года полностью в дистанционном формате работали 55% подведомственных ему вузов [6]. По данным нашего исследования, 71,4% участников опроса в декабре учились полностью в дистанционном формате.

Наличие у вузов ресурсов для дистанционного обучения. Наиболее гладко и естественно переход на удаленный формат прошел у тех вузов, где уже была внедрена система информационно-электронного сопровождения обучения и имелся какой-то реальный опыт включения всех участников образовательного процесса в такой формат. По данным Минобрнауки, к 2020 году более 88% вузов были оснащены собственными LMS-платформами, которые позволяли осуществлять образовательный процесс в режиме как онлайн, так и

офлайн, хотя только 45% из них использовались в организации обучения [4]. Эти вузы фактически уже имели отработанные технологии электронного взаимодействия с участниками образовательного процесса, а у преподавателей был определенный электронный контент, наработки для ведения учебных занятий и коммуникации со студентами.

На первом этапе исследования о наличии в вузе собственной LMS-платформы сообщили большинство студентов (93,3%), на втором этапе их доля была несколько ниже (89,2%). Указали, что доступ к ресурсам данной системы (логин и пароль) есть у каждого студента, на первом этапе 94,4% респондентов, на втором — 86,7%. В весеннем опросе о том, что работа на LMS-платформе была обязательной составляющей учебного процесса еще до марта 2020 года, сообщила лишь половина участников опроса (52,4%). Четверть респондентов отметили, что работать на данном ресурсе можно было по желанию (24,4%), примерно столько же — что работа на данном ресурсе практически не велась (23,2%). Вероятно, разница между первым и вторым этапами исследования отражает активность вузов по использованию ресурсов дистанционного обучения именно в осеннем семестре. Ответы респондентов в весеннем опросе носили скорее констатирующий характер, так как у многих студентов реальное дистанционное обучение продолжалось недолго (1–1,5 месяца) — в мае начинается сессия, защиты выпускных квалификационных работ, подготовка к государственным экзаменам и т.п. А осенний семестр реализовывался в настоящем дистанционном формате и требовал системного доступа ко всем ресурсам для организации обучения. Поэтому разница в долях как раз и показывает, что часть вузов не смогла запустить работу на собственной платформе в полном объеме.

В опросе, проведенном весной, был зафиксирован следующий факт: несмотря на популярную точку зрения, что дистанционное обучение стремительно набирает обороты и составляет серьезную конкуренцию привычному формату работы, большинство участников опроса личного опыта работы в дистанте не имели. Это наблюдение подтвердилось и на втором этапе: доля тех, кто не имел опыта дистанционного обучения до марта 2020 года, почти не изменилась (1 этап — 67,2%, 2 этап — 69,1%).

Перераспределение произошло среди тех, кто такой опыт имел — выросла доля респондентов, приобретших такой опыт в школе (с 2,9% до 12,8%). Можно предположить, что осенью в опросе принимали участие студенты первых курсов, у которых был опыт завершения школы в дистанте, и частично они его озвучили в своих ответах, не обращая внимания на указанный период (до марта 2020 года). Значимым показателем является и незначительное увеличение доли тех, кто указал на наличие опыта обучения на онлайн курсах (с 16,2% до 23,9%). Видимо, карантинные меры и удаленное завершение учебного года стимулировали часть студентов пользоваться онлайн форматом для получения дополнительных знаний или «прокачки» имеющихся. Сокращение в осеннем опросе доли тех, кто в качестве опыта указал

курсы в вузе, реализуемые в дистанте (с 13,2% до 7%), скорее всего можно отнести либо к перераспределению респондентов по направлениям, либо к возможностям обучения в дистанте, т.е., имея опыт дистанционного обучения осенью 2020 года, часть участников опроса не сочли свой опыт дистанционного обучения, приобретенный до марта 2020 года, релевантным.

Оценка опыта обучения в дистанционном формате. Изменение формата обучения стало серьезным стрессом для всех участников образовательного процесса [5; 7; 13]. Однако в период вынужденного дистанта опасения и тревоги студентов был связаны в основном с организацией образовательного процесса, необходимостью освоения новых ресурсов, наличием устойчивой интернет-связи, гарнитуры и т.п., а также с неопределенностью в организации аттестаций, защит и обеспокоенностью качеством подготовки с точки зрения работодателей. Осенью, в период планового перехода на удаленный формат, опасения и тревоги студентов скорее можно было бы отнести к внешним факторам, таким как состояние здоровья, эпидемиологический уровень в регионе проживания, тревога о близких, если возникнет необходимость очного обучения.

На втором этапе исследования положительные и смешанные впечатления от дистанта распределилась практически поровну. Около половины респондентов положительно оценили такой формат (48,5%) — в весеннем опросе доля таких оценок была значительно ниже (30,2%). Смешанное впечатление на втором этапе высказали 42,1% респондентов (49,9% — на первом этапе). Осенью только каждый десятый респондент дал отрицательную оценку дистанту (9,4%) — в весеннем опросе уже каждый пятый (19,9%). Возможно, здесь проявляется влияние не только наработанных технологий и образовательного контента, который появился у преподавателей и вузов к осеннему семестру, но и более спокойная внешняя среда, стабилизировавшиеся общественное мнение относительно образования в дистанте, а также оценка реальной угрозы болезни, так как к осени многие столкнулись с ней в своих семьях, среди близких, знакомых или переболели сами. Все это позволило более адекватно и менее эмоционально оценить образование в удаленном режиме без прерывания обучения.

Доля тех, кто не испытывал никаких эмоций из-за перехода на дистанционный формат, на обоих этапах исследования практически совпала (22,3% весной и 23,2% осенью). Не изменилась и доля тех, кто испытывал страх за свое образование и прохождение аттестации (23,4% и 21,1%). Эмоциональные же оценки перераспределились: растерянность и неуверенность в своей включенности в учебный процесс испытывала меньшая часть опрошенных (21% весной против 14% осенью), но возросла доля тех, кто от перехода в дистант испытывал положительные эмоции и рассматривал его как возможность попробовать что-то новое и необычное (29,2% весной и 41,7% осенью). Аналогичные наблюдения сделали и зарубежные исследователи [15–17; 19; 24].

Полученные данные показывают, что первые и преимущественно негативные впечатления от образования в дистанционном формате, фиксируемые весной 2020 года [2; 3; 9], постепенно сменились более взвешенными оценками с менее выраженным эмоциональным компонентом и осознанием положительных сторон и возможностей такой формы обучения в экстремальных условиях. Также определенное влияние, видимо, оказали выступления руководителей отрасли, лидеров мнений, авторитетных специалистов с оценками дистанта в обычных условиях функционирования системы образования.

Ответы на вопрос о получении дополнительного образования в период пандемии на двух этапах исследования оказались схожими: получали дополнительное образование 29,9% респондентов на первом этапе и 26,5% на втором этапе. Те, кто учился дополнительно, указали курсы, не связанные со специальностью: 51,6% весной и 53,4% осенью. Еще треть из них занимались иностранными языками (33,7% и 31,3%) и осваивали смежные специальности (31,6% и 34,7%). Любопытно, что 11,4% и 14,1% (на разных этапах) указали дистанционные занятия с репетиторами по предметам, по которым испытывают сложности в процессе обучения в вузе. Относительно использования курсов на открытых онлайн ресурсах с последующим зачетом их в вузе ответы респондентов разделились практически поровну: проходили обучение 49,3% опрошенных в весеннем семестре и 43% — в осеннем.

Работа в дистанционном формате неизбежно потребовала от участников образовательного процесса совершенствования или приобретения новых навыков и освоения новых технологий. Отвечая на вопрос о том, как они оценивают изменение своих знаний и навыков в области информационных технологий за период ограничений, респонденты на двух этапах исследования дали несколько различающиеся ответы. На первом этапе многие участники опроса отметили, что их знания и навыки в области информационных технологий и ресурсов за период карантина и вынужденного весеннего дистанта практически не претерпели изменений (39,3%), на втором этапе таковых стало меньше — 30%. Треть респондентов на втором этапе указали, что усовершенствовались и расширили свои знания по работе с определенными ресурсами (35,6%). В вынужденном весеннем дистанте большинство участников образовательного процесса (и студенты, и преподаватели) практически не имели опыта работы на большинстве платформ и ресурсов, используемых во время дистанта. Такие популярные ресурсы, как Skype или Discord, обычно (до пандемии) использовались лишь в личных целях — для общения или в игровом пространстве (например, Discord популярен у геймеров для внутриигровой коммуникации). Организация процесса обучения в осеннем семестре носила более продуманный характер: большинство вузов с учетом опыта весеннего семестра определили для себя круг ресурсов для организации образовательного процесса, проработали инструкции и контент [4; 14; 22], поэтому у студентов постепенно вырабатывались навыки такой работы.

Оценка эффективности учебы в текущем семестре. В целом, оценивая эффективность своей учебы в текущем семестре, треть респондентов отметили,

что она не изменилась в связи с переходом на дистант — 33,3%. На то, что их учеба стала более эффективной, указали 28,4%. Снижение эффективности отметили 30,2%, что существенно меньше, чем на первом этапе опроса. Данные российских и зарубежных исследований также подтверждают эти оценки [4; 13; 18; 21].

Оценка ресурсного обеспечения обучения. Как показал весенний семестр, для эффективной организации обучения в дистанционном формате большое значение имеет техническое обеспечение. Основным инструментом дистанционной учебы для значительного числа обучающихся является смартфон, а обеспеченность ноутбуками, планшетами и персональными компьютерами не стопроцентна. Поэтому в осеннем опросе студентам задавался вопрос о типе устройства, с которого преимущественно осуществляется учеба в дистанте. Распределение ответов подтвердило гипотезу о том, что смартфон — наиболее доступное и чаще всего применяемое устройство: его используют 82,2% респондентов, а основной рабочей комбинацией является применение смартфона и ноутбука (53,5%).

Сопоставление распределения ответов на двух этапах исследования показывает, что к осеннему семестру произошло некоторое изменение в ресурсном обеспечении образовательного процесса. Как показал вынужденный дистант весной 2020 года всем вузам и системам образования мира, крайне важно создать условия и обеспечить, в первую очередь, непрерывность процесса обучения студентов. Поэтому вузы использовали самые доступные и быстро внедряемые инструменты: собственная LMS-платформа, Zoom и электронная почта — на первом этапе исследования их указали более 60% респондентов (все остальные ресурсы набрали 10%–27%). Однако опыт работы показал, что, например, доступный Zoom имеет ряд недостатков (ограниченность времени конференции, отсутствие контроля входа для посторонних участников, визуализация материала и т.п.), и для его качественной работы необходим платный доступ, т.е. дополнительные затраты, в том числе на обучение работе с ресурсом.

Как показали результаты опроса на втором этапе исследования, несмотря на все недостатки, Zoom закрепил свои лидирующие позиции и стал самой популярной платформой для работы в дистанте, и несколько сократилась доля использования собственной LMS-платформы — с 61,1% весной до 49,3% осенью. Скорее всего, это связано с обнаруженными недочетами и доработкой возможностей данного ресурса с целью их совершенствования и оптимизации. При этом существенно возросла доля применения MS Teams (с 3,1% до 22,2%), что объясняется, прежде всего, тем, что во многих вузах электронная образовательная среда предполагает MS Teams как встроенный элемент, и он хорошо интегрируется с Moodle (27,9% и 43,6% соответственно), который чаще всего используется для организации системы удаленного обучения и активно применялся в осеннем семестре. Доли применения остальных ресурсов — от 2% до 16%. Кроме того, практически не изменились доли

использующих возможности электронной почты и мессенджеров. С точки зрения организации дистанта электронная почта не является базовой составляющей, но именно ей в большей степени доверяют все участники образовательного процесса — и студенты, и преподаватели, и администрация.

Таким образом, для качественной образовательной деятельности и реализации возможностей дистанта в полном объеме необходимы дополнительные материальные затраты как со стороны обучающихся, так и вуза, а также ориентация преподавателей на создание новой цифровой дидактики, цифрового контента с учетом ресурсных возможностей студентов, и выработка необходимых и согласованных мер по организации эффективной и доступной коммуникации в режиме удаленного доступа. Безусловно, все это требует времени, материальных затрат и, возможно, административных, законодательных решений о мерах поддержки образовательного процесса и его участников.

Сопоставительный анализ результатов весеннего и осеннего этапов исследования показывает, что к осени организация учебы стала более определенной и структурированной. Преподаватели в вынужденном дистанте использовали все доступные формы взаимодействия со студентами с учетом своих навыков, технических возможностей, ресурсов и методических разработок по преподаваемым курсам (в том числе текстов лекций, презентаций, тестов и т.п.). Анализ лекционной работы в марте–мае 2020 года показал неготовность вузов организовать ее в активной форме с качественно подготовленным контентом. Основной целью в этот период было обеспечение непрерывности обучения, и она была достигнута. К осени большинство вузов определилось с моделями ведения занятий и продемонстрировали вполне адекватные ситуации формы организации лекционной и семинарской работы. Однако современные методы и модели обучения, такие, как «перевернутый» класс, работа в малых группах в рамках общей конференции (с разведением по «комнатам»), кейс-методы в дистанте и т.п. [16; 19; 22] в вузах России пока не имеют широкого применения.

90% опрошенных студентов указали, что в их вузе преподаватели читали лекции онлайн в режиме реального времени на одной из платформ, т.е. рекомендации министерства по организации обучения в удаленном формате были выполнены практически повсеместно. Однако необходимо отметить, что такая форма лекционных занятий возможна только в экстренных условиях и не отвечает изначальным целям дистанционного обучения. Цель дистанта в классическом его понимании — оптимизировать процесс получения знаний, сделать его более удобным и доступным для всех участников. Лекция онлайн по жесткому расписанию автоматически сводит «на нет» эту форму [1; 7]. С учетом временных поясов, занятости и качества связи в разное время суток в разных регионах можно уверенно утверждать, что для части студентов такая форма работы была неудобна и неэффективна. Особенно это касается иностранных студентов, которые в силу ограничительных мер не могли въехать в Россию и приступить к традиционному оффлайн обучению. Дистанционная работа предполагает гибкость форм организации, но в силу

непроработанности ее регламентов и непонимания особенностей применения она пыталась имитировать обычный процесс учебы, только с использованием видеокамеры и микрофона.

Следует отметить, что такая популярная форма организации учебного (лекционного) взаимодействия, активно применяемая в зарубежных университетах, как рассылка текстов лекций и презентаций на электронную почту студентов, в России применяется редко — ее назвали только четверть респондентов. Пятая их часть указала, что преподаватели давали им возможность самостоятельно прослушать записанную лекцию, предоставляя ссылку на нее. Это весьма продуктивная форма работы, которая дает студентам возможность повторить материал, прослушать его несколько раз, детально разобрать возникающие вопросы в комфортном для себя режиме. С точки зрения используемых ресурсов такая возможность должна быть встроена в LMS-платформу вуза или обеспечиваться электронной образовательной средой. Доступ к записям лекций и семинаров должен быть автоматическим для студентов, прикрепленным к курсу — тогда рассылка не нужна, так как все записи структурированы и хранятся, как правило, на облачных серверах организаций. Схожий формат реализовывался и для семинарских занятий.

Оценка трудностей в организации дистанционного обучения. На втором этапе исследования была обнаружена значительная группа респондентов, которые не испытывали никаких трудностей при дистанционном обучении (22,8%). Сопоставление ответов респондентов, полученных в ходе двух этапов исследования, позволяет сделать вывод, что к переходу на дистант осенью и вузы, и студенты подошли более подготовленными как в техническом, так и в эмоционально-психологическом плане. Студенты «прокачали» свою мотивацию и самоорганизацию, настроились на учебу, приобрели необходимую гарнитуру и организовали свое рабочее место. Вузы определились с используемыми ресурсами, решили проблемы с подготовкой к удаленной форме работы преподавателей, прописали регламенты взаимодействия и коммуникации. Если в весеннем опросе эти проблемы назвали 43% опрошенных, то осенью — 28,2%.

Наиболее сложными проблемами стали технические — связанные со скоростью Интернета, плохим качеством связи. Они обычно не зависят ни от вуза, ни от студента — находятся в компетенции фирм-провайдеров интернет-связи и ведомств, отвечающих за качество покрытия высокоскоростным Интернетом территории России. Данный вопрос неоднократно обсуждался и в прессе, и на совещаниях профильных министерств и ведомств, Правительства России, на встречах с президентом страны [4; 8].

Опыт работы в дистанционном формате, полученный весной 2020 года, выявил еще одну группу проблем, которая непосредственно с обучением не связана, но влияет на уровень участия в нем и на комфортность получения образования в таком формате. Это последствия для здоровья полного дистанта и постоянного нахождения перед экраном компьютера или смартфона. На проблемы, связанные с влиянием удаленного формата на здоровье (зрение, слух,

гиподинамию), указало 23,5% респондентов, т.е. каждый четвертый отмечает эти проблемы как требующие решения. С учетом того факта, что речь идет о представителях молодого поколения, поиск разумного сочетания заботы о здоровье и дистанционного образования крайне важен. Готовых предложений в настоящее время нет, но специалисты говорят о нормах нагрузки при дистанте, количестве обязательных и вариативных занятий в дистанте и пр.

В целом на втором этапе исследования существенно сократилась доля тех, кто считал, что дистанционный формат ухудшил качество образования (с 43,7% до 30,6%). О том, что дистант не влияет на качество образования, заявили 34,6% (против 27,7% на первом этапе). Улучшение качества обучения в дистанционном формате фиксировали 16,5% (11,4%). Иными словами, к концу осеннего семестра студенты имели более четкие представления о возможностях, преимуществах и недостатках дистанционного обучения и могли оценить его влияние на качество получаемого ими образования.

***

Летом и осенью 2020 года большинство вузов, представители которых принимали участие в исследовании, достаточно активно участвовали в разработке, внедрении и использовании в образовательном процессе ресурсов управляемого обучения. Однако значительная часть образовательных организаций не смогла к осеннему переходу на дистант запустить работу на собственной платформе в полном объеме. Изменение формата обучения стало серьезным стрессом для всех участников образовательного процесса, но в период вынужденного дистанта опасения и тревоги студентов были связаны в основном с организацией образовательного процесса, необходимостью освоения новых ресурсов, наличием устойчивой интернет-связи, гарнитуры и т.п., а также с неопределенностью в организации аттестаций и неуверенностью в качестве подготовки, а осенью — скорее с внешними факторами. Первые и преимущественно негативные впечатления от дистанционного образования, фиксируемые весной 2020 года, к осени сменились более взвешенными оценками и признанием положительных сторон и возможностей такой формы обучения в экстремальных условиях. Традиционный образовательный процесс в режиме очного аудиторного обучения неизбежно будет претерпевать изменения, постепенно превращаясь в комбинированное (смешанное) обучение, к которому должны быть готовы и вузы, и преподаватели, и студенты.

Библиографический список/References

- [1] *Агранович М.Л.* Организация образования в условиях пандемии. Практика стран ОЭСР / *Agranovich M.L.* Organizatsiya obrazovaniya v usloviyakh pandemii. Praktika stran OESR [Organization of education under the pandemic. Practice of the OECD countries]. URL: <https://firo.ranepa.ru/novosti/105-monitoring-obrazovaniya-na-karantine/789-agranovich-eksptiza>. (In Russ.).
- [2] Аналитический обзор по опросу «Выпускники школ и студенты высказали мнение о дистанционном образовании» / *Analitichesky obzor po oprosu "Vypuskniki shkol i studenty vyskazali mnenie o distantsionnom obrazovanii"* [Analytical review of the survey

- “School graduates and students expressed their opinion about the distance learning”»). 27.05.2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vypuskniki-shkol-i-studenty-vyskazali-mnenie-o-distancionnom-obrazovanii>. (In Russ.).
- [3] Аналитический центр НАФИ: Система образования оказалась не готова к переходу на дистанционное обучение в условиях пандемии / Analitichesky tsentr NAFI. Sistema obrazovaniya okazalas ne gotova k perekhodu na distantsionnoe obuchenie v usloviyakh pandemii [NAFI Analytical Center: The education system was not ready for the distance learning under the pandemic]. URL: <https://nafi.ru/analytics/sistema-obrazovaniya-okazalas-ne-gotova-k-perekhodu-na-distantsionnoe-obuchenie-v-usloviyakh-pandemi>. (In Russ.).
- [4] Высшее образование: уроки пандемии (оперативные и стратегические меры по развитию системы): Аналитический доклад Министерства науки и высшего образования, октябрь 2020 / Vysshee obrazovanie: uroki pandemii (operativnye i strategicheskie меры по razvitiyu sistemy). Analitichesky doklad Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya, oktyabr 2020 [Higher education: Lessons from the pandemic (operational and strategic measures to develop the system). Analytical report of the Ministry of Science and Higher Education, October 2020]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=25528. (In Russ.).
- [5] Зернов В.А., Манюшес А.Г., Валявский А.Ю., Учеваткина Н.В. Образовательное пространство России после пандемии: вызовы, уроки, тренды, возможности // Научные труды ВЭО России. 2020. Т. 223 / Zernov V.A., Manyushes A.G., Valyavsky A.Yu., Uchevatkina N.V. Obrazovatelnoe prostranstvo Rossii posle pandemii: vyzovy, uroki, trendy, vozmozhnosti [The educational space of Russia after the pandemic: Challenges, lessons, trends, opportunities]. *Nauchnyye trudy VEO Rossii*. 2020; 223. (In Russ.).
- [6] Интервью заместителя министра науки и высшего образования Д. Афанасьева // Российская газета, 11.12.2020 / Interv`yu zamestitelya ministra nauki i vysshego obrazovaniya D. Afanasieva [Interview of the Deputy Minister of Science and Higher Education D. Afanasiev]. *Rossiyskaya Gazeta*, 11.12.2020. (In Russ.).
- [7] Мельник Д. Высшее образование в мире: какие проблемы высветила пандемия / Melnik D. Vysshee obrazovanie v mire: kakie problemy vysvetila pandemiya [Higher education in the world: What problems the pandemic revealed]. URL: <https://www.skolkovo.ru/sp/anti-fragility/article/vysshee-obrazovanie-v-mire-kakie-problemyvysvetila-pandemiya>. (In Russ.).
- [8] Уроки стресс-теста: вузы в условиях пандемии и после нее: Аналитический доклад Министерства науки и высшего образования / Uroki stress-testa: vuzy v usloviyakh pandemii i posle nee. Analitichesky doklad Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya [Lessons of the stress test: Universities under and after the pandemic: Analytical report of the Ministry of Science and Higher Education]. 3.07.2020. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=21523. (In Russ.).
- [9] Штыхно Д.А., Константинова Л.В., Гагиев Н.Н. Переход вузов в дистанционный режим в период пандемии: проблемы и возможные риски // Открытое образование. 2020. Т. 24. № 5 / Shtykhno D.A., Konstantinova L.V., Gagiev N.N. Perekhod vuzov v distantsionny rezhim v period pandemii: problemy i vozmozhnye riski [Transition of universities to the distance learning mode under the pandemic: Challenges and possible risks]. *Otkrytoe Obrazovanie*. 2020; 24 (5) (In Russ.).
- [10] Aturin V.V., Moga I.S., Smagulova S.M. Digital transformation Mmagement: Scientific approaches and economic policy. *Upravlenets*. 2020; 11 (2).
- [11] Coleman J.S. Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*. 1988; 94.
- [12] Facker S., Sammons P., Malmberg L.-E. A comparative analysis of predictors of teacher self-efficacy in student engagement, instruction and classroom management in Nordic, Anglo-Saxon and East and South-East Asian countries. *Review of Education*. 2021; 9 (1).
- [13] Ferrer J., Ringer A., Saville K. et al. Students' motivation and engagement in higher education: The importance of attitude to online learning. *Higher Education*. 2020; November.
- [14] Gherhes V., Simon S., Para I. Analyzing students' reasons for keeping their webcams on or off during online vlasses. *Sustainability*. 2021; 13 (6).

- [15] Gillis A., Krull L.-M. Covid-19 remote learning transition in spring 2020: Class structures, student perceptions, and inequality in college courses. *Teaching Sociology*. 2021; 48 (4).
- [16] Gomez E., Azadi J., Magid D. Innovation born in isolation: Rapid transformation of an in-person medical student radiology elective to a remote learning experience during the covid-19 pandemic. June 2020. <https://doi.org/10.1016/j.acra.2020.06.001>.
- [17] Govindarajan V., Srivastava A. What the shift to virtual learning could mean for the future of higher education. *Harvard Business Review*. 2020; March 31.
- [18] Gonçalves S.P., Sousa M.J., Pereira F.S. Distance learning perceptions from higher education students — the case of Portugal. *Education Science*. 2020; 10.
- [19] Muhammad A., Kainat A. Online learning amid the covid-19 pandemic: Students' perspectives. *Journal of Pedagogical Sociology and Psychology*. 2020; 2 (1).
- [20] Niedlich S., Kallfas A., Pohle S., Bormann I. A comprehensive view of trust in education: Conclusions from a systematic literature review. *Review of Education*. 2021; 9 (1).
- [21] Ryan R.M., Deci E.L. Intrinsic and extrinsic motivation from a self-determination theory perspective: Definitions, theory, practices, and future directions. *Contemporary Educational Psychology*. 2020; 61.
- [22] Sailer M., Sailer M. Gamification of in-class activities in flipped classroom lectures. *British Journal of Educational Technology*. 2021; 52 (1).
- [23] The Covid-19 Pandemic: Shocks to Education and Policy Responses. May 2020. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33696/148198.pdf?sequence=4&isAllowed>.
- [24] Toquero C.M. Challenges and opportunities for higher education amid the covid-19 pandemic: The Philippine context. *Pedagogical Research*. 2020; 5 (4).
- [25] Unterhalter E., Howell C. Unaligned connections or enlarging engagements? Tertiary education in developing countries and the implementation of the SDGs. *Higher Education*. 2021: 81.
- [26] Qandil A., Abdel-Halim H. Distance e-learning is closer than everybody thought: A pharmacy education perspective. *Health Professions Education*. 2020; 6 (3).

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-211-224

Russian students about learning under the covid-19 pandemic: Resources, opportunities and assessment of the distance learning*

**I.A. Aleshkovski², A.T. Gasparishvili^{1,2,3},
O.V. Krukhmaleva^{1,2}, N.P. Narbut^{1,3}, N.E. Savina²**

¹RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1–46, Moscow, 119991, Russia

^{3,2}Institute of Sociology of FCTAS RAS
Krzhizhanovskogo St., 24/35-5, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: aleshkovski@yandex.ru; gasparishvili@yandex.ru; kruhoks@yandex.ru;
narbut-np@rudn.ru; savina.opinio@yandex.ru)

Abstract. The covid-19 pandemic has made the whole world face specific challenges that required urgent decisions on how to organize the work of social institutions, including education, in this new reality. Since March 2020, national education systems all over the world have been adapting their activities to the quarantine measures and have been switching to distance learning. In varying

---

* © I.A. Aleshkovski, A.T. Gasparishvili, O.V. Krukhmaleva, N.P. Narbut, N.E. Savina, 2021
The article was submitted on 12.03.2021. The article was accepted on 30.04.2021.

degrees, these changes affected all levels of education — from preschool to higher and postgraduate education. However, the tasks to be solved differed by the level of education. The article presents the results of the comparative analysis of the activities of the Russian higher-educational institutions based on their students estimates — during the forced distance learning in the spring of 2020 and during the planned switch to such a format in the fall of 2020. The article is based on the surveys of the Russian students conducted in June 2020 (N=31423) and February 2021 (N=32358). The study was conducted to test the hypotheses that negative estimates of distance learning and rejection of such a format by many students in the spring of 2020 changed in the fall of 2020. The results of two surveys show that Russian universities have passed through the stage of digital transformation which affected both the resources for organizing the educational process and the competences of the teaching staff. The experience of work in the difficult and unpredictable conditions of the pandemic changed the public opinion from the negative perception of distance learning to understanding and accepting its positive features for the education system and its actors. The introduction of digital technologies is an objective and inevitable process in the development of the educational sphere and the country.

Keywords: higher education; distance learning; pandemic; digital transformation; educational resources; learning management system (LMS); educational inequality; quality of education

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-225-238

Высшее образование глазами студентов (на примере мониторингового исследования выпускников МЭИ)*

М.Л. Ивлева¹, С.Н. Курилов², Балдо Дагцмаа³

¹Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Национальный исследовательский университет
«Московский энергетический институт»
ул. Красноказарменная, 14, Москва, 111250, Россия

³Национальный университет Монголии
Их Сургуулин Гудамж-1, 46а/523, 14201, Улан-Батор, Монголия
(e-mail: ivleva-ml@rudn.ru; kurilov85@mail.ru; dagzmaa@gmail.com)

Аннотация. В статье представлена попытка решить задачу оценки качества организации и содержания высшего образования с позиции обучающихся. Авторы рассматривают отечественный и зарубежный опыт включения в данную деятельность студента как одного из ее главных действующих лиц. Для решения поставленной задачи выделены наиболее распространенные формы участия студентов в обеспечении качества образования, обозначены проблемные области и неиспользованные резервы подобной студенческой деятельности. Так, основной формой участия студентов в оценочно-контрольной деятельности вуза является заполнение различных анкет с целью выявления их оценок и мнений о прослушанных в период обучения курсах. Проанализирована практика ряда зарубежных и отечественных вузов в данной области. В частности, в качестве примера рассмотрен опыт Российского университета дружбы народов, Северо-Восточного федерального университета, Института уполномоченных по качеству от студентов в Кемеровском филиале Российского государственного торгово-экономического университета, а также Центра прикладных социологических исследований Московского энергетического института (НИУ «МЭИ»). Представлены результаты социологического исследования мнений и оценок выпускников технических и социально-гуманитарных направлений НИУ «МЭИ» (2017–2019) по вопросам базовой и профессиональной подготовки. Проведенное мониторинговое исследование выявило ряд факторов, влияющих на качество подготовки в период прохождения практики в вузе, что позволило авторам обозначить ключевые проблемы маркетинга образовательных услуг в современном вузе. Показана необходимость изучения вопросов самореализации выпускников, их востребованности на рынке труда, а также поиска новых критериев для оценки качества высшего образования. Признается необходимость и возможность формирования новой идеологии управления качеством образования в вузе, предлагается ряд условий и мер, которые могут гарантировать качество высшего образования в России.

Ключевые слова: качество образования; высшее образование; студенты; мониторинговое исследование; выпускники вуза; маркетинг образовательных услуг; профессиональная самореализация; критерии оценки качества; гарантии качества

* © Ивлева М.Л., Курилов С.Н., Балдо Дагцмаа, 2021

Статья поступила 16.10.2020 г. Статья принята к публикации 03.12.2020 г.

Интеграция отечественного образования в мировое пространство и происходящие в нашей стране социально-экономические преобразования выдвигают ряд принципиально новых требований к системе высшего образования, в том числе к планированию и организации учебного процесса, содержанию профессионального образования и, соответственно, квалификации выпускников [3; 5; 10]. Одной из наиболее актуальных и вызывающих оживленные дискуссии и споры является проблема оценки качества образования. Так, в утвержденной распоряжением Правительства России в 2014 году «Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы» [11] ставилась довольно амбициозная цель — обеспечить условия для эффективного развития российского образования, направленного на формирование конкурентоспособного человеческого потенциала. Реализация цели предполагала в том числе формирование обновленной, отвечающей запросам времени идеологии управления качеством образования в вузе в контексте включения в данную деятельность студента как одного из главных действующих лиц [6; 12; 18].

Современный вуз существует в жестких рыночных условиях конкуренции в сфере образовательных услуг. Это особенно отражается на московских вузах, где конкуренция в силу исторически сложившихся причин и традиций намного выше, чем в других регионах. В Москве сегодня работает более 260 вузов, что почти в три раза больше, чем в ближайшем конкуренте — Санкт-Петербурге. Конкурентная среда побуждает вузы учитывать мельчайшие оттенки предпочтений потребителей образовательных услуг, среди которых предприятия, учреждения и, конечно, выпускники вузов.

В отечественном образовательном пространстве сегодня единодушно признается тот факт, что система оценки качества преподавания, когда сам преподаватель оценивает качество своего труда, является архаичной и излишне субъективной. Единодушие наблюдается и в признании необходимости изменения этой системы в направлении активизации участия студентов как потребителей образовательных услуг в оценочных процедурах качества образования. Следует признать, что проблема совершенствования сферы управления образованием, формирования «обратной связи» и оценки качества образования давно вышла на государственный уровень и обозначена в правительственных документах как одна из ключевых задач для осуществления транзита российского образования в будущее — из 2020 в 2024 годы. Достаточно упомянуть такие реализованные мероприятия, как создание ряда общественных организаций, в частности, Всероссийского студенческого совета по качеству образования, общероссийского общественного проекта «Всероссийская студенческая школа по качеству образования» и др. Деятельность этих организаций разнообразна и предполагает проведение семинаров-практикумов, студенческих форумов и школ по качеству образования. Также проводятся мониторинговые исследования по выявлению запросов и требований студентов, наиболее распространенных форм участия студентов в решении

задач обеспечения качества образования, проблемных областей и неиспользованных резервов в оценке качества высшего образования. Однако сложившаяся практика привлечения студентов к оценке организации и содержания образования в российских вузах свидетельствует об отсутствии структурированной и эффективной системы в данной области.

В этой связи полезным может оказаться зарубежный опыт: в ряде европейских стран участие студентов в процессах, связанных с управлением вузом, закреплено юридически и регламентируется как внутренними, так и внешними нормативными актами. В частности, речь идет о практике участия студентов в предоставлении обратной связи в вузах таких стран, как Финляндия, Австрия, Германия, Бельгия, Литва, Нидерланды, Швейцария, Словения, Великобритания, Норвегия и др. [17; 22]. Основной формой участия студентов в оценочно-контрольной деятельности вуза является заполнение различных анкет с целью выявления их оценок и мнений о прослушанных курсах. Разработчики анкет стремятся к оптимизации учебного процесса, проводят анализ обеспечения качества образовательной деятельности, мониторинг качества подготовки специалистов, определяют направления развития и совершенствования образовательной деятельности [15], что соответствует ситуации в отечественных вузах [10].

Различия наблюдаются в распространенности других форм активности студентов и в степени их вовлеченности в оценку качества образования [23]. Среди популярных, но недостаточно практикуемых в нашей стране форм можно назвать учебный курс в ряде западных университетов, направленный на ознакомление студентов с гарантиями качества образования в вузе и возможностями их участия в его обеспечении. В университетах Финляндии проводятся тематические дни и мероприятия, призванные ознакомить студентов с их правами и обязанностями в рамках участия в оценочном процессе и ознакомления с состоянием дел в вузе [14]. Ежегодно вручается премия самому активному студенту, внесшему существенный вклад в улучшение преподавания [20]. Внимания заслуживает и опыт привлечения студентов через общественные организации (студенческий союз и студенческие ассоциации), а также создание специальных структур по надзору за качеством высшего образования посредством оценки, аккредитации и признания уровня развития учебных заведений и качества курсов. При этом практически повсеместно имеет место обучение студентов оценочным процедурам как внутренних, так и внешних систем образования, создаются базы студентов-оценщиков.

Признавая серьезные достижения зарубежных коллег в анализируемой области, следует обозначить и успехи отечественных вузов, в частности, Института уполномоченных по качеству от студентов, созданного в Кемеровском филиале Российского государственного торгово-экономического университета (далее — РГТЭУ) [4. С. 65]. Другой пример — Российский университет дружбы народов (РУДН), где создана и эффективно работает комиссия по качеству обучения при студенческом комитете. Усилиями членов

комиссии — студентов проводятся семестровые мониторинги качества подготовки специалистов, опросы об удовлетворенности студентов процессом обучения, встречи с ректором и проректорами, определяются проблемы и сложности и корректируются направления деятельности. Представители студенческих организаций являются постоянными членами ученых советов всех уровней, принимают активное участие в обсуждении всех вопросов, включая миссию университета и его политику, голосуют по всем без исключения вопросам, в том числе кадровым [16].

Следует упомянуть опыт создания и внедрения в Северо-Восточном федеральном университете (СВФУ) сертифицированной системы менеджмента качества с широкими полномочиями, которая функционирует наряду с аналогичной РУДН студенческой комиссией по качеству образования [9. С. 141]. Заслуживает внимания и работа Центра прикладных социологических исследований Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт» (далее — МЭИ), который регулярно проводит опросы студентов и выпускников [8].

Проблема востребованности выпускников инженерно-технических вузов, МЭИ в частности, в условиях динамичного развития цифрового общества, автоматизации и роботизации многих профессиональных сфер актуальна, в первую очередь, для самих вузов. Насколько совпадают или расходятся с реальностью представления вуза о востребованности его выпускников на рынке труда? Как складываются их профессиональные судьбы, и помогает ли вуз своим выпускникам найти достойное применение полученным за годы учебы знаниям? Что необходимо изменить, усовершенствовать в программах и процессе обучения бакалавров, магистров и аспирантов сегодня, чтобы соответствовать запросам новой эпохи и ведущим тенденциям в развитии отрасли? По этим и ряду других вопросов, не имея объективной картины, невозможно прийти к рациональным управленческим решениям и, тем более, разрабатывать краткосрочные и долгосрочные программы, позволяющие с большей эффективностью управлять образовательным процессом и упрочивать позиции вуза.

В МЭИ проводятся опросы выпускников не только технических специальностей, но и социально-гуманитарных (экономика, лингвистика, реклама и связи с общественностью). Последний опрос выпускников был проведен с мая по июль 2019 года — методом анкетирования накануне получения дипломов: в анкетировании приняли участие как выпускники-бакалавры, так и выпускники-магистры: 579 человек (457 бакалавров и 122 магистра). Опрос был призван выяснить отношение выпускников к полученной специальности, степень удовлетворенности подготовкой, участие выпускников в научной работе в процессе обучения, планы выпускников после получения диплома и возможные формы обратной связи с университетом.

Оказалось, что большинство опрошенных (63,2%) в 2019 году уже работали, причем 91% — не в МЭИ, что соответствует ориентации вуза на

подготовку специалистов для внешних работодателей. Более половины работающих выпускников (54,5%) трудоустроено по специальности, что в рыночных условиях можно рассматривать как положительный факт. Разумеется, выпускника нельзя назвать экспертом по профессиональной подготовке или маркетингу образовательных услуг, но опрошенные вполне в состоянии оценить образовательную систему университета и качество своей профессиональной подготовки. Большинство выпускников (80%) собираются работать по полученной в МЭИ специальности, 12% еще не определились, и только 8% не собираются работать по специальности, что совпадает с результатами опросов выпускников в 2017 и 2018 годы и может рассматриваться как положительная тенденция. За последние десять лет доля выпускников, не намеренных работать по специальности, колеблется в пределах 6–8%, как и за последние три года (2017–2019).

Подавляющее большинство выпускников (89,2%) удовлетворено полученной подготовкой (Табл. 1). Средний балл удовлетворенности по 10-бальной шкале составил 7,6 балла, что можно расценивать как высокий показатель. За период 2017–2019 годов средний балл колебался в пределах 6,9–7,6 балла, что можно рассматривать как устойчиво положительную оценку профессиональной подготовки. Аналогичная картина с некоторой положительной динамикой наблюдается по показателю «суммарные положительные оценки» (80,9–89,2%).

Таблица 1

Удовлетворенность профессиональной подготовкой (%)

Насколько Вы удовлетворены подготовкой, полученной в МЭИ?	Год		
	2017	2018	2019
Доля отрицательных оценок (1–5 баллов по 10-тибальной шкале)	19,1	28,4	10,4
Доля положительных оценок (6–10 баллов по 10-бальной шкале)	80,9	71,5	89,2
Средний балл по 10-бальной шкале	7,5	6,9	7,6

Выпускники 2019 года отметили, что наибольший дефицит знаний ощущают в следующих областях: иностранный язык; информатика и вычислительная техника. Запрос на дополнительные знания в этих сферах колеблется в пределах 27,1–31,6% опрошенных. Интерес выпускников к изучению иностранных языков вполне оправдан: расширение международных связей способствует увеличению числа специалистов, для которых иностранный язык является средством профессионального общения и активно используется для решения конкретных задач [13. С. 254]. Был отмечен рост потребности в знаниях по информатике и вычислительной технике — с 18,3% до 27,1%, что вполне естественно в условиях роста информатизации общества [1. С. 75].

Менее значим, но ощутим дефицит узкопрофессиональных, юридических и фундаментальных знаний — запрос в пределах 11,3–18,5% респондентов. Обращает на себя внимание запрос на гуманитарную составляющую профессиональной подготовки. В динамике, за период 2017–2019 годов, прослеживается снижение запроса на дополнительную подготовку по иностранным языкам (с 39% до 31,5%), а также по правоведению (юриспруденции), маркетингу и экономике, которые до недавнего времени были достаточно востребованы. Радует тот факт, что в нестабильных рыночных условиях сохраняется стабильное положительное отношение выпускников к фундаментальной подготовке, недостаток в которой, т.е. запрос на дополнительные знания, отмечают 11,3–14,5%.

Таблица 2

Недостаток знаний (%)

В какой области Вы ощущаете недостаток знаний (из тех, что Вы получали в вузе)?	Год		
	2017	2018	2019
Наиболее значимый дефицит знаний			
Иностранные языки	39	30,2	31,5
Узкопрофессиональные	21,5	27,3	15
Средний дефицит знаний			
Информатика и вычислительная техника (новейшие электронно-информационные средства и т.д.)	18,3	19	27,1
Фундаментальная подготовка (математика, физика, химия)	14,5	13,1	11,3
Юридические	17,3	12,1	12
Маркетинг	12,1	12	7,2
Экономика	17,9	10,8	9,9
Незначительный дефицит знаний			
Не испытываю недостатка знаний	13,1	10,1	18,5
Слишком много лишних знаний	7,8	9,7	7
Управление (менеджмент)	8,2	6,8	9,3
Психология	5,2	3,4	6,2
Социология	2,2	1,5	2,3
Общекультурные	2,6	1,3	2,3
Другое	0,6	0,2	0,9

В отношении профессиональной подготовки наблюдается неустойчивость запроса на дополнительные знания: за три года от 15% до 27,3% опрошенных отмечали дефицит профессиональных знаний. Эти колебания можно

объяснить в том числе расхождением содержания практики в университете и реалий будущих рабочих мест. Именно этим можно объяснить появление у крупных фирм собственных корпоративных систем переподготовки [5. С. 240–241]. Производственная практика — один из основных видов подготовки студента в техническом вузе. Главной задачей практики является формирование у студентов профессиональных компетенций — это важнейший компонент квалификационной характеристики будущего инженера-энергетика [21. С. 47]. Проведенное исследование выявило ряд факторов, влияющих на прохождение и результаты практики, в частности, это взаимодействие руководителей практики на кафедрах с руководителями предприятий и организаций энергетической отрасли.

Обозначенные выше тенденции в запросе выпускников на дополнительные знания за период 2017–2019 годов представлен в Таблице 2. Можно предположить, что бакалавры чаще испытывают недостаток знаний в таких областях, как информатика и фундаментальная подготовка, а магистры чаще нуждаются в правовых знаниях или «не испытывают недостатка в знаниях». При этом следует отметить, что в магистерских программах подготовки специалистов в технических университетах правовая составляющая представлена достаточно широко.

Запрос на дополнительное образование, по сути, является контрольным для оценки дефицита знаний и имеет выраженную поведенческую направленность, которая влияет на определение значимости дисциплин. Несомненно, между ощущением дефицита знаний и желанием получить дополнительное образование существует определенная дистанция, связанная с расхождением стремлений и поведения. Тем не менее, результаты опроса подтверждают лидирующую роль в дополнительном образовании иностранного языка, профессиональной подготовки, информатики и вычислительной техники, близки к лидирующей группе менеджмент и экономика (соответственно 18,5% и 12,7%) (Табл. 3). Динамика потребности в дополнительном образовании показывает стабильно высокий интерес выпускников к иностранным языкам и профессиональной подготовке, рост интереса к информатике и вычислительной технике, некоторое снижение интереса к менеджменту и экономике.

Каждый четвертый выпускник участвовал в научных конференциях (25,3%), а каждый восьмой выступал с докладом на научном семинаре (13,4%); в конкурсе студенческих научных работ участвовали только 5,1% выпускников. Научные усилия студентов чаще всего поощрялись дипломами и грамотами — 18–19% дипломников. Треть выпускников (35,1%) участвовали в научно-исследовательской работе кафедр, и большинство (80,3% участвовавших) довольно этим опытом. Доля тех, кто не участвовал в научно-исследовательской работе кафедры, составила 62,1% (примерно половина не участвовавших жалеет об этом).

Треть выпускников хотела бы остаться работать в университете преподавателем или научным сотрудником при условии приемлемой оплаты труда, примерно каждый пятый готов заниматься административно-управленческой

работой на тех же условиях. Минимальный уровень оплаты для работы в МЭИ, по мнению большинства выпускников (67,3% опрошенных), находится в границах от 41 до 120 тысяч рублей в месяц: примерно половина этой группы согласна на минимальную зарплату в 41–80 тысяч рублей, что вполне реально для современного московского вуза.

Таблица 3

Дополнительное образование (%)

В какой из перечисленных областей знаний Вы бы хотели или намереваетесь получить дополнительное образование?	Год		
	2017	2018	2019
Иностранные языки	41	33,6	41,1
Профессиональная	27,6	31,8	32,8
Информатика и вычислительная техника	19,4	20,6	23,6
Управление (менеджмент)	28,5	24,5	18,5
Экономика	19,4	13,2	12,7
Фундаментальная	5,3	3,5	7,8
Правоведение	7,3	4,5	6,5
Психология	7,3	4,9	5,5
Гуманитарная	2	1,7	2,3
Социология	0,7	0,6	1,4
Хотел бы полностью переквалифицироваться	3,1	1,6	0,9
Другое	0,9	0,4	0,7

Большинство выпускников (58,7%) намерены в будущем работать по специальности, треть (37,2%) стремится поступить в магистратуру МЭИ (или другого вуза — 5,8%), каждый десятый — выехать за рубеж для работы или открыть собственное дело (9,7% и 9,4% соответственно). Выпускников, стремящихся поступить в аспирантуру МЭИ, всего 4,1%, а в аспирантуру другого вуза — ничтожно мало (0,2%). Основной мотив ухода в магистратуру или аспирантуру другого вуза — «нет нужной программы». Многие выпускники ушли от ответа о планах на ближайшее будущее, ответив «работать там, где платят» (13,3%).

Выбор выпускниками отрасли или сферы будущей деятельности достаточно традиционен для МЭИ, хотя и не всегда связан с основным энергетическим профилем подготовки (36%) (Табл. 4). Значительные доли выпускников планируют работать в таких сферах, как информационные технологии, промышленность, телекоммуникация и связь, образование и наука, что подчеркивает востребованность более универсального технического образования по сравнению с узкопрофессиональным [2. С. 59].

Предпочитаемые отрасли/сферы деятельности

В какой отрасли или сфере деятельности Вы собираетесь работать?	%
Энергетика	36,2
Интернет-технологии, разработка и распространение программных продуктов	25,1
Промышленность	17,8
Телекоммуникация, связь, вычислительная техника	15,2
Образование, наука	10,5
Строительство	7,2
СМИ, реклама, шоу-бизнес	6,1
Финансы, банковское дело, кредит	6
Государственное и муниципальное управление	5,7
Медицина	3,2
Сфера обслуживания	2,7
Транспорт	2,4
Армия, МВД, прокуратура, таможня, налоговая полиция	1,5
Издательское дело	1,2
Гостиничный и туристический бизнес	0,7
Страхование	0,5
Налоговая служба	0,2
Иное	3,3

Самая популярная у выпускников форма связи с университетом — это «встречи с выпускниками» (79%), от которой значительно отстают посещение ДК МЭИ (15,5%), участие в социальных группах (14,1%) и получение информационных писем (12,4%).

Безусловно, проведенное исследование не охватывает всех аспектов рассматриваемой проблематики — необходимы сравнительные оценки мнений студентов разных вузов, а также конкретизация тематики и детализация вопросов. Закономерным продолжением исследования может стать изучение вопросов самореализации выпускников, их востребованности на рынке труда, а также поиск новых критериев оценки качества высшего образования в стране.

Что касается проблем, возникающих при осуществлении контрольно-оценочной деятельности в вузах и препятствующих обеспечению качества образования, был составлен их перечень на основе анализа отечественной и зарубежной литературы. Так, специалисты Института уполномоченных по

качеству от студентов Кемеровского филиала РГТЭУ в качестве проблем оценки качества образования назвали отсутствие традиции привлечения студентов к такой работе и неготовность студентов к общественной работе и независимому контролю [4. С. 65]. К этому перечню следует добавить и ряд других проблем. Дело в том, что опросы, в том числе с участием студентов, в большей степени отражают общие настроения, чем отношение к образованию. Студенты редко проявляют активность, часто ведут себя пассивно, опасаясь санкций или будучи недостаточно мотивированными для выполнения общественной работы. Очевидна неготовность студентов к выполнению оценочных функций, отсутствие программ подготовки студентов к оценочной деятельности, и ситуацию усугубляет сменяемость участников студенческих ассоциаций по окончании обучения в вузе. Еще одна проблема — степень искренности студентов при проведении опросов. К сожалению, и руководство вуза не всегда доверяет студентам или видит пользу от подобного рода мероприятий [10].

Анализ практики оценки качества образовательного процесса в нашей стране и за рубежом позволил обозначить условия и меры, обеспечивающие качество высшего образования. К ним можно отнести, в первую очередь, наличие программы, в которой система оценки качества подготовки специалистов полностью соответствовала бы задачам обучения, учитывала характеристики национальной образовательной системы и современные мировые тенденции развития образования. Важной задачей отечественного образования на будущее выступает совершенствование сферы управления высшим образованием, формирование «обратной связи» и системы оценки качества образования, развитие научно-методического обеспечения оценочной деятельности, системы стимулирования, мотивации и приобщения студентов к общественной работе, изменение роли и отношения студенчества к оценке деятельности вузов. Необходимо всячески способствовать восприятию студентами себя в этом процессе как равноправных партнеров, вести с ними прямой, открытый и конструктивный диалог, информировать о состоянии дел в образовательном учреждении, предоставлять льготы и поощрять. Эти меры окажут серьезную помощь в организации системы эффективной подготовки будущих специалистов и в приведении ее в соответствие с требованиями времени, позволят повысить качество высшего образования [7].

Библиографический список

- [1] *Абрамов В.А., Морозов И.В., Наскидашвили Д.А.* Оценка влияния качества современного образования на трудоустройство выпускников вузов // *Образование и наука.* 2019. № 1.
- [2] *Борзов Е.В., Корягина И.И., Вотякова О.И., Курылева Н.В.* Управление качеством образования на основе мониторинговых исследований // *Образование и наука.* 2016. № 6.
- [3] *Вишневская Н.Г.* Качество образования как индикатор конкурентоспособности выпускников вуза на рынке труда // *Вестник Башкирского университета.* 2015. Т. 20. № 1.

- [4] *Власенко Н.Ф.* Участие студентов в системе гарантии качества высшего образования // Вестник ТГПУ. 2012. № 2.
- [5] Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.
- [6] *Ерофеева О.В.* Качество высшего образования: роль студенчества в процессе улучшения образовательного процесса в вузе // Вестник ПГГПУ. Серия 1. 2014. № 2–2.
- [7] *Ивлева М.Л., Курмелева Е.М., Рудановская С.В.* Человек и общество в контексте современности (обзор всероссийской научной конференции с международным участием) // Вопросы философии. 2018. № 4.
- [8] *Ивлева М.Л., Курилов С.Н.* Проблема формирования социальной парадигмы эконоцентризма: опыт философского осмысления социологического исследования в вузе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. № 4.
- [9] *Игнатьев В.П., Варламова Л.Ф., Степанов П.А.* Привлечение студентов к оценке качества образования // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 12–1.
- [10] *Калугина Д.А.* Качество содержания, процесса и результата образования глазами студентов: результаты социологического исследования // Образование и наука. 2013. № 6.
- [11] Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы (утверждена распоряжением Правительства РФ от 29.12.2014 г. № 2765-р) // URL: http://www.lexed.ru/search/detail.php?ELEMENT_ID=4264.
- [12] *Кучина А.В., Воронцов Д.Б.* Участие студентов в оценке качества высшего профессионального образования // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2008. Т. 14. № 6.
- [13] *Медведева Е.А.* Анализ занятости выпускников системы высшего профессионального образования и их востребованности на рынке труда // Science Time. 2015. № 10.
- [14] *Меликян А.В.* Обеспечение качества высшего образования в странах ОЭСР // Вестник международных организаций. 2008. № 7–8.
- [15] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (часть 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2.
- [16] *Нарбут Н.П., Пузанова Ж.В., Ларина Т.И.* Жизнь студента в европейском измерении // Социологические исследования. 2017. № 5.
- [17] Норвегия: воплощение в жизнь элементов Болонского процесса // URL: <https://www.hse.ru/data/2010/05/12/1217370860/15.pdf>.
- [18] *Павлюченко А.В.* Обеспечение гарантий качества образования в вузе с привлечением студенчества // Молодой ученый. 2015. № 11.
- [19] Федеральный Закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
- [20] *Alaniska H., Codina E.A., Bohrer J., Dearlove R., Eriksson S., Helle E., Wiberg L.K.* Student Involvement in the Processes of Quality Assurance Agencies. Helsinki, 2006.
- [21] *Cirimiunna R., Meneguzzo F., Pecoraino M., Pagliaro M.* Reshaping the education of energy managers // Energy Research and Social Science. 2016. No. 21.
- [22] Embedding Quality Culture in Higher Education. A Selection of Papers from the 1st European Forum for Quality Assurance // URL: <https://www.eua.be>.
- [23] *Geven K.* Quality assurance is a process of growing up // Quality Assurance Review. 2010. Vol. 2. No. 1.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-511-44003 «Социальное знание: вызовы современной техногенной цивилизации»

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-225-238

Student assessments of the higher education (on the example of the monitoring survey of the MPEI graduates)*

M.L. Ivleva¹, S.N. Kurilov², Baldo Dagtmaa³

¹RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²National Research University Moscow Power Engineering Institute
Krasnokazarmennaya St., 14, Moscow, 111250, Russia

³National University of Mongolia (NUM)
Ikh Surguuliin Gudamj-1, 46a/523, 14201, Ulaanbaatar, Mongolia
(e-mail: ivleva-ml@rudn.ru; kurilov85@mail.ru; dagzmaa@gmail.com)

Abstract. The authors make an attempt of solving the task of providing the students with a possibility to assess the quality of the organization and content of the higher education. The authors consider the Russian and Western practices of engaging students in such assessing activities as one of their main actors. The article identifies the most common forms of student participation in ensuring the quality of education, some of its problem areas and unused resources. Thus, the basic form of student participation in evaluation and control activities in the university is to fill out various questionnaires in order to express their assessments and opinions about the courses taken during the training period. The authors considered some relevant practices of foreign and Russian universities, in particular, the experience of the RUDN University, North-Eastern Federal University, Institute of Quality Student Commissioners of the Kemerovo branch of the RSTEU, and the Center for Applied Sociological Research of the MPEI. The article presents the results of the sociological study of opinions and assessments of the MPEI graduates in technical and social-humanitarian areas, which was conducted in 2017–2019 on the issues of basic and professional training. The monitoring study revealed a number of factors that affect the quality of practical training at the university, which allowed the authors to identify the key problems of marketing educational services by the contemporary university and to show the need to study the issues of self-realization of graduates, their demand in the labor market, and to search for new criteria for assessing the quality of higher education. The authors believe that we need a new ideology of quality management in the higher education, and propose some conditions and measures that would ensure the high quality of the higher education in Russia.

Key words: quality of education; higher education; students; monitoring research; university graduates; marketing of educational services; professional self-realization; criteria for assessing the quality; quality assurance

Funding

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 19-511-44003 “Social knowledge: The challenges of modern technogenic civilization”

References

- [1] Abramov V.A., Morozov I.V., Naskidashvili D.A. Otsenka vliyaniya kachestva sovremennogo obrazovaniya na trudoustroystvo vypusknikov vuzov [Assessment of the impact of

---

* © M.L. Ivleva, S.N. Kurilov, Baldo Dagtmaa, 2021

The article was submitted on 16.10.2020. The article was accepted on 03.12.2020.

- the quality of contemporary education on the employment of university graduates]. *Obrazovaniye i Nauka*; 2019; 1. (In Russ.).
- [2] Borzov E.V., Koryagina I.I., Votyakova O.I., Kuryleva N.V. Upravlenie kachestvom obrazovaniya na osnove monitoringovykh issledovaniy [Management of the quality of education on the basis of monitoring research]. *Obrazovaniye i Nauka*. 2016; 6. (In Russ.).
- [3] Vishnevskaya N.G. Kachestvo obrazovaniya kak indikator konkurentosposobnosti vypusnikov vuza na rynke truda [Quality of education as an indicator of the university graduates' competitiveness in the labor market]. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*. 2015; 20 (1). (In Russ.).
- [4] Vlasenko N.F. Uchastie studentov v sisteme garantii kachestva vysshego obrazovaniya [Student participation in the system of ensuring the quality of higher education]. *Vestnik TGPU*. 2012; 2. (In Russ.).
- [5] Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *Molodezh Rossii: sotsiologicheskyy portret* [Russian Youth: A Sociological Portrait]. Moscow; 2010. (In Russ.).
- [6] Erofeeva O.V. Kachestvo vysshego obrazovaniya: rol studenchestva v protsesse uluchsheniya obrazovatel'nogo protsessa v vuze [The quality of higher education: The role of students in improving the university educational process]. *Vestnik PGGPU. Seriya 1*. 2014; 2–2. (In Russ.).
- [7] Ivleva M.L., Kurmeleva E.M., Rudanovskaya S.V. Chelovek i obshchestvo v kontekste sovremennosti (obzor vsereossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem) [Man and society in the context of modernity (a review of the conference)]. *Voprosy Filosofii*. 2018; 4. (In Russ.).
- [8] Ivleva M.L., Kurilov S.N. Problema formirovaniya sotsialnoy paradigmy ekotsentrizma: opyt filosofskogo osmysleniya sotsiologicheskogo issledovaniya v vuze [The development of the social paradigm of eco-centrism: A philosophical interpretation of the sociological research in university]. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 4. (In Russ.).
- [9] Ignatiev V.P., Varlamova L.F., Stepanov P.A. Privlechenie studentov k otsenke kachestva obrazovaniya [Student engagement in assessing the quality of education]. *Sovremennyye Naukoyemkie Tekhnologii*. 2016; 12–1. (In Russ.).
- [10] Kalugina D.A. Kachestvo sodержaniya, protsessa i rezultata obrazovaniya glazami studentov: rezultaty sotsiologicheskogo issledovaniya [The quality of the content, process and results of education in the student perspective: The results of the sociological research]. *Obrazovaniye i Nauka*. 2013; 6. (In Russ.).
- [11] Kontseptsiya Federalnoy tselevoy programmy razvitiya obrazovaniya na 2016–2020 gody [Concept of the Federal Target Program for the Development of Education for 2016–2020] (utverzhdena rasporyazheniem Pravitelstva RF ot 29.12.2014 g. No. 2765-r). URL: http://www.lexed.ru/search/detail.php?ELEMENT_ID=4264. (In Russ.).
- [12] Kuchina A.V., Vorontsov D.B. Uchastie studentov v otsenke kachestva vysshego professionalnogo obrazovaniya [Student participation in assessing the quality of higher professional education]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*. 2008; 14 (6). (In Russ.).
- [13] Medvedeva E.A. Analiz zanyatosti vypusnikov sistemy vysshego professionalnogo obrazovaniya i ikh vostrebovannosti na rynke truda [Analysis of the employment of the higher professional education graduates and demand for them in the labor market]. *Science Time*. 2015; 10. (In Russ.).
- [14] Melikyan A.V. Obespechenie kachestva vysshego obrazovaniya v stranakh OESR [Ensuring the quality of higher education in OECD countries]. *Vestnik Mezhdunarodnykh Organizatsiy*. 2008; 7–8. (In Russ.).
- [15] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chexii): sravnitelny analiz strakhov, nadezhd i opaseniya [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2). (In Russ.).

- [16] Narbut N.P., Puzanova Zh.V., Larina T.I. Zhizn studenta v evropeyskom izmerenii [Student life in the European dimension]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2017; 5 (In Russ.).
- [17] Norvegiya: voploshchenie v zhizn elementov Bolonskogo protsessa [Norway. Implementation of the Bologna process elements]. URL: <https://www.hse.ru/data/2010/05/12/1217370860/15.pdf>. (In Russ.).
- [18] Pavlyuchenko A.V. Obespechenie garantiy kachestva obrazovaniya v vuze s privlecheniem studenchestva [Ensuring the quality of university education with the student participation]. *Molodoy Ucheny*. 2015; 11. (In Russ.).
- [19] Federalny Zakon ot 29.12.2012 g. No. 273-FZ “Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law from December 29, 2012 No. 273-FZ “On Education in the Russian Federation”]. (In Russ.).
- [20] Alaniska H., Codina E.A., Bohrer J., Dearlove R., Eriksson S., Helle E., Wiberg L.K. *Student Involvement in the Processes of Quality Assurance Agencies*. Helsinki; 2006.
- [21] Cirimiunna R., Meneguzzo F., Pecoraino M., Pagliaro M. Reshaping the education of energy managers. *Energy Research and Social Science*. 2016; 21.
- [22] Embedding Quality Culture in Higher Education. A Selection of Papers from the 1st European Forum for Quality Assurance. URL: [https:// www.eua.be](https://www.eua.be).
- [23] Geven K. Quality assurance is a process of growing up. *Quality Assurance Review*. 2010; 2 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-239-252

Школьники о STEM-профессиях: общие и гендерные особенности представлений*

Е.М. Колесникова¹, И.А. Куденко²

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия

²Британская международная образовательная благотворительная организация
«Эдьюкейшен Девелопмент Траст»
Хайбридж-Хаус, 16-18, Дьюк стрит, Реддинг, Беркшир, RG1 4RU, Великобритания
(e-mail: kolesnikova@mail.ru; ikudenko@educationdevelopmenttrust.com)

Аннотация. Сохраняющийся гендерный дисбаланс на рынке труда в России и в мире закладывается в значительной мере еще в школьные годы, в период активного формирования профессиональных предпочтений и человеческого капитала. Статья посвящена взглядам юношей и девушек — учащихся школы — на различные аспекты профильных STEM-предметов школьной программы, включая их интересы и оценки школьного преподавания STEM, их роль в выборе карьеры, связанной со STEM, а также представления школьников о STEM-профессиях. Авторы обращаются к советскому опыту преодоления гендерного неравенства на рынке труда, в частности, привлечения женщин и девушек в промышленность и профильное техническое образование. Результаты разведывательного исследования свидетельствуют, что у большинства девочек, особенно не включенных в специальные образовательные проекты, ориентированные на STEM, школьные профильные уроки не способствуют изменению гендерных предубеждений в отношении профессий. С этой задачей наиболее эффективно справились бы занятия, ориентированные не на академическую успеваемость, а на знакомство с профессиями, востребованными на рынке труда. Такой опыт необходим: невозможно выбрать даже самую перспективную профессию, если не знаешь о ней или принципиально убежден, что не справишься с той или иной работой; одновременно нужно понимать, что у некоторых сегодняшних профессий слишком короткое будущее, например, в силу неизбежных последствий автоматизации. Позиционирование школьниками всех профессий как гендерно нейтральных может быть использовано для позитивной проработки проблем, выстраивания профориентационной деятельности с учетом тех аспектов, что особенно важны для девушек и юношей, даже если пока они воспринимаются негативно.

Ключевые слова: социология профессий; инженер; воспроизводство инженерных кадров; STEM; школа; профориентация; выбор профессии; гендерные стереотипы

Опросы школьников в разных странах говорят о том, что профессиональные интересы мальчиков и девочек разнятся, и эти расхождения мало меняются [30]. Последствием стойких гендерных предубеждений в сфере профессионального выбора становится воспроизводящееся неустойчивое положение женщин на рынке труда, резко проявившееся в пандемию 2020 года [17].

* © Колесникова Е.М., Куденко И.А., 2021

Статья поступила 05.08.2020 г. Статья принята к публикации 03.12.2020 г.

Одним из наиболее перспективных решений в этой ситуации выступает система профориентации, построенная на личном опыте школьников [29; 30], но для ее эффективной работы необходимо понимать, как можно преодолеть гендерные стереотипы в отношении профессий у сегодняшних подростков.

Семья и образование часто выступают как важнейшие институты формирования и поддержки активного интереса девочек к STEM-профессиям. Британские социологи [26; 27], отмечают, что для девушек вне школы, в семье и дома, менее характерны практики предпрофессиональной социализации, связанные с научной и инженерной деятельностью. Усилия школы и государства по расширению профессиональных возможностей школьников очевидны в России и в мире, но не всегда эффективны. Показательный пример — проект «ЕСВ — inGenious Project» (2012–2014), направленный на развитие интереса школьников к STEM в интересах будущего профессионального самоопределения и реализованный в 26 странах ЕС [28; 29]. В основе проекта лежал эксперимент по развитию сотрудничества школ и компаний в сфере STEM (Shell, Phillips, Telefonica, Microsoft и др.). Исследователи отметили выраженную гендерную разницу как в общем интересе к STEM, так и в готовности выбирать STEM-профессий, причем школа — важнейший источник соответствующей информации и опыта, особенно для девочек. Информирование о STEM-профессиях повышало готовность школьников выбирать их для себя, особенно у девушек. Участие в проектной деятельности в сотрудничестве с практикующими специалистами изменяло гендерные представления девушек о STEM-профессиях.

Предметом разведывательного исследования были представления юношей и девушек — учащихся школ — о STEM-профессиях, готовность выбирать их для себя, роль школы в выборе. Также мы рассмотрели эти вопросы с учетом советского опыта преодоления гендерного неравенства на рынке труда.

Женщины в промышленности: опыт России

Сегодня государственные деятели России все чаще говорят о необходимости увеличения доли женщин в промышленности [9], но понимание текущих процессов требует обращения к истории вопроса. Массовый приход женщин в промышленность в советский период вынужденно изменил гендерные иерархии и взгляды рабочих на роль женщины в семье и на производстве, но столкновение интересов работников и работниц и сохранившиеся представления о женщине как «качественно худшей» рабочей силе привели к отраслевой и профессиональной сегрегации. Так, первый этап советского периода характеризовался размыванием гендерной сегрегации за счет вовлечения женщин в наемный оплачиваемый труд. В дореволюционной России женщины были представлены в промышленности в основном на неквалифицированных позициях [23], а пик их занятости приходился на период оттока мужчин на фронты Первой мировой и гражданской войн (41%–43% в 1918 году) [15]. Однако уже годы НЭПа ознаменовались женской безработицей и гендерным неравенством в отраслевой занятости и оплате труда [2] — начала

формироваться новая система гендерной сегрегации труда посредством феминизации тех отраслей, на которые выделялось меньшее финансирование. Занятость женщин в «мужских» профессиях росла медленно и встречала сопротивление [2].

Индустриализация и Вторая мировая война стали периодами активного притока женщин в тяжелую промышленность. В 1931 году впервые в годовых контрольных цифрах предприятий для Народного комиссариата труда появилось задание по внедрению женского труда, а организации, отказывавшиеся трудоустраивать женщин, снимались со снабжения [10]. Женщины начали занимать рабочие места с вредными и тяжелыми условиями труда [24]. К 1935 году женщины составляли 42% промышленных рабочих, в том числе в машиностроении и энергетике, угледобыче, металлургии и химии [2]. При этом женщины по-прежнему были по-разному представлены в рабочих и инженерных профессиях: так, в 1939 году на крупных предприятиях СССР наблюдался минимальный удельный вес женщин среди инженерно-технических работников — 19,7%, максимальный — среди служащих (53,5%), среди рабочих — составлял 43,3% [5]. В годы Второй мировой войны одни отрасли оборонного значения остались преимущественно «мужскими», а другие превратились в «женско-юношеские», с социальными лифтами. Женщины и молодежь продвигались в ряды «рабочей аристократии», но обычно не дальше бригадиров и мастеров — вследствие недостатка образования. К концу войны инженерный труд оставался «мужским» в военной индустрии, а среди служащих и младшего обслуживающего персонала подавляющее большинство составляли женщины [19].

Вторая половина XX века охарактеризовалась противоречивыми тенденциями: с одной стороны, женщины-рабочие часто выбирали стратегию компенсации недостатка квалификации надбавками за тяжесть и вредность труда; с другой стороны, постепенно росла доля женщин-специалистов с высшим и средним специальным образованием. В промышленности с 1940-х годов женщин трудилось больше, чем в любой другой отрасли народного хозяйства, и доля женщин — рабочих и служащих — стабилизировалась на уровне 46%–48% с 1950 по 1971 годы [11. С. 348]. С 1970-х годов постоянно растет доля девушек среди учащихся высших и средних специальных учебных заведений по направлению «промышленность и строительство, транспорт и связь» [14]. В целом с 1970-х годов и до распада СССР доля женщин среди рабочих и служащих достигла 51%, а среди специалистов с высшим и средним специальным образованием — 59% [12. С. 366, 371; 13]. В 1990-е годы в последней группе было свыше 61% женщин, а среди инженеров — 60% [4. С. 3]. В то же время перепроизводство кадров превратило инженеров к концу 1990-х годов в массовую профессию с относительно низким заработком, и мужчины активно перемещались в администрацию и рабочие.

Таким образом, советский период характеризовался постепенным упрощением позиций женщин в профильном профессиональном образовании и в промышленности среди рабочих и служащих, хотя сохранялись отраслевые

различия и доминирование мужчин-руководителей [22. С. 106; 23]. Достигнутый паритет занятости женщин и мужчин в промышленности и инженерных профессиях сочетался с проявлениями сексизма, но способствовал постепенному, отчасти вынужденному пересмотру роли женщины в обществе и труде. Особый вклад в молодежную государственную политику внесла теория и практика советской политехнической школы второй половины XX века [1], а также дополнительное образование (научно-техническое творчество детей и юношества) [6].

В постсоветский период доля женщин в обрабатывающей промышленности сохранялась (в 2018 году — 38%) [21], как и гендерный разрыв в оплате труда [16]. Сегодня сектор услуг постепенно занимает лидирующие позиции по занятости, вытесняя промышленность, что может породить новые формы гендерной сегрегации на рынке труда и дискриминации женщин по уровню заработной платы [17]. Инженерное образование вновь становится важным ресурсом, преимуществом, способным обеспечить хороший доход, особенно женщинам [3], поэтому важно обеспечить популярность STEM-профессий у молодежи, особенно у девочек [8; 18].

STEM-профессии в оценках девушек и юношей: опрос школьников

Разведывательное исследование было проведено в мае 2019 года в школах Москвы: было опрошено 305 школьников (185 учащихся 8–9 классов и 120 учащихся 10–11 классов, 143 девушки и 162 юноши), из них 150 (70 девушек и 80 юношей) обучались в STEM-классах (инженерном, естественнонаучном, медицинском, математическом, информационном, химико-биологическом, т.е. в школах созданы специализированные классы. В опросе была использована анкета для старшеклассников из проекта «ЕСВ — inGenious Project» [7]. В ней респондентам предлагался набор характеристик (10 положительных и 10 отрицательных, а также 3 гендерные), из которых предлагалась выбрать 5 наиболее подходящих для описания профессий в промышленности и производственном секторе, профессий, связанных с науками естественно-научного профиля, и профессий, связанных с математикой. В среднем ученики выбрали 6 характеристик для каждой группы: анкеты заполнялись в бумажном виде, и школьники могли выбрать больше 5 характеристик.

Если в целом оценивать восприятие STEM-профессий (для всех трех групп), то можно отметить позитивный фон мнений — учащиеся чаще выбирали положительные характеристики (в среднем 3,8 — положительные, 2,2 — отрицательные), но были наименее благосклонны к промышленности (Табл. 1). Различия мнений относительно профессий наиболее выражены при сравнении предпочтений юношей и девушек: так, для профессий в промышленности 46% девушек и 63% юношей чаще выбирали положительные характеристики, чем отрицательные (более половины выбранных характеристик были положительными), для профессий, связанных с математикой, — 61% и 71% соответственно, для профессий, связанных с естественными науками, — 73% и 72%.

Среднее число выбранных школьниками описаний разных групп STEM-профессий

Группы профессий	Описания	В среднем	Девушки	Юноши
Профессии в промышленности/ производственном секторе	положительные	3.4	3	3.9
	отрицательные	2.7	2.9	2.5
Профессии, связанные с естественными науками	положительные	4	4	4
	отрицательные	2	1.9	2
Профессии, связанные с математикой	положительные	4	3.7	4.3
	отрицательные	2	2.1	1.9

Показательны наборы из 5 характеристик, наиболее часто выбираемых школьниками для каждой из предложенных групп профессий, представленные в Таблице 1. Только два описания — «хорошо оплачиваемые» и «для мужчин и женщин» — были общими для практически всех списков. В перечне характеристик для каждой группы профессий были предложены гендерные — «для мужчин и женщин», «для женщин», «для мужчин»: лишь 19% школьников не выбрали ни одну из них ни по одной из групп профессий. Как показано в Таблице 2, наиболее востребованной оказалась гендерно нейтральная характеристика — «для женщин и мужчин». Профессии в промышленности и связанные с естественными науками получили два описания — «инновационные» и «высокотехнологичные», профессии, связанные с математикой, — «безопасные» и «надежные». В списках характеристик у юношей было одно отрицательное описание — «грязный» (промышленность), у девочек — по два отрицательных описания профессий в промышленности («грязный» и «непривлекательный») и связанных с математикой («скучный» и «традиционный»). В списке характеристик для профессий, связанных с естественными науками, отсутствовали негативные описания.

Мы применили Байесовский вероятностный подход для вычисления условных вероятностей для каждой комбинации пар слов в наборе из 23 (253 пары и 506 комбинаций). Выявляя наиболее значительные связи (свыше 40%) для каждой пары и группируя их, мы определяли комбинации характеристик (кластеры), которые наиболее часто использовались вместе. Характеристики с наибольшим числом сильных ассоциаций между комбинациями пар были идентифицированы как «кластерные ядра». Так, применительно к профессиям в промышленности было выделено два очевидных, гендерно окрашенных и в равной степени количественно представленных кластера — с положительными и с отрицательными характеристиками. В основе положительного кластера лежат слова «привлекательный» и «захватывающий»: 42% школьников использовали одну или обе характеристики, но девушки реже (34% против 51% юношей). Характеристики «отрицательной» группы были сосредоточены вокруг слов «непривлекательный» и «дает разочарование»: их использовали 42% школьников, но девушки чаще (49% против 34% юношей) (Табл. 3).

Таблица 2

**Первые 5 наиболее популярных характеристик для STEM-профессий из 23
(в % от школьников, сделавших выбор)**

	В среднем	Девушки	Юноши
Профессии в промышленности/ производственном секторе	Хорошо оплачиваемый — 52% Инновационный — 50% Высокотехнологичный — 46% Грязный — 44% Для женщин и мужчин — 42%	Хорошо оплачиваемый — 49% Грязный — 49% Для женщин и мужчин — 48% Инновационный — 46% Высокотехнологичный и непривлекательный — по 40%	Хорошо оплачиваемый — 55% Инновационный и высокотехнологичный — по 54% Привлекательный — 40% Грязный — 38% Надежный — 36%
Профессии, связанные с естественными науками	Инновационный и для женщин и мужчин — по 50% Высокотехнологичный — 47% Хорошо оплачиваемый — 46% Дает признание, благодарность — 43%	Для женщин и мужчин — 57% Высокотехнологичный — 47% Хорошо оплачиваемый и инновационный — по 46% Привлекательный и захватывающий — по 43%	Инновационный — 55% Высокотехнологичный — 48% Хорошо оплачиваемый — 47% Дает признание, благодарность — 45% Для женщин и мужчин — 43%
Профессии, связанные с математикой	Для женщин и мужчин и безопасный — по 52% Хорошо оплачиваемый — 50% Надежный — 42% Дает признание, благодарность — 40%	Для женщин и мужчин — 59% Хорошо оплачиваемый — 51% Безопасный — 48% Дает признание, благодарность — 40% Надежный, скучный и традиционный — по 38%	Безопасный — 56% Хорошо оплачиваемый — 50% Надежный — 46% Для женщин и мужчин — 45% Привлекательный — 43%

Таблица 3

Профессии в промышленности: два кластера (в%)

Кластер 1 «положительный»	Основные характеристики		Кластер 2 «отрицательный»	Основные характеристики	
	Привлекательный	Захватывающий		Непривлекательный	Дает разочарование
Инновационный	60	70	Грязный	73	67
Хорошо оплачиваемый	68	70	Скучный	63	65
Высоко технологичный	53	64	Опасный	47	51
Дает признание, благодарность	47	47	Не популярный	47	44
Надежный	45	42	Для женщин и мужчин	46	51
Популярный	37	46	Плохо оплачиваемый	51	64
Для женщин и мужчин	42	40			

Применительно к профессиям, связанным с естественными науками, также можно выделить два кластера — положительный и отрицательный (Табл. 4), но они не равны по своим размерам и имеют пересекающиеся

границы, т.е. некоторые характеристики называли школьники с противоположным отношением к профессиям этой группы. Кластер «положительный» формируется двумя третями школьников (66%) вокруг характеристик «привлекательный», «дающий признание, благодарность» и «захватывающий», которые связаны с другими положительными характеристиками, многие из которых упоминались и для профессий в промышленности («высокотехнологичные», «инновационные», «популярные» и «хорошо оплачиваемые»), но есть и несколько новых: «надежный», «безопасный» и «чистый». Этот кластер более популярен у девушек — 71% против 60% юношей. Кластер «отрицательный» формируется вокруг двух характеристик — «непривлекательный» и «скучный» — и охватывает почти треть студентов (33%), с ним связаны и другие негативные характеристики — «низкооплачиваемые» и «непопулярные». Однако, в отличие от профессий в промышленности, даже те, кто придерживается критических взглядов, здесь часто выбирают один-два положительных признака (например, «чистый», «высокотехнологичный», «инновационный»), т.е. понимание профессий этой группы более неоднозначно и не имеет гендерной специфики.

Таблица 4

Профессии, связанные с естественными науками: два кластера (в%)

Кластер 1 «положительный»	Основные характеристики			Кластер 2 «отрицательный»	Основные характеристики	
	Дает признание, благодарность	Привлекательный	Захватывающий		Скучный	Непривлекательный
Инновационный	60	57	53	Плохо оплачиваемый	50	51
Хорошо оплачиваемый	60	49	44	Не популярный	46	46
Высоко технологичный	56	57	58	Грязный	32	34
Надежный	41	34	37	Опасный	26	34
Популярный	39	41	36			
Чистый	47	47	44	Инновационный	40	39
Безопасный	40	37	30	Безопасный	40	36
Для женщин и мужчин	61	66	59	Чистый	36	28
				Хорошо оплачиваемый	29	37
				Для женщин и мужчин	51	50

Применительно к профессиям, связанным с математикой, было также выделено два кластера (Табл. 5): «положительный» сосредоточен вокруг характеристик «привлекательной» и «дает признание, благодарность» (55% девушек и 60% юношей), «отрицательный» — вокруг описаний «непривлекательный» и

«скучный». Школьники считают профессии этой группы «надежными», «безопасными» и «чистыми» (43%).

С одной стороны, представления о профессиях у юношей и девушек имеют сходства: в выборах их описаний и те, и другие чаще всего используют как положительные, так и отрицательные характеристики. Если профессия симпатична школьнику, то получает больше положительных характеристик, но и у непопулярных профессий не отрицается наличие положительных черт. Негативные описания профессий также не означают ее полного неприятия: для кого-то сложности, связанные с профессиями, становятся вызовом или их отличительной чертой (кто-то положительно относится к «грязным» профессиям в промышленности), для кого-то — частью общего негативного фона.

Таблица 5

Профессии, связанные с математикой: два кластера (в%)

Кластер 1 «положительный»	Основные характеристики		Кластер 2 «отрицательный»	Основные характеристики	
	Привлекательный	Дает признание, благодарность		Непривлекательный	Скучный
Хорошо оплачиваемый	65	66	Традиционный	40	51
Инновационный	49	50	Не популярный	49	51
Высоко Технологичный	47	46			
Популярный	41	46			
Надежный	50	59	Надежный	37	42
Чистый	52	60	Чистый	39	43
Безопасный	56	54	Безопасный	60	63
Для женщин и мужчин	53	60	Для женщин и мужчин	61	61

Показательны две самые популярные характеристики профессий («хорошо оплачиваемые» и «для мужчин и женщин») у юношей и у девушек. Среди стереотипов о женщинах-работниках устойчивы представления об их меньшей заинтересованности в высокой зарплате [25], но наши данные этот стереотип опровергают. Конечно, у девушек более популярны профессии, связанные с естественными науками, чем с промышленностью или математикой, но они не менее меркантильны, чем юноши. Неожиданное лидерство второй характеристики — «для мужчин и женщин» — говорит о желании школьников декларировать гендерную нейтральность представлений о STEM-профессиях.

Интересно, что оппозиции «привлекательный/непривлекательный», «скучный/захватывающий» и «дает признание, благодарность/дает разочарование» стали основой ядер кластеров, т.е. интерес и признание — основа отношения школьников к профессиям. Привлекательность профессий связана не только с предпочтением каких-либо качеств, но и с заинтересованностью, желанием узнать новое о данном виде деятельности, попробовать его. При

признании профессий привлекательными их описания становятся положительными, а профессии признаются захватывающими. Важной частью ядер кластеров представлений о профессиях является и категория признания: интересное дело оказывается благодарным, а неинтересное — разочаровывающим. Понятие признания может трактоваться как общественная, статусная, финансовая компенсация или включение в профессиональную культуру морально-этических аспектов труда, ответственности за свое дело и удовлетворения от него. Разочарование же в профессии может быть связано с разными ее аспектами, например, с негативными экологическими аспектами, а не только с низкой заработной платой. Таким образом, представления о профессиях у подростков основаны на интересе к ним и трактовках их как (не)благодарных для себя и окружающих. Согласованность мнений школьников относительно большинства характеристик групп профессий свидетельствует о том, что у подростков сложилось общее понимание значения профессий и особенностей условий труда в сфере STEM.

С другой стороны, восприятие профессий сохраняет гендерную специфику в акцентах — предпочтении «мужских» и «женских» профессий и восприятии сегментов занятости. В профессиях, связанных с промышленностью и математикой (традиционно «мужских»), девушки реже отмечают наличие высоких технологий и инноваций, а применительно к промышленности упоминают и экологические проблемы. Мальчикам профессии из сферы естественных наук реже кажутся «привлекательными», но чаще — «дающими признание, благодарность», что девушки говорят о профессиях, связанных с математикой. Соответственно, менее привлекательные для себя сегменты занятости подростки характеризуют как достойные большего социального одобрения, возможно, в качестве своеобразной компенсации.

Безусловно, мы описали лишь примерную систему координат, поскольку школьников не просили уточнить, какие именно профессии они имеют в виду, характеризуя ту или иную группу. Теоретически в группу профессий в промышленности отчасти входят профессии, связанные с естественными науками и математикой. Также нужно принимать во внимание, что у подростков нет опыта трудовой деятельности в STEM-профессиях, и основа их представлений — сведения, почерпнутые из СМИ, общения со взрослыми и сверстниками, школьных форм профориентации и др.

STEM-профессии как возможное профессиональное будущее

Вторая часть исследования была посвящена интересу старшеклассников к STEM-профессиям, их значению для профессионального будущего и в повседневной жизни, и здесь мы обнаружили гендерные различия по большинству вопросов. С одной стороны, для всех школьников характерна скорее демонстрация интереса к науке и технике, чем готовность реализовывать его на внешкольных занятиях; с другой стороны, прослеживаются гендерные различия в этом интересе. Так, 80% юношей и 60% девушек интересуются темами, связанными с естественными науками и техникой; 57% и 40% соответственно

участвуют в соответствующих внешкольных активностях, т.е. практики, связанные с наукой и техникой, по-разному представлены в жизненном опыте двух групп, и школа может повлиять на расширение опыта и изменений представлений девочек.

Однако важно то, как юноши и девушки оценивают школьную программу — с точки зрения интереса, успешности, практической пользы и выбора профессии. Девушки чаще считают математику «слишком теоретичной» (50% против 40%). Юноши чаще называют профильные уроки любимыми (по естественным наукам — 66% против 49%, математики — 55% и 39%) и не представляющие сложности (естественно-научный профиль — 64% и 52%, математика — 61% и 47%). Оценивая полезность предметов для повседневной жизни, юноши и девушки сходятся по поводу уроков естественно-научного цикла (55% и 48%), но не математики (57% и 40%), т.е. юноши более позитивно оценивают учебу в школе.

Юноши и девушки уверены в востребованности знаний в сфере точных наук, безотносительно профессии, (59% юношей и 52% девушек) и в необходимости знаний по математике, естествознанию и технологиям в своей будущей профессии (58% и 60%). Показательно, что юноши чаще считают, что успех в профильных предметах важен для будущего образования и карьеры (71% и 56%), и полагают, что обладают качествами и навыками, необходимыми для карьеры в промышленности, естественных науках и технологиях (71% и 57%). Гендерные различия прослеживаются и в оценках перспектив STEM-профессий и готовности выбрать их для себя: девушки реже согласны с утверждением, что в будущем обществе понадобится больше инженеров, техников и ученых (73% и 85%), реже интересуются информацией о STEM-профессиях (33% и 52%), реже узнают о них в школе (35% и 49%) и реже хотят выбрать их для себя (38% и 58%). Гендерная разница в образовательном опыте, на фоне признания его значения, дополняется различиями в карьерных перспективах — более позитивных для юношей.

69% тех, кто учится в STEM-классах, хотели бы связать свою будущую профессию со STEM (66% среди мальчиков этих классов), в то время как в других классах таковых было 14% (48%). Аналогична ситуация с интересом к информации о профессиях, связанных с промышленностью, естественными науками и техникой, — среди девушек в STEM-классах доля заинтересованных — 56%, в других классах — 15%.

***

Привлечение женщин в STEM-образование и профессии важно не только для обеспечения гендерного равенства в профессиональной сфере и на рынке труда, но и в связи с демографической ситуацией в развитых странах, которая требует большего количества высококвалифицированных специалистов для экономики, основанной на знаниях. Советский опыт показывает, что женщины готовы трудиться в промышленности и STEM-профессиях на разных позициях, но для этого необходимо преодолевать гендерные стереотипы,

начиная со школьного возраста. Наше разведывательное исследование показало, что у большинства девочек, особенно не включенных в специальные образовательные проекты, ориентированные на STEM, профильные уроки не способствуют изменению гендерных предубеждений в сфере профессий — необходимы занятия, ориентированные на знакомство с профессиями, востребованными на рынке труда. Такой опыт — основа адекватного выбора школьниками своего будущего, поскольку именно вокруг интереса выстраивается положительное отношение к профессии. Невозможно выбрать перспективную профессию, если ничего о ней не знаешь или убежден, что не справишься с ней; одновременно нужно понимать, что у ряда сегодняшних профессий слишком короткое будущее — в силу влияния автоматизации, например. Гендерные предубеждения слишком часто используются на рынке труда для необоснованного сокращения возможностей одних групп за счет увеличения шансов других. Позиционирование школьниками всех профессий как гендерно нейтральных поможет выстраивать профориентационную деятельность с учетом тех аспектов, которые одинаково важны для девушек и юношей.

Школьные уроки остаются недоиспользованным ресурсом для выбора профессионального будущего, особенно девочками. Внешкольный опыт школьниц редко связан с образовательными активностями в сфере STEM по целому ряду причин. Например, дополнительное образование требует формальной и неформальной поддержки родителей, учителей и значимых взрослых, и непризнание кем-то из них перспективности определенного направления (скажем, кулинарии для мальчика или робототехники для девочки) достаточно, чтобы изменить интересы ребенка или ограничить его доступ к занятиям. В этом смысле школьное образование наиболее доступно, поэтому может стать инструментом информирования всех подростков о STEM-профессиях.

Библиографический список

- [1] *Барабина И.А., Гафурова В.М.* Политехническое образование в общеобразовательной школе СССР во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2016. Т. 26. Вып. 4.
- [2] *Голдман В.З.* Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937). М., 2010.
- [3] *Денисова И.А., Карцева М.А.* Преимущества инженерного образования: оценка отдачи на образовательные специальности в России. Препринт WP3/2005/02. М., 2005.
- [4] Женщины в СССР. Стат. Материалы. М., 1990.
- [5] История индустриализации СССР. 1938–1941. Документы и материалы. URL: <http://istmat.info/node/9335>.
- [6] *Катунова М.Р.* Система дополнительного образования в России: история становления, развитие, перспективы // Ракурс. 1994. № 4.
- [7] *Колесникова Е.М., Куденко И.А.* Интерес к STEM-профессиям в школе: проблемы профориентации // Социологические исследования. 2020. № 4.
- [8] *Косарецкий С.Г., Куприянов Б.В., Филиппова Д.С.* Особенности участия детей в дополнительном образовании, обусловленные различиями в культурно-образовательном и имущественном статусе семьи и месте проживания // Вопросы образования. 2016. № 1.
- [9] Минпромторг: доля занятых в промышленности женщин должна составить 40% к 2021 году. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6173330>.

- [10] *Мирошниченко М.И.* Развитие первой советской гендерной модели в первой половине 1930-х гг. // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. Т. 16. № 1.
- [11] Народное хозяйство СССР. 1922-1972. М., 1972.
- [12] Народное хозяйство СССР в 1987 г. М., 1988.
- [13] Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991.
- [14] Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987.
- [15] *Окорочкова Т.С.* Женский труд в промышленности СССР в годы НЭПА // Социологические исследования, 1999. № 9.
- [16] *Ощепков А.Ю.* Гендерный разрыв в оплате труда // Экономический журнал ВШЭ. 2006. Т. 10. № 4.
- [17] Пандемия и гендерное неравенство на рынке труда: вызовы для России. URL: <https://econs.online/articles/opinions/pandemiya-i-gendernoe-neravenstvo-na-rynke-truda>.
- [18] Приоритетный проект «Доступное дополнительное образование для детей». URL: <http://government.ru/projects/selection/646>.
- [19] *Романов Р.Е.* Женщины и молодежь в промышленности советского тыла (1941–1945): феномен «коротких» социальных лифтов // Вестник ТГУ. 2016. № 412.
- [20] Российский статистический ежегодник. 2005. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b05_13/Main.htm.
- [21] Российский статистический ежегодник. 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_13/Main.htm.
- [22] Труд в СССР. М., 1988.
- [23] *Хасбулатова О.А.* Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново, 2005.
- [24] *Хмельницкий Д.* Плановое зверство. Женский труд в первой пятилетке. URL: <http://gefter.ru/archive/21914>.
- [25] *Anker R.* Theories of occupational segregation by sex: An overview // International Labour Review. 1997. Vol. 136.
- [26] Archer L., Dawson E., DeWitt J., Seakins A., Wong B. “Science capital”: A conceptual, methodological, and empirical argument for extending Bourdieusian notions of capital beyond the arts // Journal of Research in Science Teaching. 2015. Vol. 52. No. 7.
- [27] Project Final Report: Young People’s Science and Career Aspirations, age 10–14. L., 2013.
- [28] InGenious final evaluation report. 2014. URL: <https://www.stem.org.uk/resources/elibrary/resource/36208/ingenious-project>.
- [29] *Kudenko I., Simarro C., Pintó R.* Fostering European students’ STEM vocational choices // Cognitive and Affective Aspects in Science Education Research, 2017.
- [30] Dream Jobs. Teenagers’ Career Aspirations and the Future of Work. OECD, 2020.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-239-252

Schoolchildren about STEM professions: General and gender-specific representations*

E.M. Kolesnikova¹, I.A. Kudenko²

¹Institute of Sociology FCTAS RAS
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

²Education Development Trust
Highbridge House, 16-18, Duke Street, Reading, Berkshire, RG1 4RU, UK
(e-mail: kolesnikova@mail.ru; ikudenko@educationdevelopmenttrust.com)

Abstract. The persistent gender imbalance in the labor market — both in Russia and globally — is largely formed during the school years as the period of the development of professional preferences and human capital. The article presents the views of schoolchildren on

* © E.M. Kolesnikova, I.A. Kudenko, 2021

The article was submitted on 05.08.2020. The article was accepted on 03.12.2020.

various aspects of the STEM school subjects, including their common interests, attitudes to the STEM teaching, their role in choosing a career related to STEM, and the ideas of schoolchildren about jobs related to STEM. The authors refer to the Soviet experience of overcoming gender inequality in the labor market, in particular, by helping women to get the industrial and specialized technical education. The results of the search study show that for the majority of girls, especially those not engaged in special education projects focused on STEM, school profile lessons do not contribute to changing gender representations of professions. The authors argue that to change these gender representations we need classes focused not on the academic achievements but on the practical features of professions that are in demand in the labor market. Such an experience is necessary for it is impossible to choose the most promising career if you do not know about it or if you are convinced that you would not cope with a particular job. At the same time, the schoolchildren should understand that some of today's professions have very short future, for instance, due to the inevitable consequences of automation. The schoolchildren's positioning of all professions as gender-neutral can be used for a positive study of career-related challenges and for designing career-guidance activities as taking into account those aspects that are essential for girls and boys, even if at the moment they are perceived negatively.

Keywords: sociology of professions; engineer; reproduction of engineering personnel; STEM; school; career guidance; career choice; gender stereotypes

References

- [1] Barabina I.A., Gafurova V.M. Politeknicheskoe obrazovanie v obshheobrazovatelnoj shkole SSSR vo vtoroj polovine 1950-x — nachale 1960-x godov [Polytechnic education in secondary schools of the USSR in the second half of the 1950s — early 1960s]. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya: Istorija i Filologiya*. 2016; 26 (4). (In Russ.).
- [2] Goldman V.Z. *Zhenshhiny u prokhodnoj. Gendernye otnosheniya v sovetskoj industrii (1917–1937)* [Women at the Entrance. Gender Relations in the Soviet Industry (1917–1937)]. Moscow; 2010. (In Russ.).
- [3] Denisova I.A., Kartseva M.A. Preimushchestva inzhenernogo obrazovaniya: otsenka otdachi na obrazovatelnye spetsialnosti v Rossii [Benefits of Engineering Education: Assessment of the Returns on the Educational Specialization in Russia]. Preprint WP3/2005/02. Moscow; 2005. (In Russ.).
- [4] *Zhenshhiny v SSSR* [Women in the USSR]. Moscow; 1990. (In Russ.).
- [5] *Istorija industrializatsii SSSR. 1938–1941. Dokumenty i materialy* [History of Industrialization of the USSR. 1938-1941 Documents and Materials]. URL: <http://istmat.info/node/9335>. (In Russ.).
- [6] Katunova M.R. Sistema dopolnitelnogo obrazovaniya v Rossii: istoriya stanovleniya, razvitie, perspektivy [System of additional education in Russia: History of formation, development, and prospects]. *Rakurs*. 1994; 4. (In Russ.).
- [7] Kolesnikova E.M., Kudenko I.A. Interes k STEM-professiyam v shkole: problemy proforientatsii [Interest in STEM professions at school: Challenges of career guidance]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2020; 4. (In Russ.).
- [8] Kosaretsky S.G., Kupriyanov B.V., Filippova D.S. Osobennosti uchastiya detej v dopolnitelnom obrazovanii, obuslovlennye razlichiyami v kulturno-obrazovatelnom i imushchestvennom statuse sem'i i meste prozhivaniya [Features of children's participation in the additional education as determined by differences in the cultural, educational and property status of the family and the place of residence]. *Voprosy Obrazovaniya*. 2016; 1. (In Russ.).
- [9] Minpromtorg: dolya zanyatykh v promyshlennosti zhenshin dolzhna sostavit 40% k 2021 godu [Ministry of industry and trade: The share of women employed in the industry should reach 40% by 2021]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6173330>. (In Russ.).
- [10] Miroshnichenko M.I. Razvitie pervoj sovetskoj gendernoj modeli v pervoj polovine 1930-h gg. [Development of the first Soviet gender model in the first half of the 1930s]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Sotsialno-Gumanitarnye Nauki*. 2016; 16 (1). (In Russ.).

- [11] Narodnoe khozyajstvo SSSR 1922-1972 gg. [National economy of the USSR in 1922-1972]. Moscow; 1972. (In Russ.).
- [12] Narodnoe khozyajstvo SSSR v 1987 godu [National economy of the USSR in 1987]. Moscow; 1988. (In Russ.).
- [13] Narodnoe khozyajstvo SSSR v 1990 godu [National economy of the USSR in 1990]. Moscow; 1991. (In Russ.).
- [14] Narodnoe khozyajstvo SSSR za 70 let [National economy of the USSR for 70 years]. Moscow; 1987. (In Russ.).
- [15] Okorochkova T.S. Zhensky trud v promyshlennosti SSSR v gody NEPa [Women's labor in the industry of the USSR during the NEP]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 1999; 9. (In Russ.).
- [16] Oshchepkov A.Yu. Genderny razryv v oplate truda [The gender gap in wages]. *Ekonomichesky Zhurnal VShE*. 2006; 10 (4). (In Russ.).
- [17] Pandemiya i gendernoe neravenstvo na rynke truda: vyzovy dlya Rossii [The pandemic and gender inequality in the labor market: Challenges for Russia]. URL: <https://econs.online/articles/opinions/pandemiya-i-gendernoe-neravenstvo-na-rynke-truda>. (In Russ.).
- [18] Prioritetny proekt "Dostupnoe dopolnitelnoe obrazovanie dlya detej" [Priority project "Affordable additional education for children"]. URL: <http://government.ru/projects/selection/646>. (In Russ.).
- [19] Romanov R.E. Zhenshiny i molodezh v promyshlennosti sovetskogo tyla (1941–1945): fenomen "korotkikh" sotsialnykh liftov [Women and youth in the industry of the Soviet rear (1941–1945): The phenomenon of "short" social lifts]. *Vestnik TGU*. 2016; 412. (In Russ.).
- [20] Rossijsky statistichesky ezhegodnik — 2005 [Russian Statistical Yearbook 2005]. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b05_13/Main.htm. (In Russ.).
- [21] Rossijsky statistichesky ezhegodnik–2019 [Russian Statistical Yearbook 2019]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_13/Main.htm. (In Russ.).
- [22] Trud v SSSR [Labor in the USSR]. Moscow; 1988. (In Russ.).
- [23] Khasbulatova O.A. *Rossijskaya gendernaya politika v XX stoletii: mify i realii* [Russian Gender Policy in the 20th Century: Myths and Realities]. Ivanovo; 2005. (In Russ.).
- [24] Khmelnskiy D. Planovoe zverstvo. Zhensky trud v pervoj pyatiletke [The planned atrocity. Women's work in the first five-year plan]. URL: <http://gefter.ru/archive/21914>. (In Russ.).
- [25] Anker R. Theories of occupational segregation by sex: An overview. *International Labour Review*. 1997; 136.
- [26] Archer L., Dawson E., DeWitt J., Seakins A., Wong B. "Science capital": A conceptual, methodological, and empirical argument for extending Bourdieusian notions of capital beyond the arts. *Journal of Research in Science Teaching*. 2015; 52 (7).
- [27] *Project Final Report: Young People's Science and Career Aspirations, age 10–14*. London; 2013.
- [28] InGenious final evaluation report. 2014. URL: <https://www.stem.org.uk/resources/elibrary/resource/36208/ingenious-project>.
- [29] Kudenko I., Simarro C., Pintó R. Fostering European students' STEM vocational choices. *Cognitive and Affective Aspects in Science Education Research*; 2017.
- [30] *Dream Jobs. Teenagers' Career Aspirations and the Future of Work*. OECD; 2020.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-253-264

Коррупция: институциональные признаки, социальные детерминанты и последствия*

С.В. Егорышев¹, Е.А. Егорышева²

¹Институт стратегических исследований Республики Башкортостан
ул. Кирова, 15, Уфа, 450008, Россия

²Институт права Башкирского государственного университета
ул. Достоевского, 131, Уфа, 450005, Россия
(e-mail: sv_egoryshev@mail.ru, helena0503@mail.ru)

Аннотация. В статье рассмотрена природа, причины, детерминанты и последствия распространения коррупции. Как проявление социальной девиации деликвентного характера и одна из разновидностей преступности коррупция оказывает деструктивное влияние на все сферы общественной жизни и, прежде всего, на управление ими, перераспределяя их ресурсы и подменяя общественные ценности и цели групповыми и личными. Проявляясь не только на уровне государств, но и в международном масштабе, коррупция требует активного противодействия со стороны мирового сообщества: в календари 187 стран, включая Россию, внесен Международный день борьбы с коррупцией. По оценкам Всемирного банка, ежегодный объем взяток в мире составляет 1 триллион долларов. Для многих стран коррупция стала угрозой национальной безопасности, что заставляет искать и использовать эффективные и нередко радикальные меры противодействия коррупции, что закономерно сопровождается ее всесторонними исследованиями как объективного и распространенного социального явления. В статье коррупция рассмотрена на основе междисциплинарной методологии с акцентом на институциональном и структурно-функциональном подходах, что позволило охарактеризовать институциональные признаки коррупции, ее структуру, функции и социальные последствия, а также оценить эффективность мер антикоррупционной политики. Статья написана по материалам официальной статистики, отражающей динамику преступлений коррупционной направленности в России и в Республике Башкортостан за 2012–2020 годы, а также по результатам социологического исследования Института стратегических исследований Республики Башкортостан, проведенного в 2020 году на основе методики оценки коррупции, утвержденной Постановлением Правительства РФ. Исследование было сфокусировано на проблемах во взаимодействии граждан и сотрудников органов государственной и муниципальной власти («бытовая» коррупция), а также органов власти и представителей бизнеса («деловая» коррупция) (соответствующие выборки составили 814 и 300 человек). Исследование «бытовой» коррупции проводилось методом индивидуального формализованного интервью, «деловой» коррупции — методом анонимного анкетирования на платформе Google Forms.

Ключевые слова: социальная девиация; преступность; коррупция; детерминанты и тенденции; функции и последствия; институциональные признаки; антикоррупционная политика; социально-терпимый уровень коррупции

---

* © Егорышев С.В., Егорышева Е.А., 2021

Статья поступила 12.01.2021 г. Статья принята к публикации 02.04.2021 г.

Множество международных и российских политических и правовых документов и публикаций специалистов, представляющих разные отрасли научного знания, обусловили целый ряд интерпретаций коррупции. Приведем две наиболее полные и часто встречающиеся в литературе дефиниции: в самом общем понимании коррупция — это использование должностными лицами служебного положения в корыстных целях [24. С. 147]. Поскольку предмет нашего рассмотрения — коррупционные преступления, которые подразделяются на несколько видов, мы будем опираться на определение, представленное в законодательстве: «коррупция — злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [30].

Различия в интерпретациях коррупции и в подходах к ее изучению проявляются в классификации ее видов. На наш взгляд, при классификации действий коррупционного характера следует опираться на то, по какой из нормативных систем (право или мораль) оценивается коррупционное поведение — как девиантное (аморальное) или как деликventное (преступление), а также на то, в какой сфере осуществляются коррупционные действия. Соответственно, коррупция может быть государственной (верхушечной), политической, коммерческой (деловой) и бытовой (низовой) [8; 18]. Возможны и иные классификации, поскольку коррупция — сложное, многофакторное, объективно существующее социально-опасное явление, требующее междисциплинарного изучения.

Когда коррупция становится предметом социологического интереса, институциональный и структурно-функциональный подходы дополняют межпредметную методологию ее изучения. К тому же коррупция приобрела институциональные признаки, имеет свою иерархию и стратификацию в социальной структуре. Институционализация коррупции свидетельствует о том, что существующие и возникающие практики взаимодействия социальных групп, индивидов и органов власти на коррупционной основе стали регулярными и долговременными, а в российской действительности и традиционными: 34% опрошенных нами респондентов видят причины коррупции в стране в традициях и особенностях менталитета, 37% — в традиционной алчности чиновников.

Признаками превращения коррупции в социальный институт служат, например, функции, которые она выполняет. Выделяют следующие функции коррупции: упрощение административных связей, ускорение принятия управленческих решений, сокращение и ослабление бюрократических барьеров, перераспределение ресурсов в условиях их дефицита; «обеспечение незаконным путем объективной потребности», не удовлетворенной в должной

мере нормальными социальными институтами [3. С. 292; 10; 32. С. 21]. Признаками институционализации коррупции являются наличие субъектов коррупционных действий и отношений, распределение социальных ролей, формирование правил коррупционного поведения, таксы коррупционных услуг, сленга и символики, используемых при выстраивании коррупционных схем: «один дает, другой берет, и дело движется вперед» [15. С. 261].

Институционализации коррупции во многом способствует наличие коррупционной идеологии. Так, в чиновничьей среде с начала рыночных реформ с подачи Г.Х. Попова укрепилось мнение, что взятка — способ адаптации чиновников к условиям рынка, а Е.Т. Гайдар утверждал, что «Россию у номенклатуры нельзя, да и не нужно отнимать силой, ее можно “выкупить”» [2. С. 143], — вот и «выкупаются» должности, услуги, контракты, ресурсы и т.п. В то же время простые люди часто рассматривают коррупционные проявления как норму, позволяющую ускорить решение проблемы, получить привилегию, выразить признательность за оказанную услугу и т.п.

В ходе проведенного нами исследования было установлено, что 61% опрошенных бизнесменов не использовали прямые или скрытые платежи, чтобы снизить активность чиновников при исполнении ими своего служебного долга, но каждый третий (33%) бизнесмен в той или иной мере пользовался этим коррупционным инструментом. В 2020 году в Башкортостане каждый третий предприниматель в той или иной мере был участником коррупционных действий в форме подарков (60%), прямых и скрытых платежей (30%) и неформальных услуг (42%). 38% опрошенных предпринимателей назвали сумму неформальных платежей в диапазоне от 3 до 150 тысяч рублей, причем для 44% из них размер платежа был известен заранее. 47% респондентов из «неделовой среды» назвали стоимость подарка или величину взятки в интервале от 3 до 15 тысяч рублей, и для 63% из них сумма была известна заранее. В общественном сознании сложилось терпимое, часто безразличное и даже оценочно-неопределенное отношение к коррупции. Например, только 40% респондентов осудили и тех, кто дает взятки, и тех, кто их берет, 22% — только берущих взятки, а каждый десятый не осуждает никого из них.

Сохранение и воспроизводство коррупции на всем временном пути развития государственно-организованных обществ обычно объясняется теми же причинами, что и существование социальных отклонений как таковых, включая крайне деструктивную и социально-опасную их форму — преступность, о которой немецкий профессор-юрист, представитель сформировавшейся в 1880–1890-е годы социологической школы уголовного права Ф. Лист писал, что преступность вечна, как смерть и болезни [13. С. 103]. Другие представители школы — Э. Ферри [31] и Г. Тард [26] — отмечали взаимосвязь цивилизации и преступности, а Э. Дюркгейм считал преступность «нормой», без которой общество невозможно [4].

Ответ на вопрос о причинах этой «нормальности» дают социологи и криминологи [3; 12]. Так, «наличие, постоянное сохранение в обществе преступности — невозможно без признания того, что и преступность выполняет

определенную социальную функцию, служит формой либо регулятивной, либо адаптивной (приспособительной) реакции на общественные процессы, явления, института» [33. С. 14]. Следовательно, коррупция как вид преступности и аморальности объективно присуща обществу, живущему в условиях товарно-денежных отношений, и государству, пораженному бюрократизмом, будучи способом корректировки неэффективной работы государственной системы: «коррупция — хроническая и неизлечимая болезнь любого государственного аппарата всех времен и народов» [9].

Основной детерминантой коррупции является бюрократизм как патология государственного управления и следствие стагнации государственной власти. По мере снижения эффективности государственного аппарата и социального контроля под влиянием бюрократизации возрастают возможности коррупции, которая как бы компенсирует недостатки управления. И если бюрократизм — это власть должностного положения, то коррупция — злоупотребление этим положением ради выгоды обладающих властью. Скажем, такое производное коррупции, как блат — это «неформальная система сопротивления требованиям бюрократии» [19. С. 183], т.е. использование личных контактов для обеспечения доступа к ресурсам, товарам, услугам и привилегиям в собственных, родственных и дружеских корыстных интересах.

Блат возможен благодаря такой детерминанте коррупции, как кумовство (непотизм) — служебное покровительство друзьям и родственникам в ущерб делу [16. С. 286], когда «все в нашей власти — если во власти все наши!» [14. С. 260]. В управленческой практике кумовство проявляется в так называемых «командах» поддержки или соратников, на которые опираются руководители всех рангов и которые составляют основу бюрократических аппаратов этих руководителей. Такая взаимная поддержка редко способствует синергетическому эффекту в управлении и чаще ведет к достижению идеала бюрократии — максимизации масштабов и сфер контроля при минимизации ответственности [5; 6].

Коррупционные действия, включая взяточничество (получение взятки и посредничество), относятся к социально опасным видам преступности, которой оказывается активное противодействие. В советское время взяточничество характеризовалось выраженной латентностью и меньшими масштабами по сравнению с настоящим временем. Так, например, в 1980-е годы удельный вес коррупционных преступлений в общем числе зарегистрированной преступности в стране не превышал 0,6%, причем и в СССР, и в РСФСР наблюдалась тенденция сокращения выявленных случаев взяточничества (с 6024 фактов — в СССР и 3268 фактов — в РСФСР в 1980 году до 4292 фактов — в СССР и 2195 фактов — в РСФСР в 1989 году) [17. С. 74].

С 1990-х до 2009 года официальная статистика стала показывать устойчивую тенденцию роста зарегистрированного взяточничества в России (2691 факт — в 1990 году, 6872 факт — в 1999, 13141 факт — в 2009 году) [3. С. 301], как и общих показателей преступности в стране. С 2012 по 2019 год в России в целом и в Республике Башкортостан статистика вновь показала

тенденцию снижения уровня регистрируемой преступности (2012 — соответственно 2302168 и 65418 преступлений, 2016 — 2160063 и 65343, 2018 — 1991532 и 54428) и уровня выявленных преступлений коррупционной направленности, которые в стране и регионе не превышали 2,6% (2012 — соответственно 49513 и 1690 преступлений, 2016 — 32924 и 549, 2018 — 30495 и 623) [20; 21; 22]. 2020 год показал рост регистрируемой преступности и коррупционной ее разновидности: в России — соответственно 2044221 и 30813 преступлений [23], в Башкортостане — 55883 и 1103 [7] (Табл. 1). В 2020 году удельный вес коррупционных преступлений в общем объеме зарегистрированной преступности составил в России 1,5%, в Башкортостане — 2%.

Таблица 1

Преступления коррупционной направленности в России и Республике Башкортостан, 2012–2020 годы [7; 20; 21; 22; 23]

Преступления коррупционной направленности (ед.)	Российская Федерация				Республика Башкортостан			
	2012	2016	2018	2020	2012	2016	2018	2020
Всего:	49513	32924	30495	30813	1690	549	623	1103
Связанные со взяточничеством	9758	10758	12527	14548	257	327	293	370
Связанные с коммерческим подкупом	1212	1165	968	1444	106	116	36	56

Помимо взяточничества, к преступлениям коррупционной направленности относятся должностные преступления против интересов государственной службы, местного самоуправления, коммерческих и иных организаций. Если в 2018 году в России было учтено 13262 преступления против интересов государственной службы, то в 2020 году — 14773, а в Республике Башкортостан — соответственно 494 и 652 [7; 23]. На фоне роста числа преступлений коррупционной направленности заметно и увеличение денежных сумм, фигурирующих в них: 2012 год — 30271 тысяч рублей, 2016 — 3988, 2018 — 72586, 2020 — 126604 [20; 21; 22; 23]. В 2012 году средний размер взятки в Башкортостане составил 83 тысячи рублей, в 2018 году — 522 тысячи, в 2020 — 663 [7]. Таким образом, коррупционеры стали выше ценить свои «услуги» и учитывать разницу между возможной выгодой и финансовыми потерями в случае разоблачения. В 2020 году ущерб от коррупционных преступлений в республике составил 258612 тысяч рублей.

Общество, за исключением чиновничье-бюрократического сословия, заинтересовано в сокращении коррупции до социально-терпимого уровня — когда проявления коррупции не оказывают на общественное сознание сильного депрессивного воздействия. Сложность решения этой задачи обусловлена объективной природой и институциональным характером коррупции, ее взаимосвязью с другими формами социальных отклонений, прежде всего преступностью, наличием сильнодействующих факторов коррупции, включая

заинтересованных в ней групп, располагающих огромными административными и финансовыми возможностями для торможения антикоррупционной политики и сведения ее к показательным кампаниям.

Кроме того, коррупция отличается высокой способностью адаптироваться к существующим барьерам, разрушать их и препятствовать созданию новых. Как правило, речь идет о правовых и административных антикоррупционных барьерах, но возникают и барьеры, которые, напротив, способствуют процветанию коррупции. Например, это дополнительные правила, регламентации, условия для деятельности коммерческих структур, особенно на стадии их создания и начала функционирования, и в сфере оказания государственных услуг. Сталкиваясь с подобными барьерами и разрушая их при помощи взяток, предприниматели несут дополнительные издержки и в стремлении сократить их нередко экономят на выполнении законных требований (за такой «экономией» стоят не только материальные, но и людские потери). В целом обеспечить социально-терпимый уровень коррупции одними лишь правовыми мерами не удастся — нужны эффективные политические, экономические и социальные меры противодействия ей [25. С. 141; 32. С. 307].

Вместе с тем следует отметить и позитивные результаты противодействия коррупции правоохранными органами, что выражается в росте выявляемости и раскрываемости преступлений коррупционного характера (в 2020 году в России составили 95% [23]). Тем не менее, снизить коррупцию до социально-терпимого уровня одними полицейскими мерами невозможно. Огромный резерв для решения этой задачи кроется, во-первых, в формировании в общественном сознании устойчивого чувства неприятия коррупционных действий, какими бы причинами они ни объяснялись; во-вторых, необходимо активное участие самого общества в противодействии коррупции. «Я буду ждать того времени, — писал великий русский писатель-драматург А.Н. Островский, — когда взяточник будет бояться суда общественного больше, чем уголовного» [14. С. 364]. Эти слова актуальны и сегодня, но звучат скорее как благие пожелания, поскольку «в настоящий момент, к сожалению, вклад общественности в выявление коррупционных преступлений не столь значителен» [11. С. 27].

Следует хотя бы тезисно сказать о мерах противодействия коррупции, например, в Республике Башкортостан и об оценке их эффективности респондентами. В регионе эту работу проводят не только правоохранные органы, но и структуры государственной власти и муниципального управления. Объединяет их усилия Комиссия по координации работы по противодействию коррупции в Республике Башкортостан, возглавляемая главой региона. Также создано Управление главы региона по противодействию коррупции в Аппарате межведомственного Совета общественной безопасности республики. Оценка эффективности антикоррупционных мер Комиссия осуществляет не только по отчетам и статистическим данным, но и по результатам социологических исследований.

В российском и региональном законодательстве, в подзаконных нормативно-правовых актах описан комплекс антикоррупционных мер, применение

которых дает различный эффект, связанный не только с выявлением и раскрытием преступлений коррупционной направленности, но и с их предупреждением и профилактикой. Оценка этих мер респондентами-предпринимателями, мнение которых в силу их профессиональной деятельности можно считать компетентным, представлена в Таблице 2.

Если суммировать данные по двум группам показателей: 1 — «очень и скорее эффективные» — и 2 — «скорее и абсолютно неэффективные», то наиболее эффективными респонденты считают следующие антикоррупционные меры: ужесточение наказания (76%), упрощение процедуры предоставления государственных услуг (74%), ограничение (обезличивание) прямого контакта между заявителем и исполнителем государственных услуг (70%), информирование граждан о возможностях противодействия коррупции (69%). Таким образом, предприниматели поддерживают не только строгое наказание коррупционеров, но и меры профилактики, включая предание гласности фактов коррупции и повышение информированности граждан о возможностях противодействия коррупционным действиям. Однако респонденты не считают эффективными массовую пропаганду нетерпимости к коррупции (34%), повышение заработной платы чиновников (48%) и ротацию управленческих кадров (34%).

Как и в случае с преступностью в целом, представления о масштабах и сферах распространения коррупции на трех уровнях организации социума (страна — регион — муниципалитет) преимущественно сформированы средствами массовой информации. Так, степень коррумпированности федеральных органов власти респонденты оценивают выше (31%), чем республиканских (21%) и муниципальных (19%), хотя более трети (37%) опрошенных затруднились с ответом. Такой же умозрительный характер имеют оценки мер, направленных на противодействие коррупции: только 8% знают об этих мерах и постоянно повышают свою информированность, каждый четвертый (25%) что-то слышал, но конкретно ничего сказать не может. 37% считают недостаточно эффективной проводимую в стране антикоррупционную политику, потому что власти либо хотят, но не могут эффективно бороться с коррупцией (20%), либо могут, но не хотят этого делать (22%). Четверть респондентов не смогли или не захотели высказать свое мнение по этому вопросу. Вероятнее всего, эти оценки формируются на основе несовпадения ожиданий от применяемых мер и реальных результатов, а также под влиянием акцентов, содержащихся в материалах СМИ.

Все это подтверждает актуальность задачи достижения социально-терпимого уровня коррупции, обусловленного не привыканием к ней как средству, компенсирующему недостатки управленческих структур, или методу противостояния соперничающих преступных групп, а восприятием коррупции и ее последствий на основе достоверной информации и компетентных оценок антикоррупционных мер.

Таблица 2

Оценка респондентами-предпринимателями эффективности антикоррупционных мер (в %) (Республика Башкортостан, 2020)

Содержание меры	Степень эффективности				
	Очень эффективная	Скорее эффективная	Скорее неэффективная	Абсолютно неэффективная	Затрудняюсь ответить
Создание специального органа по борьбе с коррупцией	12	40	26	11	11
Введение ограничений на сделки между государственными структурами и коммерческими организациями, руководители которых состоят в родственных отношениях	15	47	22	6	10
Регламентирование подарков должностным лицам	10	43	27	10	10
Повышение прозрачности во взаимодействии государственных и муниципальных служащих с организациями в рамках системы «электронное правительство»	30	37	14	8	11
Ограничение (обезличивание) прямого контакта заявителя и исполнителя государственной услуги	30	40	14	7	9
Упрощение процедуры предоставления услуг органами власти (принцип «одного окна», МФЦ, Интернет-портал государственных услуг)	36	38	10	6	10
Совершенствование законодательства	19	44	19	5	13
Система ротации должностных лиц	13	40	26	8	13
Усиление контроля за доходами и расходами должностных лиц	30	36	18	7	9
Ужесточение наказания за коррупцию	39	37	10	6	8
Повышение зарплат чиновникам	12	26	31	17	14
Публичное, включая СМИ, осуждение коррупционеров	28	42	14	7	9
Информирование граждан о возможностях противодействия коррупции	24	45	16	7	8
Массовая пропаганда нетерпимости к коррупции	19	32	22	12	15

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках государственного задания ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан» на 2020–2021 годы.

Библиографический список

- [1] *Ведерников В.* С кого взятки не гладки // Российская газета. Неделя. 2020. № 287.
- [2] *Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция. М., 1995.
- [3] *Гилинский Я.И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2021.
- [4] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990.
- [5] *Егорышев С.В.* Влияние криминальной девиации на демографические процессы в Республике Башкортостан // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 1.
- [6] *Егорышев С.В.* Экономическая преступность как фактор снижения уровня управляемости обществом // Вопросы управления. 2020. № 5.
- [7] Итоги деятельности МВД по РБ за январь-декабрь 2012 г., 2016 г., 2018 г., 2020 г. URL: <https://02blaew/xn-plai/slujba/itogi-dejatelnosti>.
- [8] *Кабанов П.А., Райков Г.И., Чирков Д.К.* Политическая коррупция в условиях реформирования российской государственности на рубеже веков. М., 2008.
- [9] *Кирпичников А.И.* Взятка и коррупция в России. СПб., 1997.
- [10] *Клямкин И., Тимофеев Л.* Теневой образ жизни: Социологический автопортрет постсоветского общества. М., 2000.
- [11] *Краснов И.* Прививка от коррупции // Российская газета. Неделя. 2020. № 278.
- [12] *Куц К.-Л.* Введение в криминологическое мышление. СПб., 2019.
- [13] *Лист Ф.* Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. М., 2009.
- [14] *Мудрость России / Сост. Кожевников А.Ю., Линберг Т.Б.* СПб., 2005.
- [15] *Мудрость тысячелетий от А до Я. Великие мысли и афоризмы великих людей / Сост. В.Н. Зубков.* М., 2010.
- [16] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1973.
- [17] *Преступность и правонарушения в СССР.* Стат. сб. М., 1990.
- [18] *Сатаров Г.А.* Диагностика российской коррупции: Социологический анализ. М., 2002.
- [19] *Смелзер Н.* Социология. М., 1990.
- [20] *Состояние преступности в России за январь-декабрь 2012 г.* М., 2013.
- [21] *Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 г.* М., 2017.
- [22] *Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 г.* М., 2019.
- [23] *Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 г.* М., 2021.
- [24] *Социологический энциклопедический словарь / Ред. Г.В. Осипов.* М., 1998.
- [25] *Социология и экономика современной социальной реальности.* М., 2014.
- [26] *Тард Г.* Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы. М., 2004.
- [27] *Тимофеев Л.* Институциональная коррупция: Очерки теории. М., 2000.
- [28] *Троцук И.В.* Краткий курс социологии в изложении криминолога // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2014. № 4.
- [29] *Троцук И.* Неформальные практики: иррациональное поведение или влияние культуры? Два контекстуальных «фрейма» для изучения неформальной экономики // Крестьяноведение. 2018. Т.3. № 4.
- [30] *Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета. 2020. 1 августа.*
- [31] *Ферри Э.* Уголовная социология. М., 2009.
- [32] *Яковлев А.М.* Социология экономической преступности. М., 1988.
- [33] *Яковлев А.М.* Социология преступности. М., 2001.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-253-264

Corruption: institutional features, social determinants and consequences*

S.V. Egoryshev¹, E.A. Egorysheva²

¹Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan
Kirova St., 15, Ufa, 450008, Russia

²Institute of Law of the Bashkir State University,
Dostoevsky St., 131, Ufa, 450005, Russia
(e-mail: sv_egoryshev@mail.ru, helena0503@mail.ru)

Abstract. The article considers the nature, causes, determinants and consequences of corruption. As a form of social deviation of a delinquent nature and as a type of crime, corruption has a destructive effect on all spheres of social life, primarily on their management — by redistributing their resources and by replacing social values and goals with group and personal ones. Corruption affects not only states but also international affairs; therefore, we need active opposition to corruption from the world community: International Anti-Corruption Day was included in the calendars of 187 countries including Russia. According to the World Bank, the annual global amount of bribes is 1 trillion US dollars. For many countries, corruption has become a threat to national security, which makes them seek and use effective and often radical measures to counter corruption, and to conduct comprehensive studies of corruption as an objective and widespread social phenomenon. The authors consider corruption on the basis of an interdisciplinary methodology with an emphasis on institutional and structural-functional approaches, which allowed to identify institutional features of corruption, its structure, functions and social consequences, and to assess the efficiency of anti-corruption measures. The article is based on the statistical data on the dynamics of corruption in Russia and the Republic of Bashkortostan in 2012–2020, and on the results of the sociological survey conducted by the Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan in 2020 according to the methodology for assessing corruption described in the Decree of the Government of the Russian Federation. The survey focused on the problems in the interaction of citizens and employees of state and municipal authorities ('everyday' corruption), and in the interaction of authorities and business ('business' corruption) (the corresponding samples were 814 and 300 people). The study of 'everyday' corruption was conducted by individual formalized interviews, of 'business' corruption — by the online survey on the Google Forms.

Key words: social deviation; crime; corruption; determinants and trends; functions and consequences; institutional features; anti-corruption policy; socially-acceptable level of corruption

Funding

The article was prepared in the framework of the state assignment of the Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan for 2020–2021.

References

- [1] Vedernikov V. S kogo vzyatki ne gladki [Who can be called to account]. *Rossiyskaya Gazeta. Nedelya*. 2020; 287. (In Russ.).
- [2] Gaydar E.T. *Gosudarstvo i evolyutsiya* [State and Evolution]. Moscow; 1995 (In Russ.).

---

* © S.V. Egoryshev, E.A. Egorysheva, 2021

The article was submitted on 12.01.2021. The article was accepted on 02.04.2021.

- [3] Gilinsky Ya.I. *Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiystv i drugikh 'otkloneni'* [Deviantology: Sociology of Crime, Drug Addiction, Prostitution, Suicide and Other 'Deviations']. Saint Petersburg; 2021. (In Russ.).
- [4] Durkheim E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii [The Division of Labor in Society. Method of Sociology]. Moscow; 1990. (In Russ.).
- [5] Egoryshev S.V. Vliyaniye kriminalnoy devyatsii na demograficheskie protsessy v Respublike Bashkortostan [The influence of criminal deviation on the demographic processes in the Republic of Bashkortostan]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (1). (In Russ.).
- [6] Egoryshev S.V. Ekonomicheskaya prestupnost kak faktor snizheniya urovnya upravlyaemosti obshchestvom [Economic crime as a factor reducing the level of social controllability]. *Voprosy Upravleniya*. 2020; 5 (In Russ.).
- [7] Itogi deyatelnosti MVD po RB za yanvar-dekabr 2012 g., 2016 g., 2018 g., 2020 g. [Results of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Bashkortostan in January-December 2012, 2016, 2018, 2020]. URL: <https://02blaew/xn-plai/slujba/itogi-deyatelnosti>. (In Russ.).
- [8] Kabanov P.A., Raykov G.I., Chirkov D.K. *Politicheskaya korruptsiya v usloviyakh reformirovaniya rossiyskoy gosudarstvennosti na rubezhe vekov* [Political Corruption under the Reforms of the Russian Statehood at the Turn of the Century]. Moscow; 2008. (In Russ.).
- [9] Kirpichnikov A.I. *Vzyatka i korruptsiya v Rossii* [Bribery and Corruption in Russia]. Saint Petersburg; 1997. (In Russ.).
- [10] Klyamkin I., Timofeev L. *Tenevoy obraz zhizni: Sotsiologicheskyy avtoportret postsovetского obshchestva* [Shadow Way of Life: Sociological Self-Portrait of the Post-Soviet Society]. Moscow; 2000. (In Russ.).
- [11] Krasnov I. Privivka ot korruptsii [Vaccination against corruption]. *Rossiyskaya Gazeta. Nedelya*. 2020; 278. (In Russ.).
- [12] Kunz K.-L. *Vvedenie v kriminologicheskoye myshlenie* [Introduction to Criminological Thinking]. Saint Petersburg; 2019. (In Russ.).
- [13] List F. *Zadachi ugovnoy politiki. Prestuplenie kak sotsialno-patologicheskoye yavlenie* [Tasks of Criminal Policy. Crime as a Social-Pathological Phenomenon]. Moscow; 2009. (In Russ.).
- [14] *Mudrost Rossii* [Wisdom of Russia]. Sost. Kozhevnikov A.Yu., Linberg T.B. Saint Petersburg; 2005. (In Russ.).
- [15] *Mudrost tysyacheletiy ot A do Ya. Velikie myсли i aforizmy velikikh lyudey* [Wisdom of Millennia from A to Z. Great Thoughts and Aphorisms of Great People]. Sost. V.N. Zubkov. Moscow; 2010. (In Russ.).
- [16] Ozhegov S.I. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow; 1973. (In Russ.).
- [17] *Prestupnost i pravonarusheniya v SSSR* [Crime and Delinquency in the USSR]. Stat. sb. Moscow; 1990. (In Russ.).
- [18] Satarov G.A. *Diagnostika rossiyskoy korruptsii: Sotsiologicheskyy analiz* [Diagnostics of the Russian Corruption: A Sociological Analysis]. Moscow; 2002. (In Russ.).
- [19] Smelser N. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow; 1990. (In Russ.).
- [20] *Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2012 g.* [The State of Crime in Russia in January-December 2012]. Moscow; 2013. (In Russ.).
- [21] *Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2016 g.* [The State of Crime in Russia in January-December 2016]. Moscow; 2017. (In Russ.).
- [22] *Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2018 g.* [The State of Crime in Russia in January-December 2018]. Moscow; 2019. (In Russ.).
- [23] *Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2020 g.* [The State of Crime in Russia in January-December 2020]. Moscow; 2021. (In Russ.).
- [24] *Sotsiologicheskyy entsiklopedicheskiy slovar* [Sociological Encyclopedic Dictionary]. Red. G.V. Osipov. Moscow; 1998. (In Russ.).

- [25] *Sotsiologiya i ekonomika sovremennoy sotsialnoy realnosti* [Sociology and Economics of Contemporary Social Reality]. Moscow; 2014. (In Russ.).
- [26] Tarde G. *Prestupnik i prestuplenie. Sravnitel'naya prestupnost. Prestupleniya tolpy* [Criminal and Crime. Comparative Criminality. Crimes of the Crowd]. Moscow; 2004. (In Russ.).
- [27] Timofeev L. *Institutsionalnaya korruptsiya: Ocherki teorii* [Institutional Corruption: Essays on Theory]. Moscow; 2000. (In Russ.).
- [28] Trotsuk I.V. Kratky kurs sotsiologii v izlozhenii kriminologa [A brief course of sociology by a criminologist]. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 4. (In Russ.).
- [29] Trotsuk I. Neformalnye praktiki: irratsionalnoe povedenie ili vliyanie kultury? Dva kontekstualnykh “freyma” dlya izucheniya neformalnoy ekonomiki [Informal practices: Irrational behavior or cultural influence? Two contextual “frames” for the study of informal economy]. *Russian Peasant Studies*. 2018; 3 (4). (In Russ.).
- [30] Federalny zakon ot 25 dekabrya 2008 g. № 273-FZ “O protivodeystvii korruptsii” [Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ “On Anti-Corruption”. *Rossiyskaya Gazeta*. 2020; 1 avgusta. (In Russ.).
- [31] Ferry E. *Ugolovnaya sotsiologiya* [Criminal Sociology]. Moscow; 2009. (In Russ.).
- [32] Yakovlev A.M. *Sotsiologiya ekonomicheskoy prestupnosti* [Sociology of Economic Crime]. Moscow; 1988. (In Russ.).
- [33] Yakovlev A.M. *Sotsiologiya prestupnosti* [Sociology of Crime]. Moscow; 2001. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-265-278

Динамика трудовой миграции в Башкортостане*

Г.Ф. Ахметова

Институт стратегических исследований Республики Башкортостан
ул. Кирова, 15, Уфа, 450008, Россия
(e-mail: hilazhevagf@isi-rb.ru)

Аннотация. В статье представлены результаты анализа ряда показателей широко распространенного в России социального явления — внутрироссийской трудовой миграции, в которой в 2019 году участвовало около 2,9 млн россиян, или 4% занятого населения. Речь идет о внутренних трудовых мигрантах, которые временно работают за пределами своих регионов. Данный вид трудовой миграции россиян имеет много общего с временной трудовой занятостью в США, Канаде и Австралии (*long distance commuting* (LDC), *fly-in/fly-out* (FIFO)). Эмпирические данные статьи представлены материалами официальной статистики (обследований рабочей силы Федеральной службы государственной статистики за 2011–2019 годы) и социологических исследований, проведенных в российском регионе с относительно высоким уровнем временной занятости — Республике Башкортостан — в 2015–2019 годы. Статистические данные показывают ярко выраженную региональную специфику временной занятости в стране. Основная масса (около 72%) внутрироссийских трудовых мигрантов проживает в трети регионов с высоким и средним уровнем временной трудовой миграции. В ряде регионов динамика участия населения во временной трудовой миграции носит нисходящий характер. Субъекты с низким уровнем временной трудовой занятости и нисходящей ее динамикой принимают наибольшую долю мигрантов из других регионов. Социологические данные показывают, что для жителей Башкортостана характерна разная вовлеченность во временную занятость — в зависимости от места проживания, гендера и возраста, брачного статуса и уровня образования. Аналогичные социально-территориальные и социально-демографические особенности проявляются и на общероссийском уровне. Если внутренняя трудовая миграция на федеральном уровне как инструмент социально-экономического развития способствует снижению дефицита трудовых ресурсов в определенных регионах и отраслях экономики и потому поддерживается соответствующими нормативно-правовыми актами, то на региональном уровне она ослабляет трудовой и демографический потенциал регионов, «отдающих» трудовых мигрантов. Сохранение экономического и демографического потенциала, усиление конкурентоспособности таких регионов возможно при условии развитии рынков труда и трудовой мобильности в пределах регионов.

Ключевые слова: трудовая миграция; вахтовая занятость; регионы; город; село; возрастные группы; уровень жизни; семья; здоровье

Неотъемлемой частью российской действительности, характерным явлением экономической и социальной жизни страны является временная трудовая миграция. Уровень участия населения в ней неуклонно растет: доля

---

* © Ахметова Г.Ф., 2021

Статья поступила 02.09.2020 г. Статья принята к публикации 26.11.2020 г.

занятого населения, временно работающего за пределами своих субъектов, с 2011 по 2019 годы увеличилась с 2,7% до 4,1%, или с 1,9 до 2,9 млн человек (1). Среди них около двух третьих (в 2019 году — 1,8 млн человек) составляют лица, выезжающие на заработки с недельным и более ритмом [7]. Их можно условно назвать вахтовыми мигрантами — в отличие от маятниковых, возвращающихся домой ежедневно. По мнению экспертов, реальная численность временных трудовых мигрантов значительно выше [4. С. 76], тем более что статистика не учитывает тех, кто работает в пределах своих регионов [6. С. 88].

Вахтовая занятость широко использовалась с 1950–1970-х годов при разработке нефтяных и газовых месторождений в СССР [8. С. 107, 108; 13. С. 19]. В российском законодательстве вахтовые методы работы обозначены как трудовой процесс в районах необжитых, отдаленных или с особыми природными условиями, с четко прописанными правилами и принципами организации труда и отдыха работников [11]. Сегодня вахтовые методы используются не только в газовой и нефтяной сферах [4–6; 9–10; 14]. Временная трудовая миграция «предполагает выезд на заработки с периодичностью не чаще одного раза в неделю (недельный ритм), или с меньшей периодичностью, вплоть до появления дома несколько раз в год — в отпуск, на продолжительные праздники» [5. С. 21]. Данное определение отражает основные черты современной вахтовой занятости — регулярность и периодичность выездов, длительность отсутствия дома (в своем населенном пункте) от одной недели до нескольких месяцев. Вахтовой можно назвать миграцию, независимо от ее направлений, выполняемых работ, географии и природно-климатических условий, в которых она осуществляется, при условии регулярности и длительности выездов.

Вахтовые формы занятости распространены и в других странах — США (Аляске), Норвегии, Канаде, Австралии и др. В зарубежных исследованиях вахтовая миграция обозначается терминами *long distance commuting* (LDC) и *fly-in/fly-out* (FIFO). Во втором случае имеется в виду форма организации временных работ горнодобывающими компаниями, когда работник определенное время находится на работе вдали от своей общины. Считается, что такой вид временной трудовой занятости имеет и положительные, и отрицательные стороны как для принимающих, так и для отдающих общин. Поскольку его масштабы будут и дальше расти, необходимо искать пути оптимального взаимодействия между тремя участниками — государством, общинами и работодателями [19. С. 1162–1163]. Необходимость тесного сотрудничества компаний, всех уровней власти и общественности отмечают и исследователи *long distance commuting* — чтобы вахтовая работа стала средством создания и развития устойчивых сообществ, хотя растущая экономическая зависимость отдающих регионов от занятости их жителей на выезде может усиливать социально-экономическую уязвимость этих территорий [16]. Помимо вопросов влияния вахтовой занятости на развитие принимающих и отдающих сообществ, в зарубежных исследованиях рассматриваются вопросы влияния временной трудовой занятости на образ жизни и самочувствие мигрантов и их семей [16; 18].

В статье предпринята попытка оценить динамику участия разных социально-демографических и социально-территориальных групп региона (на примере Республики Башкортостан) в вахтовой миграции на фоне общероссийских тенденций. Выбор Республики Башкортостан обусловлен уровнем временной трудовой миграции в регионе — более высоким, чем в среднем по России, поэтому процессы трудовой миграции в Башкортостане привлекают внимание как российских, так и зарубежных ученых. В 2011–2015 годы были проведены исследования на северо- и юго-востоке республики и сделаны выводы о роли вахтовой миграции как инструмента социальной мобильности семей вахтовиков [17]: вахтовая миграция в северные регионы стала реакцией населения на структурные проблемы села. В условиях ограниченных возможностей и отсутствия поддержки со стороны государства в решении социальных и экономических проблем вахтовый мигрант берет на себя ответственность за будущее своей семьи. При этом свое положение он ощущает как маргинальное — по причине отсутствия работы у себя дома, на родине, к которой он привязан [17. С. 152–154, 170–171, 212]. О привязанности вахтовых мигрантов к привычной социокультурной среде говорит и М.С. Туракаев, проводивший исследования на северо-востоке республики: они имеют высокий социально-экономический статус в своих поселениях и реализуют несколько типов мобильной занятости [13. С. 12–14].

Статья написана по материалам социологических исследований, проведенных в Башкортостане при непосредственном участии автора. Два из них охватывали все население республики и были проведены методом стандартизированного интервью по месту жительства респондентов (2015 и 2019 годы) (2); по аналогичной методике был проведен третий опрос сельского населения республики (2018) (3); четвертое исследование среди вахтовых мигрантов и их супругов, а также опрос экспертов были проведены при поддержке РФФИ в 2018 году в двух малых городах и пяти сельских районах республики (4). Также были использованы данные официальной статистики — результаты обследования рабочей силы Росстата за 2011–2019 годы [2; 7] — и данные муниципальных районов Республики Башкортостан о численности временных трудовых мигрантов в сельских поселениях за 2015–2018 годы, предоставленные по запросу Института стратегических исследований Республики Башкортостан.

Динамика временной трудовой миграции в субъектах РФ в 2011–2019 гг. (5)

По уровню участия занятого населения во временной трудовой миграции российские регионы были разделены на три группы: с высоким (свыше 10%), средним (5–10%) и низким (менее 5%) уровнем участия (в Таблице 1 представлены первые две группы). Между двумя «трехлетиями» число регионов, где доля временных трудовых мигрантов превышала 10%, осталось практически неизменным (6 и 7 субъектов соответственно), но изменились максимально высокие значения участия занятого населения во временной трудовой миграции и состав регионов, входящих в эту группу.

Таблица 1

**Регионы с высоким и средним уровнем участия занятого населения
во временной трудовой миграции, в среднем в год, 2011–2013, 2017–2019 гг., % [2]**

2011–2013		2017–2019		
Субъекты	Доля в составе занятого населения	Субъекты	Доля в составе занятого населения	Темпы роста/ снижения к 2011–2013 гг., %
Российская Федерация	3	Российская Федерация	4	33
Высокий (свыше 10%)				
1. Республика Адыгея	16,6	1. Московская область	20,6	62,2
2. Московская область	12,7	2. Ленинградская область	19	62,4
3. Чувашская Республика	11,7	3. Республика Адыгея	16,7	0,6
4. Ленинградская область	11,7	4. Чувашская Республика	13,3	13,7
5. Республика Калмыкия	11,7	5. Республика Калмыкия	12,5	6,8
6. Тульская область	10,8	6. Республика Марий Эл	11,9	28
		7. Еврейская АО	11,1	23,3
Средний (от 5 до 10%)				
1. Республика Марий Эл	9,3	1. Республика Мордовия	9,6	29,7
2. Еврейская АО	9	2. Орловская область	9,2	39,3
3. Ивановская область	8,9	3. Брянская область	9,1	35,8
4. Владимирская область	8,5	4. Владимирская область	8,9	4,7
5. Пензенская область	8,1	5. Тульская область	8,9	–17,5
6. Республика Мордовия	7,4	6. Республика Башкортостан	8,6	30,3
7. Тамбовская область	6,8	7. Ивановская область	8,5	–4,5
8. Брянская область	6,7	8. Смоленская область	8,4	42,3
9. Тверская область	6,6	9. Пензенская область	8,2	1,2
10. Орловская область	6,6	10. Тверская область	7,7	16,6
11. Республика Башкортостан	6,6	11. Омская область	6,8	23,6
12. Курганская область	6,4	12. Курганская область	6,6	3,1
13. Смоленская область	5,9	13. Кабардино-Балкарская Республика	5,8	155,3
14. Калужская область	5,8	14. Курская область	5,7	9,6
15. Омская область	5,5	15. Ульяновская область	5,5	10
16. Курская область	5,2	16. Саратовская область	5,4	
17. Ульяновская область	5	17. Калужская область	5,2	–1,7
		18. Волгоградская область	5	

Если в 2011–2013 годы самый высокий показатель был 16,6% в Республике Адыгея, то в 2017–2019 годы — уже 20,6% и 19% в Московской и Ленинградской областях. В последних темпы роста участия занятого населения выросли более чем на 60% (вдвое выше среднероссийского уровня), в Адыгее остались на прежнем уровне. Незначительно повысилось участие занятого населения в Чувашии и Калмыкии, которые в течение всего рассматриваемого периода входили в группу регионов с высоким уровнем временной трудовой миграции. В связи с ростом показателей данную группу в 2017–2019 годы дополнили Марий Эл и Еврейский автономный округ, а в связи со снижением покинула Тульская область.

Почти втрое больше регионов со средним уровнем участия занятого населения во временной трудовой миграции — их число практически не изменилось (17 и 18). Половина из них входит в состав Центрального федерального округа, и в них к 2017–2019 годам проявились противоположные тенденции. С одной стороны, в трех регионах наблюдались самые высокие темпы роста уровня временной занятости: в Смоленской (на 42%), Орловской (на 39,3%), Брянской (на 35%) областях; с другой стороны, в трех других регионах произошло снижение, особенно в Тульской области (на 17,5%), а также в Ивановской (на 4,5%) и Калужской (на 1,7%). В других субъектах ЦФО со средним уровнем временной трудовой занятости наблюдались разные темпы ее прироста: во Владимирской области — на 4,7%, Курской — 9,6%, Тверской — 16,6%. Около трети регионов в группе со средним уровнем участия входят в Приволжский федеральный округ (Пензенская, Ульяновская области, республики Мордовия и Башкортостан), по одному — в Сибирский (Омская область), Уральский (Курганская область), Северо-Кавказский (Кабардино-Балкарская Республика) и Южный (Волгоградская область) федеральные округа.

По итогам 2017–2019 годов общее число регионов с высоким и средним уровнем участия занятого населения во временной трудовой миграции составило 25, или менее трети субъектов РФ (29%). Вдвое больше регионов с низким уровнем участия населения во временной трудовой миграции — 58 субъектов, или 68%. Несмотря на то, что субъектов с высоким и средним уровнем значительно меньше, именно из них выезжает большая часть временных трудовых мигрантов страны — более 2,1 млн человек, или 72% в среднем в год в 2017–2019 годы.

Динамика вовлечения в вахтовую миграцию групп населения Башкортостана

Республика Башкортостан — регион на территории Урало-Поволжья, где проживает более 4 млн человек. Здесь выше, чем в среднем по России, доля сельского населения (около 38%). Более четверти жителей республики проживают в столице — городе-миллионнике Уфе (28%), пятая часть (17%) — в больших городах, десятая (11%) — в средних, 6% — в малых [1. С. 17]. Республика дифференцирована по уровню социально-экономического развития:

наиболее развиты центральные, западные, южные территории, наименее — юго-восточные и северо-восточные (слабо урбанизированы).

Основное направление временной занятости в республике — сибирские регионы, что связано со спецификой республики как региона с развитой нефтяной промышленностью. Так, по данным Росстата, в 2019 году только в Тюменскую область с автономными округами выехало более 65% всех временных трудовых мигрантов Башкортостана (треть всех временных трудовых мигрантов области — 29%). Вторым направлением временной трудовой занятости для жителей республики стала граничащая с Башкортостаном Челябинская область, где работало в 2019 году около 5% всех временных трудовых мигрантов (половина внутренних мигрантов области — 49%). Примерно 6 тысяч жителей Башкортостана выехали в Свердловскую область и составили более четверти ее временных трудовых мигрантов (27,4%) [12]. Всего, по данным Росстата, временные трудовые мигранты трудятся более чем в 40 регионах страны.

Для определения доли вахтовых мигрантов в составе разных групп населения в ходе репрезентативных опросов был задан вопрос, приходится ли респондентам выезжать из своих населенных пунктов на работу длительно — от недели до нескольких месяцев. В 2015 году положительно ответили на вопрос 7,4%, в 2019 году — 8,9%. Среди них работали в указанные годы за пределами Башкортостана 58,9% и 66,3%, в Башкортостане — 41,1% и 33,7%, в том числе в столице республики — 23,3% и 26,4% соответственно. В среднем по России от 20% до 25% выездов на работу совершаются в пределах регионов [6. С. 83]. Выделенная категория респондентов, независимо от местонахождения работы (в республике или за ее пределами), была условно обозначена вахтовыми мигрантами, а их выезды на работу — вахтовой миграцией, т.е. речь идет о группе респондентов, регулярно работающих за пределами своих населенных пунктов и возвращающихся домой не реже одного раза в неделю.

Социологические данные показывают более высокий уровень вахтовой миграции у жителей сел. Представленность вахтовиков различается по типам городов: в малых городах их доля выше, чем в средних, в средних выше, чем в больших, самый низкий уровень — в столице республики. Если в 2015 году эта тенденция проявлялась не так отчетливо (доля вахтовых мигрантов в средних городах была меньше, чем в больших), то в 2019 году стала более выраженной (Рис. 1). Данные по Республике Башкортостан подтверждают общероссийскую тенденцию: чем крупнее поселение, тем ниже доля участвующих в трудовой миграции [6. С. 81]. С 2015 по 2019 годы доля вахтовиков выросла с 7,4% до 8,9%, но не во всех типах поселений: значительное увеличение доли вахтовых мигрантов, более чем в 1,5 раза, произошло в селах — с 8,7% до 14,8% (в 2018 году — 15,9%); в Уфе осталась практически такой же — ниже 3%; в больших городах сократилась с 7,3% до 4,4%; незначительно выросла в малых (с 9,2% до 10,9%) и средних городах (с 6,1% до 8,5%). Можно увидеть закономерность: чем ниже статус поселения, тем быстрее растет вахтовая занятость населения.

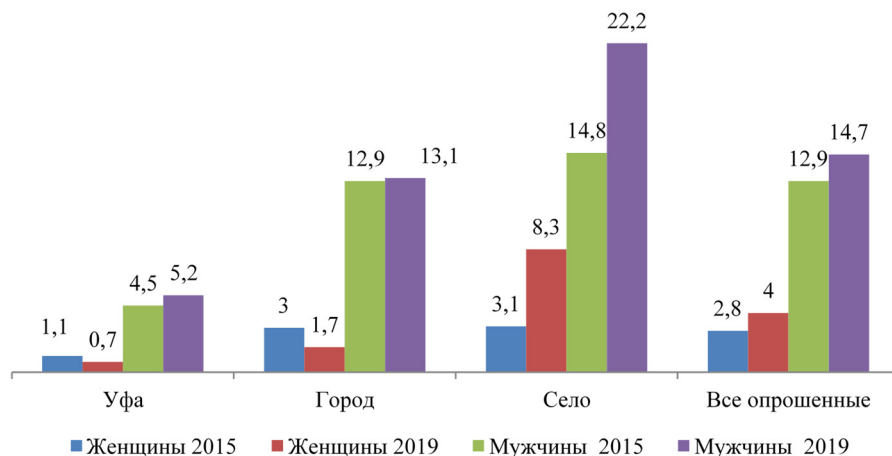
Рис. 1. Участие респондентов в вахтовой миграции по типам поселений, %

Увеличение доли участников вахтовой миграции среди сельского населения показывают и данные сельских поселений муниципальных районов за 2015–2018 годы: численность вахтовых мигрантов выросла с 55,4 до 75,4 тысяч человек, или с 6,1% до 9,4% сельского трудоспособного населения республики. Этот показатель сильно дифференцирован на уровне муниципальных районов — от 3–5% в центральных до 25–30% в удаленных, окраинных районах, особенно на севере и северо-востоке. Схожие тенденции наблюдаются и в других регионах: «Доля трудоспособного населения, работающего именно на отходе, с отлучками из дома более чем на один день, но с постоянным возвращением, в обследованных сельских районах Нечерноземья колебалась от 5% до 30% населения в трудоспособном возрасте и зависела от близости к крупному центру, транспортного положения, демографического состава, набора предприятий и их состояния, в общем, от экономико-географических факторов» [4. С. 76].

В общей структуре вахтовых мигрантов доля сельских жителей в Башкортостане, по данным опроса 2019 года, составила около 65,5%, жителей средних городов — 11,5%, Уфы и больших городов — по 8%, малых городов — 6,9%. По данным Росстата, в 2019 году в общероссийской структуре временных трудовых мигрантов сельские составили среди работающих в своем субъекте 21,8%, за его пределами — 33,8% [7], т.е. в Башкортостане доля сельских жителей несколько выше, чем по России в целом.

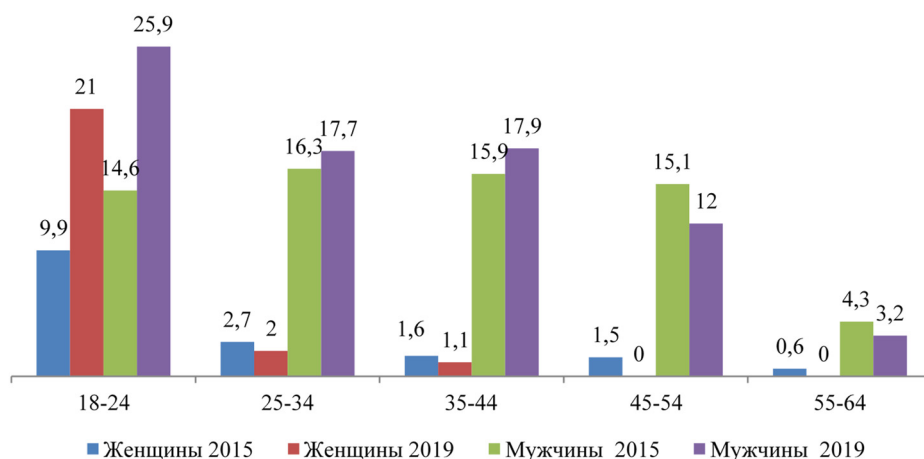
Как правило, трудовая миграция предполагает более высокий уровень участия мужчин, чем женщин. Так, в Башкортостане в 2015 году в вахтовой занятости участвовало 12,9% опрошенных мужчин и 2,8% женщин, в 2019 году — 14,7% мужчин и 4% женщин. Если в первый год проведения опроса среди вахтовых мигрантов мужчины составляли 79,5%, а женщины — 20,5%, то к 2019 году мужчин стало чуть меньше — 76%, а женщин больше — 24% (по России — 76,2% и 23,8% соответственно [7]). Причем рост и мужского, и женского участия в Башкортостане произошел главным образом в сельской

местности. Так, на селе доля вахтовых мигрантов увеличилась среди женщин с 3,1% до 8,7%, среди мужчин — с 14,8% до 22,2%, в Уфе и других городах уровень вахтовой занятости женщин несколько снизился, мужчин — вырос незначительно (Рис. 2).

Рис. 2. Участие в вахтовой миграции по гендерным и социально-территориальным группам, %

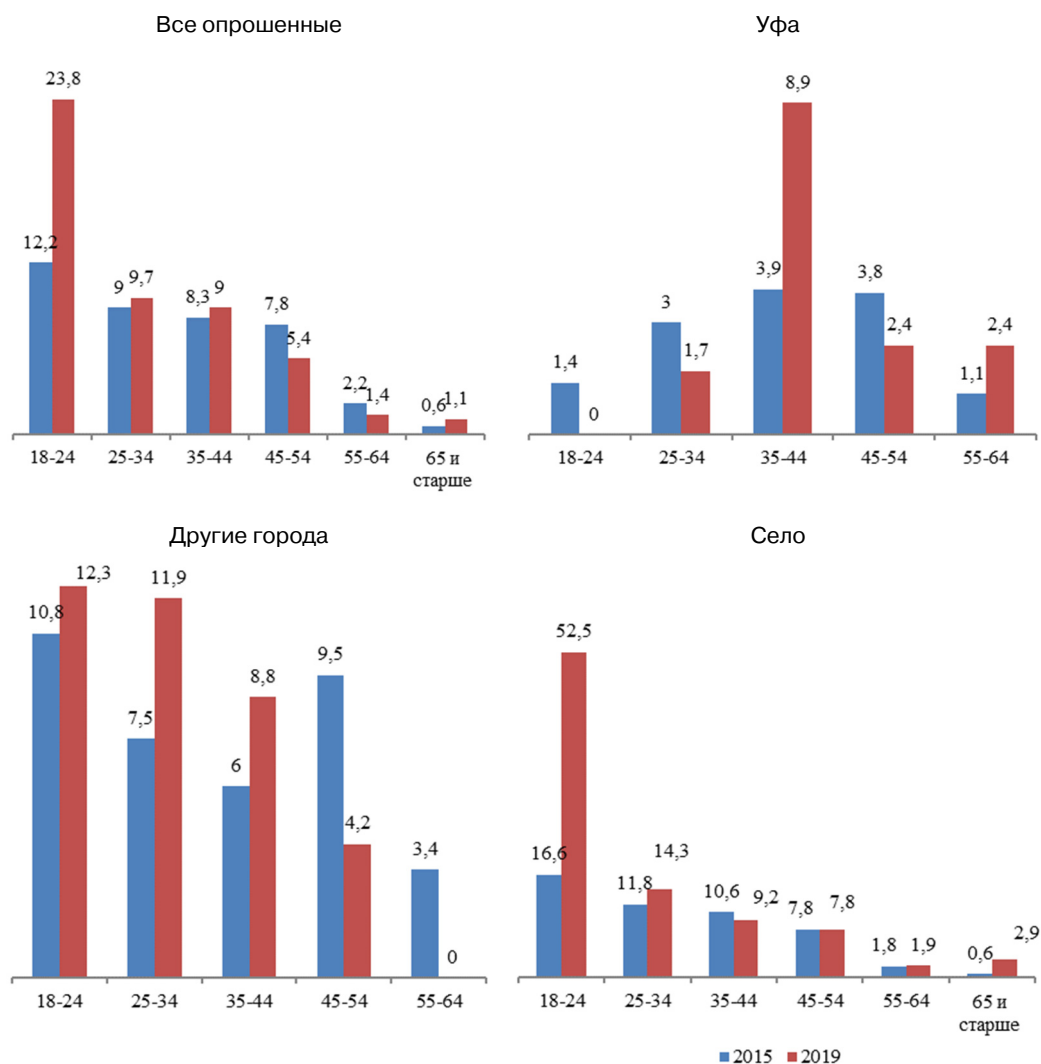
Основной вклад в рост вахтовой занятости внесла молодежь до 24 лет: среди женщин этой возрастной группы уровень участия в работе на выезде вырос с 2015 по 2019 годы более чем в два раза — с 9,9; до 21%, у мужчин — с 14,6; до 25,9%. В остальных возрастах женское участие с небольших значений еще больше снизилось (Рис. 3).

Рис. 3. Участие в вахтовой миграции по гендерным и возрастным группам, %

Уровень занятости на выезде относительно стабилен среди 25–44-летних мужчин (рост с 16% до 18%), а в старших возрастах снижается: среди 45–54-летних мужчин — с 15,1% до 12%, 55–64-летних — с 4,3% до 3,2%.

Анализ вахтовой миграции возрастных групп в социально-территориальном разрезе показывает, что рост активности молодежи до 24 лет произошел главным образом на селе — с 16% до 52,5%. В городах республики (кроме столицы) относительно низкий уровень участия молодежи изменился незначительно (с 10% до 12,3%), а в Уфе опустился до нулевых значений (Рис. 4).

Рис. 4. Участие респондентов в вахтовой миграции по возрастным и социально-территориальным группам, %

В другой возрастной группе молодежи (25–34 года) наблюдался незначительный рост трудовой миграции в селах (с 11,8% до 14,3%) и городах (с 7,5% до 11,9%), в Уфе повторилась тенденция снижения (с 3% до 1,7%). В целом по выборке уровень участия этой группы остался на том же уровне, как и у респондентов более старшей возрастной группы 35–44 лет (9%). Последние активно включились в вахтовую занятость в Уфе, и доля вахтовиков среди

них выросла в столице с 3,9% до 8,9%, достигнув уровня других городов (рост с 6% до 8,8%) и сел (небольшое снижение с 10,6% до 9,2%).

К 2019 году возрастная структура участников вахтовой миграции характеризовалась значительной представленностью молодежи до 24 лет (44%), пятой частью молодежи 25–34 лет (22%), чуть меньше — респондентами 35–44-х лет (18%), десятой частью группы 45–54 лет (13%) и очень незначительно — людьми старше 55 лет (3%). Возросшая доля сельской молодежи Башкортостана среди вахтовых мигрантов не вполне соответствует традиционному возрастному профилю трудовой миграции в стране — молодежь в ней всегда была представлена незначительно [5. С. 36].

Вовлеченность молодежи в вахтовую занятость способствовала тому, что в составе вахтовых мигрантов возросла доля не состоявших в браке: доля вахтовиков увеличилась среди холостых мужчин с 14,3% до 20,8%, незамужних женщин — с 9,9% до 16,8%. Стабилен уровень участия мужчин, находящихся в зарегистрированном браке, — 12% по итогам обоих опросов (Рис. 5). В брачной структуре вахтовых мигрантов в 2019 году значительную долю, помимо холостых/незамужних, не имевших брачного опыта (48%), составили респонденты в зарегистрированном браке (41%); десятая часть — живущие в незарегистрированном браке (7%), вдовы и разведенные (4%).

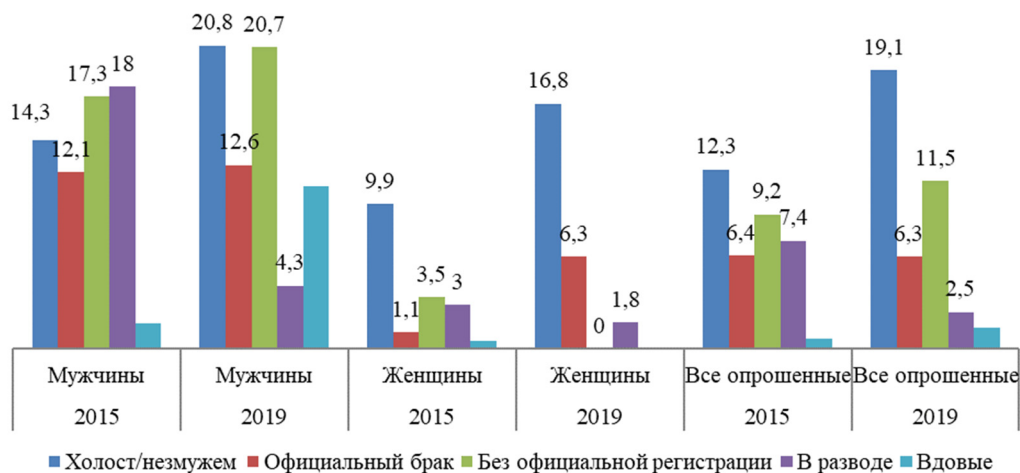

Рис. 5. Участие респондентов в вахтовой миграции по гендерным группам и брачному статусу, %

Участие молодежи способствовало и тому, что в структуре вахтовых мигрантов возросла доля респондентов с основным и общим школьным образованием — с 14,9% до 24,4% — и средним специальным образованием (с 29,6% до 45,3%), но почти втрое сократилась доля респондентов с высшим образованием (с 30,3% до 10,5%).

***

Временная трудовая миграция, динамика которой в стране носит преимущественно восходящий характер, регионально дифференцирована по

масштабам и темпам роста, что во многом обусловлено особенностями социально-экономического развития регионов. Большая часть регионов (около двух третей) демонстрирует относительно низкий уровень участия занятого населения во временной трудовой миграции (менее 5%), меньшая часть — регионы с высоким (более 10%) и средним (5–10%) уровнем участия, где сконцентрирована наибольшая доля временных трудовых мигрантов (72%).

Временная трудовая миграция имеет ярко выраженные территориальные и социально-демографические особенности, которые проявляются в неодинаковой вовлеченности населения по критериям места проживания, гендерной и возрастной принадлежности, брачного статуса и уровня образования. Особенности проявляются как в общероссийском масштабе, так и в региональном: например, в Республике Башкортостан выше, чем в среднем по России, доля сельского населения и молодежи до 25 лет среди временных трудовых мигрантов. Согласно социологическим данным вахтовые мигранты и их супруги рассматривают такую занятость как вынужденную меру в интересах выживания их семей. Между двумя ценностями — материальным благополучием и семейным — большинство выбирает ценность семьи (80,3% в 2018 году).

Эксперты, опрошенные в селах и малых городах республики, отмечают, что вахтовая миграция влияет в основном отрицательно на семейные отношения (супружеские — 55% и детско-родительские — 68%), состояние здоровья (75%) и социально-демографическое развитие территорий проживания вахтовых мигрантов (59,4%). Среди положительных эффектов было названо только повышение доходов и уровня жизни семей (90,8%). Большая часть экспертов (60,5%) уверена в необходимости регулирования вахтовой миграции в республике в целях ее сокращения. На уровне региональной власти проводится идея возвращения вахтовиков домой, «чтобы наши земляки, работающие, опытные специалисты не уезжали тысячами от своих семей в другие регионы», «чтобы люди в республике могли найти рабочие места и достойные зарплаты» (6).

Межрегиональная трудовая миграция как инструмент социально-экономического развития и регулирования рынка труда имеет разное значение на федеральном и региональном уровнях. В первом случае она способствует сокращению дефицита трудовых ресурсов на определенных территориях и сферах экономики, из чего вытекает необходимость ее развития — государство принимало соответствующие меры и нормативно-правовые акты (7). В то же время очевидна проблема ослабления трудового и демографического потенциала отдающих регионов, хотя временная трудовая миграция решает острые материальные проблемы населения. В рамках государственной политики в сфере занятости и внутренней миграции целесообразно сделать акцент на развитии локальных рынков труда и трудовой мобильности в пределах регионов.

Примечания

- (1) В то же время в 2019 году по сравнению с предыдущим годом впервые снизилось число временных трудовых мигрантов (примерно на 76 тысяч человек по стране).
- (2) «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года» (Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, Башкирский филиал)

- Института социологии ФНИСЦ РАН, 2015; N = 6264) и «Проблемы социально-демографического и социально-экономического развития Республики Башкортостан» (Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, 2019; N = 1000).
- (3) «Стратегия социально-экономического развития муниципальных образований Республики Башкортостан до 2030 года» (Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, 2018; N = 4412).
  - (4) «Внутренняя трудовая миграция жителей сел и малых городов Башкортостана: факторы и последствия» (Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, проект РФФИ № 18-411-020028, 2018: опрос в двух малых городах и пяти сельских районах: 1) 200 семейных пар, в которых один из супругов является временным трудовым мигрантом; 2) эксперты — главы сельских поселений, руководители муниципальных администраций, представители образовательных учреждений).
  - (5) Анализ участия населения во временной трудовой миграции проведен без выделения вахтовых и маятниковых мигрантов по причине отсутствия данных о категориях временных трудовых мигрантов. Вероятно, в большинстве регионов вахтовые мигранты составляют большинство участников временной трудовой миграции (за исключением Московской, Ленинградской областей, Республики Адыгея, где доминируют маятниковые мигранты в Москву, Санкт-Петербург и Краснодарский край) [14. С. 31].
  - (6) Послание Главы Республики Башкортостан Р.Ф. Хабирова Государственному Собранию — Курултаю Республики Башкортостан (10.12.2019) // URL: <http://gsrb.ru/ru/supplement/message-rb/poslanie-glavy-respubliki-bashkortostan-10-12-2019.php>.
  - (7) Например, Распоряжение Правительства РФ от 24 апреля 2014 г. № 663-р «О плане мероприятий по повышению мобильности граждан РФ на 2014–2018 гг.» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70546340>; Федеральный закон от 22 декабря 2014 г. № 425-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О занятости населения в Российской Федерации” в части повышения мобильности трудовых ресурсов и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70726322>; Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 465-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70730750>.

Библиографический список

- [1] Демографические процессы в Республике Башкортостан. Уфа, 2019.
- [2] Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2019 // URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13265>.
- [3] *Карачурина Л.Б.* Вахтовая миграция в юго-восточном Башкортостане // Республика Башкортостан. Демографический доклад. Вып. 4 / Под ред. А.Н. Дегтярева, А.Р. Кузнецовой, Г.Ф. Ахметовой. Уфа, 2020.
- [4] Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М., 2016.
- [5] *Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф.* Трудовая пространственная мобильность россиян на примере жителей малых городов. Препринт. М., 2015.
- [6] *Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф.* Жители малых и средних городов России: трудовая миграция как альтернатива безвозвратному отъезду // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. № 3.
- [7] О межрегиональной трудовой миграции в 2019 году // URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GhpJyhEX/mtm_2019.pdf.
- [8] *Нуйкина Е.В.* Влияние вахтового метода работы на принимающие города российского севера (на примере города Воркуты) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2013. Вып. 2.
- [9] *Плюснин Ю.М.* Российское отходничество: вехи многовековой истории // ЭКО. 2019. № 11.
- [10] *Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А.* Отходники. М., 2013.

- [11] Трудовой кодекс Российской Федерации (ред. от 31.07.2020 г.). Гл. 47. Особенности регулирования труда лиц, работающих вахтовым методом // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/b28df2870d3c3b2aeb65f905c59c7ddc1b139dd0.
- [12] Трудовая миграция жителей Республики Башкортостан в 2019 году. Уфа, 2020.
- [13] Туракаев М.С. Социокультурные факторы воспроизводства мобильной трудовой занятости в российском регионе (на примере северо-востока Республики Башкортостан). Автореф. дисс. к.с.н. СПб., 2016.
- [14] Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда. М., 2015.
- [15] Gallegos D. 'Airplanes Always Come Back': Fly-in Fly-out Employment: Managing the Parenting Transitions. Perth, 2005.
- [16] Hoath A., McKenzie H.F. The Socio-Economic Impacts of Long-Distance Commuting on Source Communities. Perth, 2013.
- [17] Öfner E. In den Norden fernpendeln — Arbeitsmobilität im ruralen Baschkortostan. Doctoral thesis. Vienna, 2017
- [18] Sibbel A Living FIFO: The Experiences and Psychosocial Well-Being of Western Australian Fly-in/Fly-out Employees and Partners. Edith Cowan University, 2010.
- [19] Storey. K. Fly-in/fly-out: Implications for community // Sustainability. 2010. No. 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-265-278

Dynamics of labor migration in the Republic of Bashkortostan*

G.F. Akhmetova

Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan
Kirov St., 15, Ufa, 450008, Russia
(e-mail: hilazhevagf@isi-rb.ru)

Abstract. The article considers some indicators of the widespread social phenomenon in Russia — labor migration, which, according to the data for 2019, involves about 2.9 million Russians, or 4% of the employed population. These are internal labor migrants who temporarily work outside their regions. This type of labor migration of Russians has common features with temporary employment in the United States, Canada, and Australia (long distance commuting — LDC), fly-in/fly-out — FIFO). The empirical basis of the article consists of the statistical data (results of the labor force survey by the Federal State Statistics Service for 2011–2019) and the results of sociological research conducted in the region with a high level of shift employment — the Republic of Bashkortostan — in 2015–2019. The statistical data prove regional differences in the Russian shift employment: the majority (72%) of internal labor migrants live in a third of the regions with high and medium levels of temporary labor migration; in some regions, the level of temporary labor migration decreases. The sociological data show different involvement in shift employment depending on place of residence, gender and age, marital status and level of education. The same social-territorial and social-demographic features are evident at the national level. At the federal level, internal labor migration, as a tool for social-economic development, helps to solve the problem of labor shortage in certain areas and sectors of economy; therefore, such labor migration is supported by legal acts. At the regional level, it decreases the labor and demographic potential of the regions that ‘provide’ labor migrants. To preserve the economic and demographic potential and to strengthen the competitiveness of such regions, we need to develop regional labor markets and labor mobility within regions.

Key words: labor migration; shift employment; regions; city; village; age groups; standards of living; family; health

---

* © Akhmetova G.F., 2021

The article was submitted on 02.09.2020. The article was accepted on 26.11.2020.

References

- [1] *Demograficheskie protsessy v Respublike Bashkortostan* [Demographic Processes in the Republic of Bashkortostan]. Ufa; 2019. (In Russ.).
- [2] *Itoги vyborochnogo obsledovaniya rabochei sily* [Results of the Sample Survey of the Labor Force]. 2019. URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13265>. (In Russ.).
- [3] Karachurina L.B., Klimkin I.O., Andreeva E.A. Vahtovaya migratsiya v jugo-vostochnom Bashkortostane [Shift migration in southeastern Bashkortostan]. *Respublika Bashkortostan*. Vyp. 4. Pod red. A.N. Degtyareva, A.R. Kuznetsovoy, G.F. Akhmetovoy. Ufa; 2020. (In Russ.).
- [4] *Mezhdu domom i ... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost' naseleniya Rossii* [Between Home and... Home. Return Spatial Mobility of the Russian Population]. Pod red. T.G. Nefedovoj, K.V. Averkievoj, A.G. Makhrovoy. Moscow; 2016. (In Russ.).
- [5] Mkrtychyan N.V., Florinskaya Yu.F. *Trudovaja prostranstvennaja mobilnost rossijan na primere zhitel'nykh malyh gorodov* [Labor Spatial Mobility of Russians on the Example of Residents of Small Cities]. Preprint. Moscow; 2015. (In Russ.).
- [6] Mkrtychyan N.V., Florinskaya Yu.F. Zhiteli malyh i srednih gorodov Rossii: trudovaja migratsiya kak alternativa bezvozvratnomu ot'ezdu [Residents of small and medium-sized cities of Russia: Labor migration as an alternative to irrevocable departure]. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii*. 2019; 3. (In Russ.).
- [7] O mezhregionalnoi trudovoi migratsii v 2019 godu [On Interregional Labor Migration in 2019]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GhpJyhEX/mtm_2019.pdf. (In Russ.).
- [8] Nuikina E.V. Vliyanie vakhtovogo metoda raboty na primimajushhie goroda rossijskogo severa (na primere goroda Vorkuty) [Influence of shift work on the host cities of the Russian North (on the example of the city of Vorkuta)]. *Izvestiya Komi Nauchnogo Tsentra UrO RAN*. 2013; 2. (In Russ.).
- [9] Plyusnin Yu.M. Rossijskoe otdonichestvo: vekhi mnogovekovoj istorii [Russian seasonal workers: Milestones of the centuries-old history]. *ECO*. 2019; 11. (In Russ.).
- [10] Plusnin Yu.M., Zausaeva Ya.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A. *Otkhodniki* [Seasonal Workers]. Moscow; 2013. (In Russ.).
- [11] Trudovoi kodeks Rossijskoj Federatsii (red. ot 31.07.2020 g.). Gl. 47. Osobennosti regulirovaniya truda lits, rabotayushchikh vakhtovym metodom [Labour Code of the Russian Federation (as amended from July 31, 2020). Ch. 47. Features of Regulation of Labor of Shift Workers]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/b28df2870d3c3b2aeb65f905c59c7ddc1b139dd0. (In Russ.).
- [12] *Trudovaya migratsiya zhitel'nykh Respubliki Bashkortostan v 2019 godu* [Labor Migration of Residents of the Republic of Bashkortostan in 2019]. Ufa; 2020. (In Russ.).
- [13] Turakaev M.S. Sociokulturnye faktory vosproizvodstva mobilnoj trudovoj zanjatosti v rossijskom regione (na primere severo-vostoka Respubliki Bashkortostan) [Social-cultural factors of the labor mobility reproduction in the Russian region (on the example of the North-East of the Republic of Bashkortostan)]. Avtoref. diss. k.s.n. Saint Petersburg; 2016. (In Russ.).
- [14] Florinskaya Yu.F., Mkrtychyan N.V., Maleva T.M., Kirillova M.K. *Migratsiya i rynek truda* [Migration and Labor Market]. Moscow; 2015. (In Russ.).
- [15] Gallegos D. *Airplanes Always Come Back': Fly-in Fly-out Employment: Managing the Parenting Transitions*. Perth; 2005.
- [16] Hoath A., McKenzie H.F. *The Socio-Economic Impacts of Long-Distance Commuting on Source Communities*. Perth; 2013.
- [17] Öfner E. *In den Norden fernpendeln — Arbeitsmobilität im ruralen Baschkortostan*. Doctoral thesis. Vienna; 2017
- [18] Sibbel A *Living FIFO: The Experiences and Psychosocial Well-Being of Western Australian Fly-in/Fly-out Employees and Partners*. Edith Cowan University; 2010.
- [19] Storey. K. Fly-in/fly-out: Implications for community. *Sustainability*. 2010; 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-279-295

Сельско-городская миграция на Крымском полуострове*

Т.Ю. Гусаков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия
(e-mail: gusakov-ty@ranepa.ru)

Аннотация. Несмотря на широкую известность Крымского региона, его научные описания полны пробелов. В советский период исследования ограничивали негласные запреты на изучение социальных процессов и отсутствие сильной научной школы. После распада СССР отдельные крымские сюжеты встречались лишь в работах об острых социальных аспектах миграций и искусственных преобразованиях этно-конфессионального состава населения. Изменение статуса Крымского полуострова в 2014 году актуализировало значение региона в российской науке — на сегодняшний день опубликовано множество статей, раскрывающих особенности социально-экономического развития полуострова, но ряд вопросов в жизни Крыма все еще мало изучен. Один из них — миграционные процессы на полуострове: если исторические этнические миграции достаточно хорошо проработаны, то современные перемещения населения редко попадают в фокус исследовательского интереса. Исторически миграционные процессы играли важную роль в социально-экономическом развитии Крыма. Но если до недавнего времени драйвером развития выступали внешние миграции, то с начала XXI века эту роль стали играть миграционные перемещения населения внутри полуострова, и их особенности необходимо учитывать в планировании и финансировании проектов по развитию сельских территорий. Сельская местность Крыма остается аграрно-перенаселенной, поэтому нужно понимать, какие территории перспективны для капитальных вложений, а какие в скором времени окажутся депопулированными вследствие отсутствия возможностей для раскрытия человеческого и социального капитала. Автор исследует процессы обмена населением между городской и сельской местностью как один из наиболее значимых факторов для демографической ситуации полуострова. В статье рассмотрены причины и особенности пространственной мобильности и миграционного движения населения Крыма на основе анализа статистических данных и транспортных связей города и сельской местности.

Ключевые слова: социальная география; география сельской местности; сельская местность; миграция населения; сельско-городские миграции; урбанизация; сельско-городской континуум

В советское время изучение социального развития Крыма было под негласным запретом, однако и во времена независимой Украины немногие его аспекты были раскрыты, что предоставило современным ученым широкое поле для деятельности. Безусловно, уже проведено множество исследований,

---

* © Гусаков Т.Ю., 2021

Статья поступила 22.02.2021 г. Статья принята к публикации 02.04.2021 г.

но большинство посвящены этническому составу, депортациям, репатриациям и вынужденным миграциям населения, тогда как особенности повседневной жизни редко попадали в фокус внимания социологов, географов, экономистов и представителей других отраслей научного знания.

Одним из важнейших для Крыма социальных процессов испокон веков являлось механическое движение населения — миграции: это перемещение, переселение, перемена людьми места жительства на постоянный срок или длительное время, которая обусловлена разными причинами [21]. Не все ученые согласны с таким определением [20], но в задачи статьи не входит уточнение границ понятия миграции.

Крымский полуостров исторически являлся центром социально-экономического развития Причерноморского и Приазовского регионов. По его территории проходили маршруты миграций во времена Великого переселения народов, Великого шелкового пути и другие важные торговые артерии. Исторически частая смена владельцев Крыма и была обусловлена прохождением через полуостров одного из главных миграционных каналов, соединяющих Европу и Азию, а в дальнейшем — соприкосновением сфер влияния империй. Миграционные каналы давно изменили маршруты и все чаще пролегают через Средиземное море, территорию Турции и Балканских государств, империи распались на национальные государства, но Крым неизменно переживал всплески миграций — по культурным, религиозным, этническим или экономическим причинам.

Перемещения по полуострову этнических групп определили социальную структуру крымского населения. Наиболее значимые коррективы были внесены в нее в советское время, когда некоторые этносы были депортированы, а их нишу заняли переселенцы из других регионов СССР. Сегодня основу крымского общества составляют русские и украинцы — потомки переселенцев XIX–XX веков, а также крымские татары, репатрианты 1990-х годов и их потомки. С течением времени менялись и векторы миграции на полуострове: если для XIX века были характерны международные миграции, то в XX веке наблюдались в основном межрегиональные переселения, а XXI веке — внутренние миграции. Как правило, исследователи сосредоточены на политизированных миграциях XIX–XX веков, а не на сельско-городских миграциях — переселении населения из сельской местности в городскую, и наоборот. Признавая обоснованность концепции сельско-городского континуума [24], в статье под сельской местностью будет пониматься все, что не город [18], т.е. территории сельских поселений, соответственно, город — это все, что не село, т.е. городские округа. По этому принципу и поселки городского типа также отнесены к сельской местности.

Распад Советского Союза, переход к рыночной экономике, завершение активной фазы репатриации депортированных народов, изменение структуры регионального хозяйства обусловили возникновение центров социально-экономического роста и периферии. Наличие огромного сельского населения в

условиях существования коллективных хозяйств выглядело логичным и рациональным, но после исчезновения колхозов и совхозов множество сельских жителей оказались «лишними». Безработица в сельской местности и рост третичного сектора в городах вызвал закономерный переток сельского населения в города. Почему важно понимать причины и масштабы сельско-городской миграции в Крыму? Потому что после 2014 года регион стал одним из главных получателей трансфертов из федерального бюджета, и значительная часть этих средств была направлена на развитие сельской местности (реконструкцию и восстановление инфраструктуры, поддержку сельхозпроизводителей, местных сообществ и пр.). Однако финансовые вложения незначительно изменили характер сельско-городской миграции, поскольку при распределении финансирования необходимо учитывать факторы и тенденции миграции и просчитывать сценарии социально-экономического развития территорий. Безусловно, следует избегать советской ошибки — выделения «неперспективных деревень», но понимать перспективы населенных пунктов необходимо. Лозунг «Дом культуры — в каждое село!», озвученный властями одного сельского района Крыма, вряд ли сможет сегодня удержать селян.

Миграции сельского населения на Западе перестают быть актуальной темой по причине снижения ее влияния на социально-экономическое развитие стран и регионов. Зарубежных ученых сегодня интересуют не общие показатели миграции, а отдельные ее аспекты, например, старение населения периферийных районов за счет оттока молодежи в крупные города [25; 28] и притока пожилых людей [29], влияние миграционных процессов на социально-экономическое состояние сельской местности [27]. Как правило, исследования основываются на доступных и детальнейших статистических данных о механическом движении населения, тогда как ограниченная советская статистика затрудняла оценку сельско-городских переселений, несмотря на их стремительное развитие [12] и прямое влияние на выполнение плановых показателей колхозами. После 1991 года российские исследователи сосредоточили внимание на пространственной неоднородности [17] сельско-городской миграции как естественной для больших по площади государств с этнически неоднородным населением — переселении сельских жителей в крупные города и пригороды [3] и маятниковых миграциях [14; 15]. Сельско-городские миграции в Крыму выпали из поля зрения и украинских, и российских исследователей.

Выводы статьи основаны на базе данных показателей муниципальных образований, формируемой Федеральной службой государственной статистики (Росстат). Эти данные позволили оценить урбанизированность полуострова, но не в полной мере, поскольку сельские населенные пункты располагаются не только в муниципальных районах, но и в городских округах. Городские муниципалитеты легко вычленишь из статистики муниципальных районов, но городские округа представляют собой либо город, либо нескольких городских (например, Ялта и Алушка) или сельских населенных пунктов, поэтому городские округа были рассмотрены как городская местность. Также в исследовании

были использованы материалы полевых исследований сельских сообществ и агропромышленного комплекса в сельских районах Крыма в 2017–2019 годы (Красногвардейский и Симферопольский муниципальные районы).

Ретроспектива сельско-городских миграций населения Крыма

Миграционная активность зависит от уровня социально-экономического неравенства между территориями полуострова. До 1920-х годов пространственные различия развития не были столь существенны: в сельских уездах развивалось традиционное сельское хозяйство, в городах — ремесленные промыслы, мелкое промышленное производство, при соленых озерах — разработки соли. После установления советской власти на местах кустарных промыслов были созданы крупные промышленные предприятия (Камыш-Бунский горно-обогатительный железорудный комбинат им. С. Орджоникидзе, Перекопский промышленный узел) и новые города (Саки, Армянск, Красноперекопск). Позднее в припортовых зонах и Симферополе были построены более технологичные производства. Индустриализация полуострова повлекла миграцию сельских жителей в города.

В сельской местности также произошли резкие изменения: коллективизация и строительство обводнительно-оросительной системы позволила диверсифицировать сельскохозяйственное производство, в том числе в засушливых районах северного и восточного Крыма (например, исчезло хлопководство и появилось рисоводство) [2]. Но расширение хозяйств и высокий уровень заработной платы колхозников все равно были не соизмеримы с тяжелыми условиями труда, что способствовало вымыванию из сельской местности молодежи и квалифицированных специалистов и формированию прослойки мажоритарных мигрантов.

После перехода к рыночной экономике большинство колхозов обанкротились и исчезли, что привело к резкому росту безработицы и неформальной экономики, пауперизации сельских жителей, деградации инфраструктуры. В городах ситуация была более благоприятной: сохранилось большинство промышленных предприятий и разрасталась теневая экономика (торговля, услуги, туризм). Бегства сельских жителей в города не случилось, поскольку в сельской местности было легче выжить, например, перепрофилировавшись из бюджетника в животноводство (2). На протяжении 1990-х годов сельская местность подпитывалась за счет репатриации крымских татар, развернутой в последние годы существования Советского Союза. В результате в начале XXI века хозяйства населения стали абсолютными лидерами по производству сельхозпродукции.

Современное сельское хозяйство уже не зависит всецело ни от сельской местности, ни от сельского жителя. Изменение сельского уклада, появление возможности получения большего дохода при меньших трудозатратах в городской сфере услуг, создание крупных агропромышленных компаний в конце 2000-х годов обусловили постепенное сокращение производства

домашней экономики [7]. Если в растениеводстве сельхозпредприятия быстро вышли в лидеры, то в животноводстве хозяйства населения все еще доминируют, что связано, прежде всего, с этническими особенностями полуострова — животноводство сконцентрировано в традиционных личных подсобных хозяйствах крымских татар, а представители других этносов все чаще предпочитают работу в ближайшем поселке городского типа или городе с развитой сферой услуг. Однако и крымскотатарская молодежь все реже соглашается продолжить «дело отца» и уезжает в более крупные населенные пункты или город [8].

Транспортный фактор в миграциях населения

Исследователи современных миграционных трендов на Крымском полуострове [1; 13; 16] редко рассматривают пространственные особенности миграции внутри региона. Интеграционные (в Россию) и дезинтеграционные (из Украины) процессы изменили характер социально-экономического развития региона. Установление пограничного контроля между Крымом и Херсонской областью и завершение строительства автомобильно-железнодорожного перехода между Крымом и Кубанью снизили проницаемость границ региона с Украиной и повысили — с российскими регионами, что изменило миграционную систему, в которой с 1991 года существовал полуостров. Районы северного Крыма (городские округа Армянск и Джанкой, Красноперекопский и Джанкойский районы) из зон межрегионального транзита и полупериферии стремительно стали глубокой периферией, а прежде депрессивный восточный Крым (Ленинский район, городской округ Керчь) стал транспортным хабом, связывающим Крым с внешним миром (аналогичные процессы характерны для Краснодарского края). Трансформация миграционных потоков забрала ряд функций и снизила привлекательность локальных центров, но не всех. Так, если транзитный статус Джанкоя, ранее расположенного на основном оживленном ходе Приднепровской железной дороги (3), практически полностью перешел к Керчи, то Армянск и Красноперекопск, находящиеся на малодетальном неэлектрифицированном участке, сохранили свою миграционную привлекательность.

Рассмотрим интенсивность пассажирского железнодорожного сообщения через главные транспортные узлы, на которые приходился практически весь межрегиональный трафик (на Украине железнодорожный транспорт остается ключевым видом для мигрантов в силу дешевизны, стабильности и возможности избежать оплаты (4)). В начале 2014 года через Джанкой проходило более 50 пар пассажирских и грузовых поездов дальнего следования, 3 пары пригородных поездов межрегионального сообщения и 2 пары согласованных пригородных поездов в сторону Херсонской области в сутки. Через Армянск проходило до 10 пар пассажирских и грузовых поездов дальнего следования, 1 пара межрегиональных поездов и 2 пары согласованных пригородных поездов до Херсона. Керчь была окончанием тупиковой

железнодорожной линии, по которой следовали 3 пары пригородных поездов, 1 пара межрегионального поезда и 1 пара регионального поезда (пассажирских поездов дальнего следования не было), а связь с Краснодарским краем осуществлялась через «малодеятельную» паромную переправу.

К началу 2021 года ситуация радикально изменилась: значение железнодорожного транспорта постепенно уменьшается из-за периода тотальных отмен пригородных поездов 2015 года во время «энергетической блокады Крыма», закрытия железнодорожного сообщения с Украиной, активного развития сети автостанций и автобусных маршрутов. Джанкой сохранил статус лишь локального центра, лишившись межрегионального транзита, — через город проходят более 10 пар пригородных поездов, развивается автобусное сообщение с городами Украины (около 3–4 пар в сутки) и неформальные транспортные услуги. Армянск стал конечным пунктом железнодорожных маршрутов из Джанкоя и Феодосии (3 пары), но обрел статус связывающего звена между Крымом и Украиной из-за близости к границе с Херсонской областью, существует автобусное сообщение с Херсоном (2 пары). Потерянные Армянском и Джанкоем функции легли на Керчь после открытия Крымского моста: через город проходит более 5 пар поездов дальнего следования, 7 пар пригородных поездов и более 10 пар автобусных маршрутов.

Основной приток ежедневных мигрантов приходится на столицу Крыма — Симферополь — с постоянно функционирующей сферой услуг. В 2007 году на трех утренних электропоездах со стороны Джанкоя и двух электропоездах со стороны Бахчисарая ежедневно приезжало около 6 тысяч человек, в 2014 — около 4 тысяч, в 2021 — только 3 (5). Но снижение объема мигрантов не свидетельствует о затухании маятниковой миграции — причина в активном развитии пригородного автобусного сообщения и снижении скорости электропоездов из-за изношенности железнодорожной инфраструктуры и мероприятий по ее реконструкции. В 2010-е годы основной поток маятниковой миграции пользовался междугородним и пригородным автобусным транспортом. По оценкам властей, за счет маятниковой миграции население городского округа Симферополь увеличивается в будние дни в 2–2,5 раза — с 362 до 600–650 тысяч человек, поскольку Симферополь — основное место работы для жителей соседних сельских районов (Симферопольского, Белогорского, Бахчисарайского, Красногвардейского) в будние дни, а в выходные же он выполняет сервисные функции [22].

Изменение векторов основных транспортных маршрутов ускорило трансформацию внешних и внутренних направлений миграции. Конечно, миграционную ситуацию в районах определяют природные, экономические, социальные, этнические и другие факторы, но постоянные транспортные связи вносят в нее важную лепту. Например, сокращение длительности поездки на железнодорожном транспорте после реконструкции инфраструктуры увеличивают интенсивность маятниковых миграций и усиливают связи города с окружающими сельскими территориями.

Другие факторы миграционных перемещений

Стабильное транспортное сообщение сельских территорий и городов — лишь один из факторов маятниковой (трудо­вой/учебной) миграции. Другими факторами выступают дефицит рабочих мест в сельской местности и ее профицит в городах, изменение сельского уклада, повлекшее сокращение аграрного производства в домохозяйствах, невозможность реализации молодежью своего потенциала на селе. Маятниковая миграция возникла не в 1990-е годы, а еще в советский период — вследствие тяжелых условий труда в колхозах и низкого уровня заработной платы. Колхозная номенклатура пыталась препятствовать оттоку рабочей силы, но «бесплатная» жилая площадь, «доплаты» и премии не могли удержать молодое образованное население в сельской местности.

В 1990-е годы, напротив, наметилось свертывание маятниковой миграции в условиях социально-экономического кризиса в Украине. Безработица захлестнула не только сельскую местность, но и города: сельские жители, ранее работавшие в колхозах, и маятниковые мигранты, потерявшие работу в результате банкротства государственных предприятий и сокращений в городах, перешли в неформальное сельское хозяйство и торговлю. В первое постсоветское десятилетие миграционная мобильность резко снизилась. Сельско-городские миграции не прекратились, но все чаще сельские жители покидали свой населенный пункт лишь для решения бытовых проблем. На это влияла и пауперизация селян, и сокращение пригородного автобусного и железнодорожного сообщения, и низкий уровень автомобилизации, и работа в сельском хозяйстве, требующая ежедневной полной занятости, и рост уровня бедности в городах. Особой группой, пополняющей сельское население в 1990-е годы, были репатрианты, которым земельные участки под индивидуальное строительство предоставлялись чаще в сельских населенных пунктах. Недовольство репатриантов этим фактом породило «поляны протеста» в пригородной зоне Симферополя [30]. Все эти обстоятельства способствовали росту доли селян в населении Крыма на протяжении 1990-х годов (Рис. 1) — рурализация была характерна и для других регионов Украины и России («*в селе выжить было легче*»). Хозяйства сельского населения стали основным поставщиком сельхозпродукции.

Однако уже в 2000-х годах миграционный тренд изменился: социально-экономическая ситуация стабилизировалась, в городах начал развиваться третичный сектор, требующий большое количество неквалифицированной дешевой рабочей силы. Сельские жители осознали возможность избавиться от рискованного аграрного бремени и стали переезжать в города. Сначала тренд коснулся пригородных зон, но в конце 2000-х годов распространился и на полупериферийные районы. Резкой миграционной убыли в селах не произошло, потому что у селян не было средств для покупки недвижимости и переезда в город. Однако произошел закономерный слом сельского сознания — при первой же возможности население отказывалось от вынужденного выбора «без выбора» 1990-х годов, т.е. от ведения личного подсобного хозяйства, что прослеживается в динамике сельскохозяйственного производства (особенно

животноводства), где в 2000-е годы началось постепенное сокращение доли хозяйств населения, продолжающееся до сих пор.

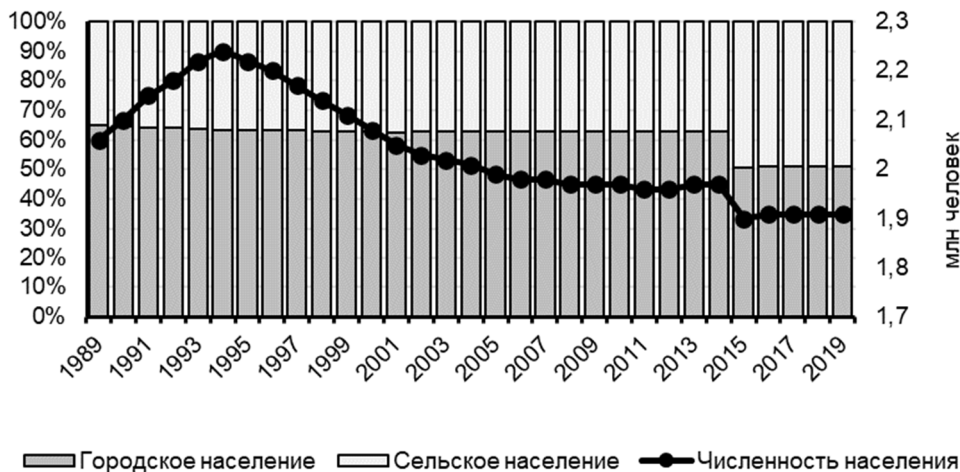

Рис. 1. Соотношение сельского и городского населения Крыма (6)

Поскольку основным миграционным аттрактором стали городские округа Крыма, рассмотрим динамику структуры прибывающих в города мигрантов. В последние годы доля мигрантов, переезжающих в города, уменьшается (Рис. 2) за счет сокращения численности мигрантов трудоспособного возраста при медленно возрастающей доле несовершеннолетних и людей преклонного возраста.

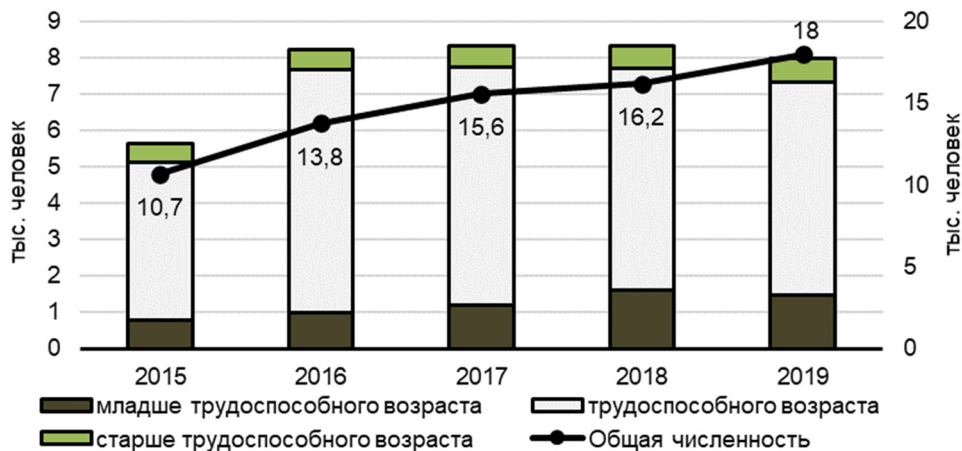

Рис. 2. Возрастная структура прибывшего местного населения в городские округа Крым (слева) и общая численность прибывших (справа) (2015–2019) (7)

Подобная ситуация может быть объяснена восстановлением социальной и транспортной инфраструктуры, предпринимательской активностью в сельской местности и поддержкой местных товаропроизводителей, которые создают дополнительные рабочие места в депрессивных периферийных

районах (в первую очередь — степной зоны). Но насколько долгосрочной будет подобная ситуация — неизвестно, и заверения региональной власти о том, что урбанизация остановилась (8), вряд ли окажется окончательным уже в скором времени. Подводить черту под современной миграционной ситуацией региона преждевременно. Миграционные тренды внутри Крымского полуострова еще неустойчивы, поскольку он только встраивается в общероссийскую миграционную систему (Табл. 1). Хотя некоторые группы населения, например, крымские татары, пока миграционно скованны и не готовы к этому. Совсем недавний запуск Крымского автомобильно-железнодорожного моста только начинает вносить свои коррективы в миграционную ситуацию.

Таблица 1

Коэффициент миграционного прироста в муниципальных образованиях Крыма, 2014–2019 (7)

Муниципальные образования	Коэффициент миграционного прироста (чел. на 10 тыс. жителей в год)						
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Среднее
г.о. Симферополь	48,1	120,2	159,4	39,1	-2,5	21,9	64,4
г.о. Алушта	131,9	251,5	116	150,5	114,1	150,5	152,4
г.о. Армянск	77	14,3	18,8	-41,4	-50,9	-12,1	0,9
г.о. Джанкой	87,3	134,7	-1,5	62,8	-13,4	-19,5	41,7
г.о. Евпатория	141,1	37,6	29,3	91,2	114	86,9	83,4
г.о. Керчь	158,5	149,1	121,7	130,8	98,5	110,6	128,2
г.о. Красноперекоск	81,1	-42,9	-84,9	-63,6	-54,6	-37,7	-33,8
г.о. Саки	113,3	29,4	-38,1	28,1	44,8	59,9	39,6
г.о. Судак	215,6	10,5	53,1	48,7	22,9	-61,2	48,2
г.о. Феодосия	121,5	37,7	27,7	75,7	79	73,6	69,2
г.о. Ялта	167,3	239,8	190,7	72,6	62,4	42,3	129,2
Бахчисарайский район	26,5	-27,2	-47,3	-78,3	-68,5	74,7	-20
Белогорский район	26	22,8	23,5	11,4	-0,7	32,9	19,3
Джанкойский район	45,6	-68	-105,2	-79,3	-67,3	-36,9	-51,8
Кировский район	70,8	73,4	-21,7	68,1	62,2	49,5	50,4
Красногвардейский район	64,5	153,7	45,3	6,1	-24	-3,3	40,4
Красноперекоский район	38,4	-39,9	-77,6	-84,9	-31,2	-40,3	-39,2
Ленинский район	25,8	-51,1	-76,1	-60,5	-41,2	-22,1	-37,5
Нижегорский район	29,5	10,9	-11,3	-70,4	-34,5	43	-5,5
Первомайский район	39,6	-58,1	-88,8	-102,3	-123,4	-73,7	-67,8
Раздольненский район	100,9	47,2	-14,3	-9,5	-26,3	-38,5	9,9
Сакский район	85,4	1	-23,7	63,5	47,2	123,9	49,5
Симферопольский район	87,7	213,8	140,4	151,5	80,4	92,8	127,8
Советский район	50,8	-14,1	-75,9	-34,1	-28,5	-32,2	-22,3
Черноморский район	74,8	12,1	-53	85,5	59,8	83,4	43,8

Хотя нас интересуют исключительно перемещения внутри полуострова, следует кратко охарактеризовать и внешние миграции, где на рубеже XX–XXI веков произошли перемены, сделавшие их менее значимыми для социально-экономического развития полуострова. С момента появления первых статистических сведений о населении внешние миграции оказывали существенное влияние на социально-экономическую ситуацию, хотя так было и до 1783 года, но до этого момента нельзя было точно оценить масштабы миграций и силу их воздействия на экономику и социальные процессы [9]. Начиная с 2000-х годов внутренние перемещения стали более масштабными и значимыми, а внешние миграции важны на локальном уровне — подпитывают постепенно теряющую население сельскую местность (Рис. 3). Например, Крымский полуостров теснит соседний Краснодарский край в перечне регионов-лидеров, куда стремится переехать пожилое население из северных регионов после выхода на пенсию. Приток мигрантов наблюдается и в перенасыщенные приморские районы, и в степные поселки городского типа с необходимой инфраструктурой (здравоохранение, образование, магазины и пр.).

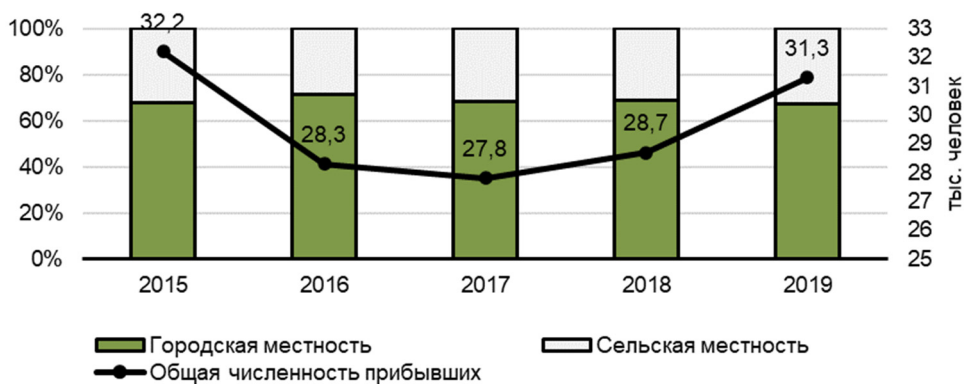

Рис. 3. Численность прибывших разных категорий (тыс. чел.) (6)

Классификация территорий по характеру миграции населения

Социально-экономическая неоднородность территорий определяет миграционные различия: активно развивающиеся населенные пункты перетягивают население из окружающей периферии и полупериферии, которые теряют своих жителей. Однако на Крымском полуострове не все города — аттракторы и не все сельские районы — зоны миграционного оттока. Можно разделить крымские муниципалитеты на четыре типа по миграционным тенденциям (на основе данных за 2014–2019 годы): районы миграционного голода, районы миграционной стабильности, районы миграционного насыщения и миграционные аттракторы (Табл. 2).

Сельские аграрные районы — основные миграционные доноры для экономически развитых муниципалитетов — относятся к *первому типу* (нет миграционного прироста). Эти районы расположены в степной зоне с засушливым климатом, страдают от дефицита воды не только для хозяйственных, но

и для бытовых целей. Их основная хозяйственная специализация — традиционное для черноземной зоны растениеводство и молочное животноводство. Закрытие подачи воды по главной водной артерии полуострова — Северо-Крымскому обводнительно-мелиоративному каналу — заставило пересмотреть хозяйственную специализацию целых районов и личных подсобных хозяйств. Последние внесли значительный вклад в миграционную убыль, поскольку огородничество для многих домохозяйств было основным источником дохода. Кроме сельской периферии к данному типу относятся депрессивные старопромышленные города (Краснопереконский промышленный узел [23]) с относительно высоким уровнем безработицы, расположенные на севере Крыма.

Таблица 2

Классификация муниципальных образований Крыма по миграционному приросту (убыли) населения (б)

Тип	Миграционный прирост в год, чел. на 10 000 жителей	Муниципальные образования	Особенности социально-экономического развития
Районы миграционного голода	-62	Первомайский, Джанкойский, Ленинский, Краснопереконский, Бахчисарайский, Краснопереконск, Армянск, Советский, Нижегородский	Старые аграрные районы с низкопродуктивным земельным фондом и аграрным перенаселением, старопромышленные города
Районы миграционной стабильности	28,4	Белогорский, Раздольненский, Сакский, Саки, Черноморский	Районы трансформации хозяйственной специализации (с аграрной на аграрно-рекреационную)
Районы миграционного насыщения	60,2	Красногвардейский, Кировский, Джанкой, Феодосия, Судак, Симферополь, Евпатория	Районы транспортного транзита, города с развивающейся сферой услуг
Миграционные аттракторы	140,1	Керчь, Симферопольский, Ялта, Алушта	Приморские районы с развитой сферой услуг и развивающимся строительным сектором, районы миграционного обмена

Ко *второму типу* относятся приморские и предгорные районы, в которых наблюдается миграционная стабильность — миграции почти не влияют на динамику численности населения (миграционный прирост — от 0 до 50 человек на 10 тысяч населения в год). Сегодня эти районы переживают изменения хозяйственной специализации — к традиционной аграрной добавляется рекреационная, что обусловлено стагнацией аграрного производства и изменением образа жизни сельского населения. В группу *районов миграционного насыщения* входят средние по численности города с развивающейся сферой услуг, транзитные транспортные узлы и примыкающие к ним аграрные районы. *Миграционные аттракторы* — муниципалитеты Южного берега Крыма (привлекательны и для жителей из других регионов), части Симферопольской

агломерации, прилегающие к Симферополю, но с более низкими ценами на жилье, и Керчь — главное связующее звено полуострова с другими регионами России.

Приведенная классификация несколько условна, потому что миграционная ситуация в районах Крыма неустойчива, как и, например, в депрессивных районах Нечерноземья, и уже наметился тренд на увеличение дистанции между районами-реципиентами и районами-донорами.

***

Изменение страновой принадлежности Крымского полуострова привело к закономерному изменению миграционной ситуации: северные районы, ранее служившие зоной транзита и предоставлявшие сервисные услуги, постепенно превращаются в депрессивные «медвежьи углы» с преимущественно сельскохозяйственной специализацией, поскольку функции транзита перешли к прежде депрессивному и депопулирующему Восточному Крыму, что может стать в будущем драйвером его развития. Миграционная ситуация постепенно стабилизируется: вследствие нарастания различий социально-экономического развития формируется периферия, теряющая население, и центры, в которые оно перемещается (Рис. 4), причем до 2014 года процесс нарастания центр-периферийных различий не был столь выраженным.

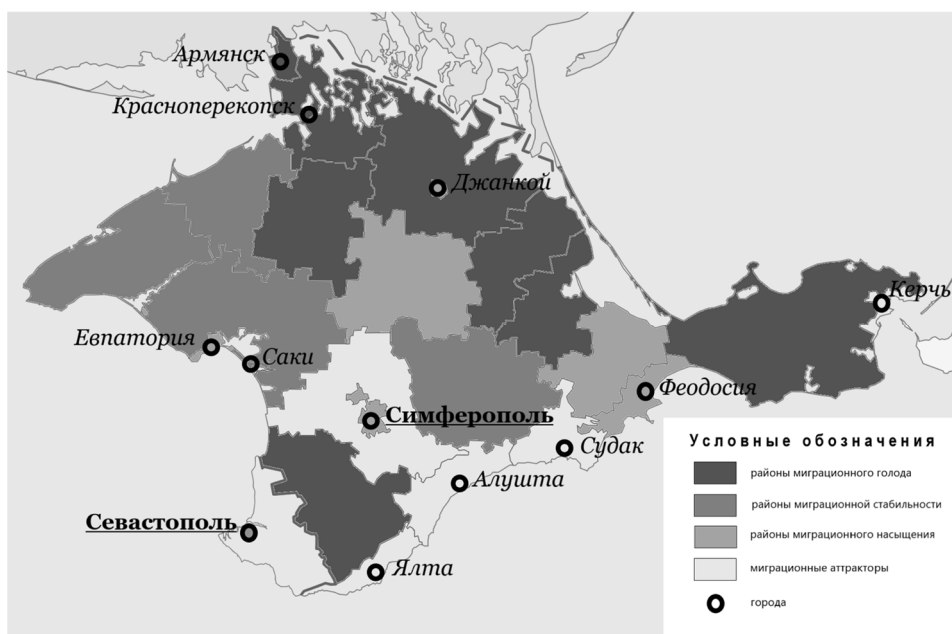

Рис. 4. Муниципальные образования Крыма по миграционному приросту/убыли населения (6)

Главным типом миграционного движения населения являются ежедневные маятниковые миграции: дефицит предложений на рынке труда в сельской местности заставляет население ежедневно приезжать в города для работы и

получения образования. Главным фактором, стимулирующим раскачивание маятника миграций, служит развитие и стабильное функционирование системы общественного транспорта (автобусного, железнодорожного и морского — в Севастополе). Значение внешних миграций в жизни Крыма постепенно снижается, несмотря на медленный рост числа мигрантов из регионов России и Украины, которые равномерно распределяются по территории полуострова.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Примечания

- (1) Составлено автором по материалам печати.
- (2) С 1996 до начала 2000 года в сфере образования и здравоохранения заработная плата выплачивалась в натуральной форме (продукцией государственных предприятий — сахар, крупы, бытовая техника, мебель и другие товары), а, развивая собственное хозяйство, можно было получить наличные деньги.
- (3) Региональный филиал АО «Украинская железная дорога», в который до 2014 года входили железные дороги Крымского полуострова.
- (4) Маятниковые миграции в Крыму не изучались до 2014 года. В таких исследованиях будет необходимо учесть, что для перемещений маятниковые мигранты использовали не только пригородные поезда, но и поезда дальнего следования (Симферополь — Луганск, Симферополь — Одесса) по договоренности с проводниками, без билета.
- (5) По оценкам автора.
- (6) Составлено автором по данным статистики. Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели — 2020 // URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm; Населения Украины // URL: http://database.ukrcensus.gov.ua/MULT/Dialog/statfile_c.asp.
- (7) Составлено автором по материалам Росстата // URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst35/DBInet.cgi>.
- (8) Урбанизация в Крыму остановилась — глава Госсовета // URL: <https://regnum.ru/news/2269378.html>.
- (9) Внешние по отношению к Крымскому полуострову.

Библиографический список

- [1] *Абылкаликов С.И., Сушко П.Е.* Роль миграции в формировании населения Крыма // Региональные исследования. 2017. № 2.
- [2] *Багрова Л.А., Боков В.А., Багров Н.В.* География Крыма. К., 2001.
- [3] *Бреславский А.С.* Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период / Науч. ред. М.Н. Балдано. Улан-Удэ, 2014.
- [4] *Вежен С., Троцук И.В.* Парадоксы развития личного подсобного хозяйства в современной России // Крестьяноведение. 2019. Т. 4. № 4.
- [5] *Вежен С., Троцук И.В.* Устойчиво ли промышленное сельское хозяйство в условиях климатических изменений и экологических угроз? // Экономическая социология. 2020. Т. 21. № 5.
- [6] *Григоричев К.В.* Субрегиональные миграции и формирование пригорода сибирского города // Мир большого Алтая. 2017. № 1.
- [7] *Гусаков Т.Ю.* Сельская неформальная экономика крымского села Новоалексеевка // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 4.

- [8] Гусаков Т.Ю. Современные особенности образа жизни и подвижности крымскотатарского населения в степной зоне Республики Крым // Теоретические и прикладные проблемы географической науки: демографический, социальный, правовой, экономический и экологический аспекты. Т. 1. Воронеж, 2019.
- [9] Гусаков Т.Ю. Этнические миграции на Крымском полуострове (1783–2014 гг.) // Географический вестник. 2019. № 4.
- [10] Денисов Е.А. Миграционные процессы в городах российского Севера в 1990–2010-е годы // Региональные исследования. 2017. № 2.
- [11] Емельянова Н.В., Серебренников Е.Н. Социально-демографическая оценка качества жизни населения Иркутской агломерации // Вестник ЗГУ. 2016. Т. 22. № 6.
- [12] Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М., 1991.
- [13] Мамина Д.А., Мищенко Д.Н. Этнополитические факторы внутренней миграции в Республике Крым // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 4.
- [14] Махрова А.Г., Бабкин Р.А. Анализ пульсаций системы расселения Московской агломерации с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. 2018. № 2.
- [15] Между домом и ...домом. Возрастная пространственная мобильность населения России / Под ред. Нефедовой Т.Г., Аверкиевой К.В., Махровой А.Г. М., 2016.
- [16] Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крымском федеральном округе: экспертный доклад 2015 г. Симферополь, 2016.
- [17] Мкртчян Н.В. Миграция в сельской местности России: территориальные различия // Население и экономика. 2019. № 3.
- [18] Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М., 2013.
- [19] Петров В.П. К вопросу о миграционном потенциале крымских татар и перспективах репатриации // Ученые записки ТНУ. 1999. № 11.
- [20] Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М., 2003.
- [21] Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / Отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск, 2013.
- [22] Стратегия социально-экономического развития муниципального образования «городской округ Симферополь» Республики Крым на период до 2030 года // URL: <https://vk.cc/c0Umdq>.
- [23] Тарасова Н.В. Экономические и экологические проблемы развития Красноперекопского промышленного узла. Формирование и развитие территориально-производственных комплексов. Киев, 1984.
- [24] Трейвиш А.И. Сельско-городской континуум: судьба представления и его связь с пространственной мобильностью населения // Демографическое обозрение. 2016. № 1.
- [25] Johansson M. Young women and rural exodus — Swedish experiences // Journal of Rural Studies. 2016. Vol. 43. No. 1.
- [26] Nikulin A.M., Trotsuk I.V. Utopian visions of contemporary rural-urban Russia // Third World Thematics: A TWQ Journal. 2017. Vol. 1. No. 5.
- [27] Rowles G.D., Watkins J.F. Elderly migration and development in small communities // Growth and Change. 1993. Vol. 24. No. 4.
- [28] Smith D.P., Rérat P., Sage J. Youth migration and spaces of education // Children's Geographies. 2014. Vol. 12. No. 1.
- [29] Stockdale A., MacLeod M. Pre-retirement age migration to remote rural areas // Journal of Rural Studies. 2013. Vol. 32.
- [30] Uehling G.L. Beyond Memory: The Crimean Tatars' Deportation and Return. Palgrave, 2004.
- [31] Wegren S., Nikulin A., Trotsuk I. Russian agriculture during Putin's fourth term: A SWOT analysis // Post-Communist Economies. 2019. Vol. 31. No. 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-279-295

Rural-urban migration on the Crimean Peninsula*

T.Yu. Gusakov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia
(e-mail: gusakov-ty@ranepa.ru)

Abstract. Despite the wide popularity of the Crimean region, its scientific descriptions are full of gaps. In the Soviet period, the research was limited by the unspoken prohibitions on the study of social processes and by the absence of a strong scientific school. After the collapse of the USSR, the Crimean region was considered only in the works on social aspects of migration and on artificial transformations of the ethnic-confessional composition of the population. The change in the status of the Crimean Peninsula in 2014 made this region interesting for the Russian science: there are many recent articles on the features of the social-economic development of the peninsula, but a number of issues in the life of Crimea are still poorly understood. One of them is the migration on the peninsula: the historical ethnic migrations are sufficiently described but not the contemporary population movements. Historically, migration processes have played an important role in the social-economic development of Crimea. However, until recently, external migrations were the driver of this development, while since the beginning of the 21st century, migration movements within the peninsula have played this role, and their features should be taken into account in planning and financing the rural development. Rural areas of Crimea remain agrarian-overpopulated; therefore, it is necessary to identify areas promising for capital investment and areas that soon will be depopulated due to the lack of opportunities for human and social capital. The author considers the population exchange between urban and rural areas as an important factor for the demographic situation, and focuses on the reasons and features of the spatial mobility and migration of the Crimean population based on the analysis of statistical data and transport links between the city and the countryside.

Key words: social geography; rural geography; rural areas; population migration; rural-urban migration; urbanization; rural-urban continuum

Funding

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

References

- [1] Abylkalikov S.I., Sushko P.E. Rol migratsii v formirovanii naseleniya Kryma [The role of migration in the formation of the population of Crimea]. *Regionalnye Issledovaniya*. 2017; 2. (In Russ.).
- [2] Bagrova L.A., Bokov V.A., Bagrov N.V. *Geografiya Kryma* [Geography of Crimea]. Kiev; 2001. (In Russ.).
- [3] Breslavsky A.S. *Nezaplanirovannye prigorody: selsko-gorodskaya migratsiya i rost Ulan-Ude v postsovetsky period* [Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude in the Post-Soviet Period]. Nauch. red. M.N. Baldano. Ulan-Ude; 2014. (In Russ.).
- [4] Wegren S., Trotsuk I.V. Paradoksy razvitiya lichnogo podsobnogo khozyaystva v sovremennoy Rossii [The paradoxes of smallholders in contemporary Russia]. *Russian Peasant Studies*. 2019; 4 (4). (In Russ.).

---

* © T.Yu. Gusakov, 2021

The article was submitted on 22.02.2021. The article was accepted on 02.04.2021.

- [5] Wegren S., Trotsuk I.V. Ustoychivo li promyshlennoe selskoe khozyaystvo v usloviyakh klimaticheskikh izmeneniy i ekologicheskikh ugroz? [Is industrial agriculture sustainable during climate change and ecological threats?]. *Economic Sociology*. 2020; 21 (5). (In Russ.).
- [6] Grigorichev K.V. Subregionalnye migratsii i formirovanie prigoroda sibirskogo goroda [Subregional migrations and the formation of a Siberian city's suburb]. *Mir Bolshogo Altaya*. 2017; 1 (3). (In Russ.).
- [7] Gusakov T. Selskaya neformalnaya ekonomika krymskogo sela Novoalekseevka [Rural informal economy of the Crimean village Novoalekseevka]. *Russian Peasant Studies*. 2017; 2 (4). (In Russ.).
- [8] Gusakov T. Sovremennye osobennosti obraza zhizni i podvizhnosti krymskotatarskogo naseleniya v stepnoy zone Respubliki Krym [Contemporary features of the lifestyle and mobility of the Crimean-Tatar population in the steppe area of the Republic of Crimea]. *Teoreticheskie i prikladnye problemy geograficheskoy nauki: demografichesky, sotsialny, pravovoy, ekonomicheskyy i ekologicheskyy aspekty*. Vol. 1. Voronezh; 2019. (In Russ.).
- [9] Gusakov T. Etnicheskiye migratsii na Krymskom poluostruve (1783–2014 gg.) [Ethnic migrations on the Crimean Peninsula (1783–2014)]. *Geographical Bulletin*. 2019; 4. (In Russ.).
- [10] Denisov E.A. Migratsionnye protsessy v gorodakh rossiyskogo Severa v 1990–2010-e gody [Migration processes in the cities of the Russian North in the 1990–2000s]. *Regionalnye Issledovaniya*. 2017; 2. (In Russ.).
- [11] Emelyanova N., Serebrennikov E. Sotsialno-demograficheskaya otsenka kachestva zhizni naseleniya Irkutskoy aglomeratsii [The social-demographic assessment of the life quality in the Irkutsk agglomeration]. *Vestnik ZGU*. 2016; 22 (6). (In Russ.).
- [12] Zayonchkovskaya Zh.A. *Demograficheskaya situatsiya i rasselenie* [Demographic Situation and Settlement]. Moscow; 1991. (In Russ.).
- [13] Mamina D.A., Mishchenko D.N. Etnopoliticheskie faktory vnutrenney migratsii v Respublike Krym [Ethnic-political factors of internal migration in the Republic of Crimea]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*. 2020; 9 (4). (In Russ.).
- [14] Makhrova A.G., Babkin R.A. Analiz pulsatsiy sistemy rasseleniya Moskovskoy aglomeratsii s ispolzovaniyem dannykh sotovykh operatorov [Analysis of settlement pulsations in the Moscow agglomeration based on the mobile operators' data]. *Regionalnye Issledovaniya*. 2018; 2. (In Russ.).
- [15] *Mezdu domom i ...domom. Vozrasnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii* [Between Home and ...Home. Age Spatial Mobility of the Russian Population]. Pod. red. T.G. Nefedovoy, K.V. Averkievoy, A.G. Makhrovoy. Moscow; 2016. (In Russ.).
- [16] *Mezhetnicheskije otnosheniya i religioznaya situatsiya v Krymskom federalnom okruge* [Inter-Ethnic Relations and Religious Situation in the Crimean Federal District. 2015]. Simferopol; 2016. (In Russ.).
- [17] Mkrtchyan N.V. Migratsiya v selskoy mestnosti Rossii: territorialnye razlichiya [Migration in rural areas of Russia: Territorial differences]. *Naselenie i Ekonomika*. 2019; 3. (In Russ.).
- [18] Nefedova T.G. *Desyat actualnykh voprosov o selskoy Rossii: otvety geografa* [Ten Actual Questions about Rural Russia: Answers of a Geographer]. Moscow; 2013. (In Russ.).
- [19] Petrov V.P. K voprosu o migratsionnom potentsiale krymskikh tatar i perspektivakh repatriatsii [On the migration potential of the Crimean Tatars and the prospects for repatriation]. *Uchyonye Zapiski TNU*. 1999; 11. (In Russ.).
- [20] Rybakovsky L.L. *Migratsiya naseleniya (voprosy teorii)* [Population Migration (Theoretical Issues)]. Moscow; 2003. (In Russ.).
- [21] *Sotsialno-ekonomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy* [Social-Economic Geography: Concepts and Terms]. Slovar-spravochnik. Otv. red A.P. Gorkin. Smolensk; 2013. (In Russ.).
- [22] *Strategiya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya munitsipalnogo obrazovaniya "gorodskoy okrug Simferopol" Respubliki Krym na period do 2030 goda* [Strategy of the Social-

- Economic Development of the Municipality of the Urban District of Simferopol of the Republic of Crimea for the period up to 2030]. URL: <https://vk.cc/c0Umdq>. (In Russ.).
- [23] Tarasova N.V. *Economicheskie i ekologicheskie problemy Krasnoperekopskogo promyshlennogo uzla. Formirovanie i razvitie territorialno-proizvodstvennyh kompleksov* [Economic and Environmental Problems of the Krasnoperekopsky Industrial Hub. Formation and Development of the Territorial-Production Complexes]. Kiev; 1984. (In Russ.).
- [24] Treivish A. Selsko-gorodskoy kontinuum: sudba predstavleniya i ego svyaz s prostranstvennoy mobilnostiyu naseleniya [The rural-urban continuum: Destiny of the notion and its link to the spatial mobility of population]. *Demographic Review*. 2016; 1. (In Russ.).
- [25] Johansson M. Young women and rural exodus — Swedish experiences. *Journal of Rural Studies*. 2016; 43 (1).
- [26] Nikulin A.M., Trotsuk I.V. Utopian visions of contemporary rural-urban Russia. *Third World Thematics: A TWQ Journal*. 2017; 1 (5).
- [27] Rowles G.D., Watkins J.F. Elderly migration and development in small communities. *Growth and Change*. 1993; 24 (4).
- [28] Smith D.P., Rérat P., Sage J. Youth migration and spaces of education. *Children's Geographies*. 2014; 12 (1).
- [29] Stockdale A., MacLeod M. Pre-retirement age migration to remote rural areas. *Journal of Rural Studies*. 2013; 32.
- [30] Uehling G.L. *Beyond Memory: The Crimean Tatars' Deportation and Return*. Palgrave; 2004.
- [31] Wegren S., Nikulin A., Trotsuk I. Russian agriculture during Putin's fourth term: A SWOT analysis. *Post-Communist Economies*. 2019; 31 (4).

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-296-310

Новые селяне: мотивы и факторы переселения из города в сельскую местность*

Л.А. Овчинцева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия
(e-mail: lovchintseva@ranepa.ru)

Аннотация. В развитых странах наряду с урбанизацией все более заметным становится противоположный процесс — рурализация, или дезурбанизация. Рурализация — это не только переезд горожан в сельскую местность, но и развитие сел, повышение значения сельской местности как места для жизни и работы. Решение о переезде горожане принимают, сопоставляя преимущества и недостатки жизни в городской и сельской местности, причем нематериальные мотивы (желание приблизиться к природе, найти свои корни, жить в тишине, без спешки, питаться натуральными продуктами и др.) играют важную роль при переезде. Из экономических мотивов наиболее важна разница в стоимости городской и сельской недвижимости, а также жизни в целом, что позволяет улучшить жилищные условия тем семьям, особенно молодым и многодетным, что переезжают в село. Цель исследования, результаты которого представлены в публикации, — определить категории горожан, склонных к переселению, их мотивацию, факторы, подталкивающие людей к выезду из городов и способствующие/препятствующие переселению в сельскую местность. Исследование основано на изучении специальной литературы по теме и на материалах опроса переселившихся горожан и экспертов, занимающихся рурализацией. В отличие от большинства отечественных публикаций, посвященных рурализации, автор фокусирует внимание на положительных сторонах переселения горожан в сельскую местность и призывает к снятию административных барьеров, препятствующих рурализации, поскольку переселение горожан в село не оказывает негативного влияния на города и компенсируется притоком выходцев из села, заинтересованных в получении образования и новых профессий.

Ключевые слова: сельское развитие; дезурбанизация; рурализация; удаленная занятость; сельское население; горожане на селе; дачники

Доминирующим направлением миграций во всем мире является урбанизация — переезд населения из сельской местности в города, рост и расширение городов. Однако в последние годы одновременно с урбанизационными процессами наблюдается тенденция переселения горожан в сельскую местность — дезурбанизация, контрурбанизация или рурализация. Исследований переселения горожан в сельскую местность сравнительно немного как за рубежом, так и в России, хотя этот феномен отчетливо проявился уже в 1960–

---

* © Овчинцева Л.А., 2021

Статья поступила 20.01.2021 г. Статья принята к публикации 02.04.2021 г.

1980-е годы в Германии, Швейцарии и Франции. Несомненно, города остаются финансовыми центрами и главными рынками труда, но переселение горожан в сельскую местность не является вынужденной мерой, обусловленной экономическими причинами — трудоустройством или повышением доходов. Жители крупных городов переезжают в сельскую местность в поисках чистой окружающей среды, натуральных продуктов, простора, тишины — неэкономические мотивы играют не меньшую роль, чем экономические, поэтому тенденция рурализации более выражена в странах с развитой экономикой. Так, уже в 1976 году были проанализированы разные формы переселения и перенесения городской культуры в сельскую местность Франции [18].

Примерно в то же время в США появились публикации о дезурбанизационных процессах, которые привели к уменьшению плотности и увеличению однородности поселений в пределах расширяющихся радиусов крупных городов [19]. Внутренняя аграрная политика Канады направлена на сохранение населения в сельских районах, особенно в северной части страны [26; 27], и уже сравнительный анализ данных переписей 1996 и 2001 годов показал, что из полумиллиона жителей Канады, переселившихся в сельскую местность, 41% прибыли из крупных городов, еще 20% сменили малые города на сельские поселения [8²].

Люди, переселяющиеся из больших городов в сельскую местность, часто сохраняют экономические связи с городом, поэтому наблюдается субурбанизация — расширение городских пригородов, появление вблизи крупных городов их городов-спутников, образование городских агломераций. Жители пригородов связаны с городами как местом приложения труда, но проживают и в многоквартирных домах, и в таунхаусах, и в частных домах усадебного типа. Урбанизация, субурбанизация и дезурбанизация — связанные процессы, происходящие параллельно: например, в глобальном масштабе наблюдается формирование очагов развития в ближней периферии крупных городов [24]. В последние годы процессы контрурбанизации затронули страны и за пределами Европы и Северной Америки: скажем, в Южной Африке встречаются формы субурбанизации, схожие с теми, что характерны для развитых стран, и специфичные для региона [21].

Не только пригородные, но и периферийные сельские территории могут быть привлекательны для горожан, если обладают значительным природным и историческим потенциалом. При этом горожане готовы преодолевать негативные факторы, которые препятствуют развитию сельской периферии — гендерный дисбаланс, пространственную изоляцию, низкие образовательные возможности и узкий рынок труда [29], переселяясь семьями, обладая значительным багажом знаний и опыта, располагая финансовой подушкой и широко используя возможности дистанционной занятости.

В советское время миграция из города в село была связана преимущественно с поиском работы: например, из промышленных городов Урала молодые люди, особенно женщины, уезжали обратно в деревню, не найдя себе

применения на рынке труда, где занятость была представлена в основном «мужскими» профессиями [10]. Сегодня исследования рурализации обретают особую актуальность, поскольку сельские территории стремительно теряют население. За последние двадцать лет сельское население России сократилось на 2 миллиона (его доля в общей численности населения уменьшилась на 5%), что влечет негативные социальные последствия — стареет сельское население, оскудевает человеческий капитал села, утрачивается социальный контроль за территориями.

Для статистического наблюдения переселение горожан в село часто невидимо, поскольку при переезде люди часто не меняют регистрацию в городе: она дает право на получение более квалифицированной бесплатной медицинской помощи по полису обязательного медицинского страхования, сохраняются региональные льготы и надбавки к пенсии, городская квартира может обеспечивать пассивный доход за счет сдачи в аренду. В этой ситуации социологические инструменты анализа дезурбанизации оказываются более подходящими. Среди российских исследователей рурализации первенство принадлежит географической школе и, в первую очередь, Т.Г. Нефедовой, успешно сочетающей географический и социологический подходы [12], например, в изучении дачного освоения горожанами сельской местности. Можно ли считать рурализацией переселение в деревню, жизнь на даче большую часть года с сохранением жилья в городе или проживание в сельской местности в сочетании с удаленной работой в городе? Эти вопросы требуют ответа, потому что люди физически находятся вне городов, создают спрос на товары и услуги и влияют на территорию там, где они находятся.

В зонах влияния мегаполисов кластеры субурбанизации и рурализации порой сложно разграничить. Географические границы городов-спутников, пригородных агломераций и среднеудаленных от города сельских поселений, привлекающих горожан как место жизни, могут смыкаться, люди могут пользоваться общей инфраструктурой. В условиях распространения дистанционной занятости четкой границы между субурбанизацией и дезурбанизацией может и не быть. Масштабное исследование возвратной миграции горожан и селян было проведено учеными Института географии РАН [1]: они обозначили теоретические основы изучения мобильности населения между городом и селом в концепции сельско-городского континуума, изучили разные аспекты возвратной трудовой мобильности сельского населения и возвратной рекреационной мобильности городского населения, в которой может успешно скрываться и реальная дезурбанизация.

Изучением адаптации горожан в сельской местности много лет занимаются члены Угорского проекта [2] под руководством Н.Е. Покровского: они исследуют мотивы переселения горожан, положительное влияние городской культуры на сельские поселения и препятствия для внедрения горожан в сельскую местность [15]. Перспективы освоения горожанами сельских пространств участники проекта оценивают в значительной степени скептически,

отмечая среди факторов, тормозящих рурализацию, недостаточное развитие инфраструктуры дорог и связи в сельской местности, отсутствие широкополосного Интернета, ухудшившийся за годы перестройки доступ к медицинскому обслуживанию, неготовность и нежелание местных властей сотрудничать с горожанами [29].

Впрочем, встречаются и положительные оценки потенциала рурализации, например, основанные на разведении двух причин переселения горожан. Согласно первой, из города выезжают те, кто не смог там адаптироваться, поэтому сельская местность будет пополняться маргиналами. Согласно второй, люди покидают города, руководствуясь внутренними убеждениями, их опыт и ресурсы могут оживить сельскую местность и дать стимулы к ее развитию. Проведенные социологические исследования подтвердили вторую причину: из города выезжают представители среднего класса, обладающие опытом жизни в сельской местности и ресурсами — материальными и нематериальными. Переселенцы с сельскохозяйственной занятостью сочетают преимущества сельского и городского образов жизни и активно участвуют в жизни села, привнося новые практики. Иными словами, при создании в сельской местности условий, сопоставимых с городом по доступности инфраструктуры и уровню оплаты труда, в село была бы готова переселиться четверть городского населения страны [9].

Оценку потенциала переселения из города в сельскую местность в 2015 году провела исследовательская группа «Циркон», сочетая качественные методы (фокус-группы и экспертные интервью) с репрезентативным массовым опросом. Он показал, что в России более 16% горожан задумываются о переезде в сельскую местность, хотя к решительным шагам готовы лишь около 3% [6; 7]. Условия пандемии 2020 года и изменившие городской стиль жизни локдауны заставили многих людей поменять приоритеты: переезд из городов в более безопасную сельскую местность стал рассматриваться как альтернатива жизни в крупных городах [32]. Например, в Германии 51% горожан хотели бы жить в сельской местности или в маленьком городке, 26% — в пригороде [19].

Возникает вопрос: кто же те горожане, что покидают обустроенный город и переезжают в сельскую местность, а также какими соображениями они руководствуются, принимая решение о переезде? В декабре 2020 — январе 2021 года для ответа на этот вопрос было проведено исследование по инициативе Ассоциации самых красивых деревень и городков России (1), заинтересованной в оценке потенциала развития внутреннего сельского туризма. Исследование проходило в форме экспертного опроса на основе полуструктурированного онлайн-интервью (набор открытых вопросов). В качестве экспертов выступили горожане, переселившиеся в сельскую местность, а также специалисты в области сельского развития, органического земледелия, сельские предприниматели, работники органов местного самоуправления локального и районного уровня. В задачи исследования входило выявление

категорий горожан, заинтересованных в переезде из города в сельскую местность, определение мотивов переезда из города в село и факторов, способствующих и препятствующих адаптации горожан на селе, оценка влияния переселяющихся на сельскую местность. Опрошенные эксперты представляли Архангельскую, Владимирскую, Калужскую, Московскую, Мурманскую, Нижегородскую, Тамбовскую, Ярославскую области, Алтайский край, Адыгею и Крым.

Ниже будут представлены выводы по результатам опроса, проиллюстрированные цитатами из интервью и сопоставленные с данными российских и зарубежных исследований рурализации. Итак, как правило, из города уезжают люди с высоким уровнем образования и разнообразными компетенциями, и их отток начался еще до пандемии — она лишь спровоцировала массовое бегство из городов и ускорила распространение дистанционной работы. Создание так называемых «деревень 2.0» (малых городков и сел, благоприятно расположенных относительно крупных городских центров, обладающих развитой инфраструктурой и достаточным предложением жилья, что позволяет с комфортом в них устроиться) происходит в развитых странах мира, например, в США, где к концу 2020 года 19 сельских населенных пунктов и малых городков участвовали в инициативе по возрождению деревень с помощью инноваций (Rural Innovation Initiative) (2). Молодых специалистов, работающих в сфере информационных технологий, и их семьи привлекает более просторное жилье за меньшие деньги, благоприятная и безопасная окружающая среда, комфортные возможности для дистанционной работы, уютные и стимулирующие творческую атмосферу коворкинги.

Полученные нами данные перекликаются с результатами упомянутого выше исследования в Германии, которое показало, что к жизни в сельской местности стремятся не только люди старшего возраста, но и те, кому меньше сорока лет. Среди последних предпочтительным местом для жизни сельскую местность назвали 30%, маленький город — 39% (в группе старше пятидесяти лет — 34% и 26% соответственно) [22]. При переселении они ищут более высокое качество жизни, которое связывают с близостью к природе, натуральным питанием, возможностями самореализации, лучшими условиями для воспитания детей, т.е. нематериальная мотивация для них не менее важна, чем материальная: *«Города — это основные точки, где крутятся деньги, поэтому они привлекают людей в плане заработка, а не в плане качества жизни». «Наша деревня теперь живет за счет молодых специалистов, которые формально москвичи, но практически постоянно живут в сельской местности, они вкладывают туда свои деньги. Такая тенденция будет популярна в деревнях, которые не так далеко от крупных городов».*

Если сравнить потоки переезжающих из села в город и наоборот, то в город чаще едут одинокие молодые люди, чтобы получить образование и найти работу с более высоким уровнем оплаты. А из города нередко выезжают целыми семьями — переезд семьей облегчает адаптацию на новом

месте, снижает значение удаленности от городской среды с ее развлечениями (театры, выставки и рестораны). Молодые люди в процессе социализации ищут социальную среду с более широкими возможностями для контактов с новыми людьми и разнообразными развлечениями. Люди, нашедшие себя, свою профессию, создавшие семью, задумываются о том, в каких условиях будут жить их дети: *«Я понял, что хочу, чтобы мои дети росли на воле, свободе, на чистом воздухе и чистой воде. Поэтому я понял, что хочу, чтобы моя семья жила за городом». «Считаю, что такие места, как Москва, хороши для молодежи (18–25 лет). А как только ты задумываешься о том, чтобы родить детей, то вспоминаются слова Ф.М. Достоевского: “Дети не должны рождаться на мостовой, они должны рождаться в саду” (3). Вот я полностью с ним согласен... А социализация, поиск себя (18–25 лет), когда у тебя еще нет семьи, ты развиваешься, ищешь себя, это — в большом городе. Но когда рождается ребенок, это очень меняет мировоззрение, восприятие окружающего мира».*

«Когда мы переезжали, мы хотели сами воспитывать детей, все делать вместе. Это для нас было самым важным, потому что, когда мама с папой мало участвуют в жизни ребенка, — это плохо. У меня мама всю жизнь работала, я это понимаю на своем опыте. Дети очень нуждаются в любви и внимании родителей, а когда мы все делаем вместе от зари до зари, мы все время взаимодействуем с нашими детьми». «Я переехал в село ради воспитания вне “виртуального пространства” своих детей. Летом сыновья все время со мной, интегрированы в производственный процесс (молока и сыров)».

Определенную роль при принятии решения о переезде играет разница в стоимости городской и сельской недвижимости. Особенно это важно для многодетных семей, которые за меньшие деньги могут получить просторное жилье усадебного типа с земельным участком, что позволяет создать комфортные условия для роста и развития детей: *«Мы улучшили, расширили наши жилищные условия и перестали стеснять мою маму. Получили собственное жилье, не зависим ни от кого. Я приехала, у меня просто эйфория какая-то началась — что босиком по собственному участку можно ходить, за забором тебя никто не видит, нет соседей сверху, сбоку, снизу. Специфика нашей семьи такова, что мы всем мешаем, это нормально, потому что нас много, много маленьких детей, они постоянно шумят, кричат, топают».*

Большинство опрошенных отметили, что переселению способствует опыт и представления о жизни в городской и сельской местности — в этом случае решение о переезде принимается более осознанно, люди готовы решать возникающие при этом проблемы. Надо заметить, что те, кто переселяются в сельскую местность, понимают ожидающие их трудности: *«Я обнаружил в деревне, где нет ни одного коренного жителя, семью из Питера с ребеночком. Они городские, но держат корову, научились ее доить по Интернету, лошадь у них, куры, хозяйство держат. Им трудно, сена мало косят, техники нет. Живут трудно, но довольны». «Люди переезжают в дом,*

где туалет на улице, вода в реке и баня. Но можно сделать скважину, повесить обогреватель воды, поставить посудомоечную машину. Это просто другие вложения, но качество жизни может быть очень классным. Я знаю семью, переехавшую из города. У них нет мобильной связи, нет дорог, но зато есть камин, ванна в доме с горячей водой, корова и Интернет. Очень уютно живут, работают дизайнерами через спутниковый Интернет».

Цели, которые люди ставят и достигают при переезде, представляются им более значимыми, чем проблемы, которые предстоит решать: *«Сначала вообще не было обустроено. Естественно, вода в колодце, даже печек в доме не было. Ко мне отец приехал с Ленинградской области, и мы здесь недели за две–три все обустроили. Условий совершенно никаких не было (канализации, воды). И даже сейчас, спустя прожитых тридцать лет мы продолжаем что-то делать, но для нас это не на первом месте». «У меня есть решение о переезде, которое я принял осознанно и целенаправленно, и я удовлетворен целиком и полностью. И все трудности, которые возникают, это ничто иное, как задачи, которые надо решать».*

Опрос «Циркона» выявил ценности переезжающих — хорошая экология, близость к природе и земле, простор, натуральное питание, размеренный темп жизни, проживание в доме усадебного типа, самореализация с помощью занятий в сельском хозяйстве и ремесле, единение с семьей [6]. Эти же ценности озвучили и наши респонденты, характеризуя факторы, выталкивающие из города и привлекающие в село. *«Мне не нравился в городе город. Мне не нравилось тратить полтора часа на дорогу до работы. Мне не нравилось жить в каменных джунглях, мне не нравилось жить от отпуска до отпуска». «В городе много стресса. Ощущение, что жизнь проходит без смысла. А люди хотят чувствовать, как идет время». «Простор, воздух и тишина очень ценятся в деревне. Эти холмы, эти бесконечные поля... дают покой в голове и душе». «Однажды мне просто пришло понимание, что в городе много лишнего, и городской ритм жизни своим потоком направляет тебя не на те вещи, которые тебе нужны. В какой-то момент я поняла, что в городе много условно ценного, и много денег уходит на ненужные вещи».*

Отношение родственников не имеет принципиального значения при принятии решения о переезде, но, как правило, родственники его поддерживают: *«Моя мама, прожив три года в Москве, сказала, что полностью меня понимает. Эти три года, по ее словам, вычеркнуты из ее жизни. “Я не видела, как поют птицы, распускаются листочки. Казалось бы, то, к чему я приехала в поселке и не обращала внимания, оказалось, это очень важно”».* Поиски личных смыслов и самореализации, на которые неоднократно указывали эксперты, говорят о высоких человеческих качествах переселенцев и подчеркивают значение нематериальных факторов — жизнь на природе, желание обрести свои корни, приблизиться к аутентичной исторической и культурной среде: *«Я переехал в деревню, потому что было желание полной нормальной жизни, несмотря на все трудности и препятствия». «Человек должен жить*

в окружении живой природы. Ты получаешь и питание, и радость, и физическое здоровье. Для меня это ключевая идея и логическое объяснение тому, зачем вообще жить в сельской местности».

«Однажды я попал в деревню Ягрема — большие дома, многие уже накренились. Выходит бабушка и начинает разговаривать со мной на непонятном языке. Женщина говорила на северном каргопольском диалекте. И тут я понял, что нахожусь в настоящей этнографической деревне, где настоящая Русь. Я получил мощный культурный шок. Я смотрю и не вижу проводов. Захожу к бабушке — у нее керосинка горит. А это эпоха развитого социализма, 1989 год. Побывав там, я понял, что это — настоящая Россия. И когда я уволился из армии, вдруг понял, что я хочу здесь жить, среди этих людей».

Готовность переселенцев адаптироваться к трудностям, решать вопросы обустройства своих жилищ самостоятельно не означает, что недостатки инфраструктурного развития сельских территорий для них не важны. Как раз отставание в развитии транспортной и технической инфраструктуры служит сдерживающим фактором повторного освоения российских сельских территорий горожанами: *«Если говорить про туризм, то у нас очень большая проблема — дороги. Дорог практически нет нормальных. По таким дорогам люди один раз приехали — больше не приедут».* *«Есть требования законодательства по электронной отчетности по ветеринарной продукции, налогам, регистрации проживающих в гостинице — это все электронное. Но государство требует, а стабильную связь не предоставило. Связь то есть, то нет. Иногда приходится биться до четырех часов, чтобы отправить отчеты. В результате ты не занимаешься своей работой, а ждешь. Бывает стыдно перед гостями... Мы бьемся, это отдельное направление, которое отнимает очень много ресурсов».*

Проблема в том, что в сельском населенном пункте, в котором расположена гостиница эксперта, согласно статистике, нет постоянного населения, и то, что через гостиницу ежегодно проходит около двух десятков тысяч посетителей, там постоянно находится персонал, роли не играет. Минсвязи взяло на себя обязательства подключать к Интернету населенные пункты с числом жителей не менее 250, а предпринимателям льготы на Интернет не предоставляются: прокладка многокилометровых линий оптоволоконной связи или запуск спутника, сигнал которого покрывает территории со значительной расщелоченностью населения, не под силу сельскому бизнесу, доходы которого в разы ниже, чем у аналогичного бизнеса в городах.

Большинство экспертов отмечало, что малому бизнесу трудно работать в сельской местности, потому что институциональная среда ориентирована на крупный бизнес, который к тому же постоянно получает значительную поддержку государства: *«Чтобы люди не уезжали, надо сделать так, чтобы им было выгодно здесь жить, а не уезжать в большие города. Я не говорю, что надо помогать деньгами — хотя бы не брать то, что сейчас отбирается».* *«Малый бизнес надо пускать в открытое плавание, дать ему зарабатывать».*

на своих машинах, своем маломерном флоте и авиации. На сегодняшний день, если я буду регистрировать свою моторку, я пройду столько же ступеней и потрачу столько же денег, как круизная компания. Это неправильно».

Несмотря на трудности, переселенцы демонстрируют увлеченность и готовность к их преодолению при реализации своих проектов: *«Я не могу свой проект расценивать с той позиции, что если дороги нет, то все пропало. Нельзя так подходить. Для меня уже все состоялось, и я не задаю себе вопросов об окупаемости. Я не жду момента, когда же этот проект станет окупаемым. Это сужает мои возможности. Начинаешь идти к мелкой задаче. Нахождение здесь — это не просто производство или бизнес, по крайней мере, в городском понимании... Это нужно позиционировать как жизнь, точнее, как место жизни со всеми его преимуществами».*

Все опрошенные эксперты отмечали высокую активность горожан при решении проблем, связанных с развитием инфраструктуры и сельских населенных пунктов, куда они переселились: *«В администрации меня все знают. Не знаю, любят или нет, но знают. Знают нас там, где электросети, где водоканал. Даже по голосу узнают, потому что нам всегда до всего есть дело. У нас была большая проблема с водой, когда мы переехали... И начали мы трясти водоканал, но кроме нас, никто не жаловался, хотя у всех проблемы. Местный менталитет такой — высказывать никто не хочет. В итоге мы дотрясли водоканал, нам поставили водонапорную башню, теперь у нас все хорошо с водой». «Городские ребята грамотные, они будоражат тут все, законы знают». «Деревню возродят городские жители, которые хотят растить своих детей не на асфальте с гаджетами в кармане, а на природе, на натуральных продуктах. Пожив в городе, они способны оценить красоту леса, заката, хорошую еду. Наши деревенские это не ценят, им нравится покупать продукты в “Пятерочке” в яркой упаковке, а что там они едят, они не задумываются».*

Активная позиция горожан порой вызывает реакцию отторжения у местных жителей и администрации, которые видят в них конкурентов или людей, способных нарушить сложившийся хозяйственный и жизненный уклад: *«Местная администрация не поддерживает приезжих горожан, у них круговая порука, горожане для них конкуренты. Им не понятно, как можно уехать из Питера в Березники — с подозрением относятся». Особую «проблему» для местных властей представляют дачники, которые живут на два дома и не регистрируются в местах фактического проживания: в пригородах крупных городов фактически проживающее население, по оценкам экспертов, может в два–три раза превышать зарегистрированное население. Дачники формируют спрос на товары и услуги, тем самым способствуя развитию сельских территорий. «У нас в государстве при планировании социальной инфраструктуры расчет ведется от количества официально зарегистрированных лиц (обеспеченность школами, медицинскими учреждениями, полицией, пожарными бригадами и др.). Пока что, к сожалению, на фактическое наличие людей на территории*

закрывают глаза. Хотя все москвичи, проживающие на территории Московской области, являются наполнителями бюджетов, именно муниципальных, потому что они — плательщики земельного налога и налога на имущество, что формирует 80%–90% бюджетной базы муниципалитета».

Иногда между переселенцами и местными случаются конфликты, однако часто развивается продуктивное взаимодействие, приносящее пользу как переехавшим в село горожанам, так и территории в целом. В качестве положительного примера можно привести опыт переселения москвичей в сельскую местность Ярославской области, где благодаря им была возрождена сельская школа, ставшая центром притяжения для горожан из разных концов страны. В 1990 году журналист и писатель Владимир Мартышин переехал в село с семьей, организовал крестьянское фермерское хозяйство и одновременно работал учителем в сельской школе, в которой было 56 учеников, и она должна была закрыться. Мартышин привлек к работе в школе других переселившихся горожан, стал директором школы. Школа обрела известность как экспериментальная площадка Министерства образования и привлекала горожан, которые с семьями хотели переселиться на село. Мартышин рассказал о результатах проверки деятельности школы: *«Пять лет назад отдел мониторинга качества образования проводил по всей области исследования, и мы даже не ожидали, что наша школа может показать такие хорошие результаты — просто потрясающие..., в том числе, в плане толерантности, культуры, интереса к занятиям, по многим позициям».*

Высокий уровень преподавания, созданная коллективом школы атмосфера и образовательная среда привели к тому, что школа пополнилась учениками, что потребовало увеличения персонала школы: сегодня в школе 55 работников и 160 учеников, к школе переехало на постоянное жительство более 400 человек: *«У меня здесь рабочие места, поэтому есть потребность в строительстве. В этой деревне у местных осталось дома четыре — все остальные переехавшие. Наверное, двадцать домов уже построено заново. В соседней деревне семь домов построили, в другой восемь домов, напротив деревня Титово — там, по-моему, шесть домов построено. В деревнях благоустраиваются детские площадки, сажаются деревья, аллеи, т.е. села преобразуются».*

Вопросы с развитием инфраструктуры стояли остро, но они не были на первом месте для работников школы, единомышленников-переселенцев, которые, в первую очередь, стремились дать своим детям качественное образование: *«До того, как мы стали экспериментальной площадкой, дороги никакой не было. А уж когда стали, я как директор, руководитель этой площадки, хлопотал, чтобы дорогу сюда провести... В 2000-х годах, когда школы начали укреплять, на нашу школу даже местные чиновники любовались. Мы честно работали, искренне, так же продолжаем трудиться, для большинства это больше служение, чем работа... Переезжают, конечно, чаще всего люди с высшим образованием, высокой культуры — создается новая среда, иная, чем была прежде характерна для села»*

Таким образом, переселяющиеся горожане формируют своего рода новый слой жителей сельской местности, который обладает значительным преобразовательным потенциалом. Пандемия подтолкнула к решительным действиям горожан, ранее только задумывавшихся о переселении в пригороды. Но если бы ее не было, исход из городов все равно бы продолжался — во многих странах в последние десятилетия люди стремятся жить вне городов: ищут более благоприятные условия для жизни, ориентируются на нематериальные ценности (хорошая экология, натуральные продукты, отсутствие информационного мусора, наличие пространства и самобытной культуры, близость к природе, чувство свободы и безопасности). Переезду горожан способствует развитие инфраструктуры сельских территорий, особенно транспортной и цифровой, что облегчает удаленную занятость, получение дистанционных услуг и образования. Стимулирует рурализацию снижение качества городской среды вследствие чрезмерного разрастания городов, ухудшения экологии, роста стоимости жизни и эпидемиологической ситуации в городах.

Проведенные ранее исследования рурализации выделяли такие группы переселенцев, как убежденные последователи экологических движений, ранние пенсионеры (военные, северяне), люди, потерявшие или не нашедшие работу в городах, работники в сфере информационных технологий, лица творческих профессий. Необходимо расширить это список семьями с детьми и профессиями, которые позволяют работать удаленно. Важно, что к переселению в село склонны молодые семьи — стремящиеся улучшить свои жилищные условия и создать лучшие условия для воспитания своих детей. При этом источником доходов семей может быть и сельское хозяйство, и организация своего дела, особенно с использованием интернет-ресурсов, и дистанционная занятость. Препятствует переселению горожан и организации малого бизнеса инфраструктурная отсталость сельских территорий, незаинтересованность местных муниципалитетов, недостаточная поддержка малого бизнеса и аграрная политика, ориентированная на развитие крупного бизнеса и игнорирующая потребность в несельскохозяйственном развитии сельских территорий.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Примечания

- (1) Подробнее об ассоциации см. сайт: <https://krasaderevni.ru>.
- (2) См. сайт программы Rural Innovation Initiative — Center on Rural Innovation (CORI): <https://ruralinnovation.us>.
- (3) *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя // Собрание сочинений в 15 тт. Т. 13. Л., 1989–1996. С. 264.

Библиографический список

- [1] *Аверкиева К.В., Антонов Е.В., Кириллов П.Л. и др.* Между домом и ...домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. М., 2016.

- [2] *Аверкиева К.В., Баскин Л.М., Дроздов А.В. и др.* Ойкумена Ближнего Севера России / Общ. ред. и сост.: Н.Е. Покровский, Т.Г. Нефедова. М., 2016.
- [3] *Божков О.Б., Троцук И.В.* Постсоветский фермерский интернационал в сельском хозяйстве Северо-Западного региона // *Крестьяноведение*. 2020. Т. 5. № 4.
- [4] *Божков О.Б., Троцук И.В.* Тенденции развития сельских районов России: постановка исследовательской задачи и первые результаты повторного кейс-стади // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018. Т. 18. № 4.
- [5] *Виноградская О.Я.* Отчего горожане едут в деревню: феноменология и практика // *Крестьяноведение*. 2019. Т. 4. № 3.
- [6] *Войнилов Ю.Л., Задорин И.В., Мальцева Д.В. и др.* Потенциал организованной внутренней миграции «город–село» в России. Стимулы и барьеры к коллективному переселению граждан на пустующие территории. М., 2015.
- [7] *Войнилов Ю.Л., Мальцева Д.В.* Из города в село: потенциал переселения горожан в сельскую местность // XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества / Под ред. Е.Г. Ясина. Кн. 4. М., 2017.
- [8] *Денисенко М.Б., Денисенко Г.М., Ефременко Д.В. и др.* Горожане в деревне: социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и сельско-городские сообщества / Под ред. В.И. Ильина, Н.Е. Покровского. М., 2016.
- [9] *Звягинцев В.Н., Неуважаева М.А.* Переселенцы из города в сельскую местность: феномен «обратной миграции» в современной России // *Мир России*. 2015. № 1.
- [10] *Насибуллин Р.Т.* Миграция из города в деревню // *Социологические исследования*. 1990. № 3.
- [11] *Нефедова Т.Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М., 2013.
- [12] *Нефедова Т.Г.* Контрасты социально-экономического пространства в центре России и их эволюция: два «разреза»-профиля // *Региональные исследования*. 2020. № 2.
- [13] *Нефедова Т.Г.* Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах Центра России // *Крестьяноведение*. 2021. Т. 6. № 1.
- [14] *Павлов А.* Рурализация: сущность, проявления, классификация // *Наука и инновации*. 2017. № 12.
- [15] *Покровский Н.Е., Николаева У.Г., Демидова Ю.А.* Феноменология «жизненного мира» горожанина во внегородском пространстве Ближнего Севера: дом и доместикация // *Социологические исследования*. 2019. № 12.
- [16] *Троцук И.В.* Социальные аспекты российской географии: новый виток наблюдений за трансформациями межстоличного пространства // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2016. Т. 16. № 4.
- [17] *Bauer G., Roux J.-M.* La rurbanization ou la ville éparpillée. Paris, 1976.
- [18] *Berry B.* Urbanization and counterurbanization // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1980. Vol. 451. No. 1.
- [19] *Erhardt C.* Massenflucht aufs Dorf? // URL <https://kommunal.de/massenflucht-aufs-dorf>.
- [20] *Geyer N.P., Geyer H.S.* Counterurbanization: South Africa in wider context // *Environment and Planning: Economy and Space*. 2017. Vol. 49. No. 7.
- [21] *Hoggart K.* Rural migration and counterurbanization in the European periphery: The case of Andalucia // *Sociologia Ruralis*. 1997. Vol. 37. No. 1.
- [22] *Kontuly T., Wiard S., Vogelsang R.* Counterurbanization in the Federal Republic of Germany // *Professional Geographer*. 1986. Vol. 38. No. 2.
- [23] *Krause M.* The ruralization of the world // *Public Culture*. 2013. Vol. 25.
- [24] *Löffler R., Steinicke E.* Counterurbanization and its socioeconomic effects in high mountain areas of the Sierra Nevada (California/Nevada) // *Mountain Research and Development*. 2006. Vol. 26. No. 1.
- [25] *Mitchell C.* Making sense of counterurbanization // *Journal of Rural Studies*. 2004. No. 5.

- [26] *Mitchell C.* Population growth in rural and small-town Ontario: Metropolitan decentralization or deconcentration // *Canadian Journal of Regional Science*. 2009. Vol. 32. No. 2.
- [27] *Mitchell C.* Counterurbanization and the growth of Canada's rural and small-town municipalities: 1996–2001 // *Canadian Journal of Regional Science*. 2008. Vol. XXI. No. 1.
- [28] *Murdoch J.* Networks — a new paradigm of rural development? // *Journal of Rural Studies*. 2000. No. 16.
- [29] *Nikula J., Kopoteva I.* Local development initiatives in the Lake Ladoga Region: Reasons for success and approaches to funding // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 1.
- [30] *Paniagua A.* Counterurbanization and new social class in rural Spain: The environmental and rural dimension revised // *Scottish Geographical Magazine*. 2002. Vol. 118. No. 1.
- [31] *Stockdale A., Findlay A., Short D.* The repopulation of rural Scotland: Opportunity and threat // *Journal of Rural Studies*. 2000. Vol. 16. No. 2.
- [32] *Weeden S.A.* The coronavirus pandemic is pushing Canadians out of cities into the countryside. URL: <https://theconversation.com/the-coronavirus-pandemic-is-pushing-canadians-out-of-cities-and-into-the-countryside-144479>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-296-310

New villagers: motives and factors for moving from urban to rural areas*

L.A. Ovchintseva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia
(e-mail: lovchintseva@ranepa.ru)

Abstract. In developed countries, along with urbanization, the opposite process — ruralization or deurbanization — is becoming increasingly noticeable. Ruralization is not only the movement of townspeople to the countryside, but also the development of villages and the increasing importance of rural areas as a place to live and work. Townspeople make the decision to move by comparing the advantages and disadvantages of living in urban and rural areas, and non-economic motives (the desire to get closer to nature, to find one's roots, to live in silence, without haste, to eat natural products, etc.) play an important role in this decision. Among economic motives, the difference in the cost of urban and rural real estate and of life in general is the most important motive, i.e., families, especially young and large, can improve their living conditions by moving to the countryside. The study, the results of which are presented in the article, aimed at identifying those groups of townspeople that tend to resettlement, their motives, and factors pushing people to leave cities and facilitating/hindering resettlement to rural areas. The research is based on the study of special literature on the topic and on the data of the survey of resettled townspeople and experts in ruralization. Unlike most publications on ruralization, the author focuses on the positive aspects of the resettlement of townspeople to the countryside and insists on the removal of administrative barriers that prevent ruralization, because the resettlement of townspeople to the countryside does not have a negative impact on the city and is compensated by the influx of people from the countryside, who want to get education or a new profession.

Key words: rural development; counterurbanization; ruralization; distant work; rural population; townspeople in the countryside; summer residents

---

* © L.A. Ovchintseva, 2021

The article was submitted on 20.01.2021. The article was accepted on 02.04.2021.

Funding

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

References

- [1] Averkieva K.V., Antonov E.V., Kirillov P.L. et al. *Mezdu domom i ...domom. Vozrasnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii* [Between Home and ...Home. Age Spatial Mobility of the Russian Population]. Moscow; 2016. (In Russ.).
- [2] Averkieva K.V., Baskin L.M., Drozdov A.V. et al. *Oikumena Blizhnego Severa Rossii* [Oikumene of the Russian Near North]. Pod. red. N.E. Pokrovskogo, T.G. Nefedovoy. Moscow; 2016. (In Russ.).
- [3] Bozhkov O.B. Trotsuk I.V. Postsovet sky fermersky internatsional v selskom khozyaystve Severo-Zapadnogo regiona [Post-Soviet farmers' international in the agriculture of the North-West Region]. *Russian Peasant Studies*. 2020; 5 (4). (In Russ.).
- [4] Bozhkov O.B., Trotsuk I.V. Tendentsii razvitiya selskikh rayonov Rossii: postanovka issledovatel'skoy zadachi i pervye rezultaty povtornogo keys-stadi [Tendencies of the Russian rural areas development: The research task and first results of the comparative case-study]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (4). (In Russ.).
- [5] Vinogradskaya O.Ya. Ot-chego gorozhane edut v derevnyu: fenomenologiya i praktika [Why and from what townspeople move to the village: Phenomenology and practice]. *Russian Peasant Studies*. 2019; 4 (3). (In Russ.).
- [6] Voynilov Yu.L., Zadorin I.V., Maltseva D.V. et al. *Potentsial organizovannoy vnutrenney migratsii "gorod-selo" v Rossii. Stimuly i bariery k kollektivnomu pereseleniyu grazhdan na pustuyushchie territorii* [The Potential of the Organized Internal Migration "City-Village" in Russia. Incentives and Barriers to the Collective Resettlement of Townspeople to Empty Areas]. Moscow; 2015. (In Russ.).
- [7] Voynilov Yu.L., Maltseva D.V. Iz goroda v selo: potentsial pereseleniya gorozhan v selskuyu mestnost [From the city to the village: The potential of townspeople' movement to the countryside]. *XVII Aprelskaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva*. Pod. red. E.G. Yasina. Moscow; 2017. Vol. 4. (In Russ.).
- [8] Denisenko M.B., Denisenko G.M., Efremenko D.V. et al. *Gorozhane v derevne: sotsiologicheskie issledovaniya v rossijskoy glubinke: dezurbanizatsiya i selsko-gorodskie soobshchestva* [Townspeople in the Village: Sociological Research in the Russian Hinterland: Deurbanization and Rural-Urban Communities]. Pod red. V.I. Il'yna, N.E. Pokrovskogo. Moscow; 2016. (In Russ.).
- [9] Zvyagintsev V.N., Neuvazhaeva M.A. Pereselentsy iz goroda v selskuyu mestnost: fenomen "obratnoy migratsii" v sovremennoy Rossii [Migration from urban to rural areas: The phenomenon of "return migration" in contemporary Russia]. *Mir Rossii*. 2015; 1. (In Russ.).
- [10] Nasibullin R.T. Migratsiya iz goroda v derevnyu [Migration from urban to rural areas]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 1990; 3. (In Russ.).
- [11] Nefedova T.G. *Desyat actualnykh voprosov o selskoy Rossii: otvety geographa* [Ten Actual Questions about Rural Russia: Answers of a Geographer]. Moscow; 2013. (In Russ.).
- [12] Nefedova T.G. Kontrasty sotsialno-ekonomicheskogo prostranstva v tsentre Rossii i ikh evolyutsiya: dva "razreza"-profilya [Contrasts of the social-economic space in the center of Russia and their evolution: Two cross-section cases]. *Regionalnye Issledovaniya*. 2020; 2. (In Russ.).
- [13] Nefedova T.G. Polyarizatsiya sotsialno-ekonomicheskogo prostranstva i perspektivy selskoy mestnosti v staroosvoyennykh regionakh Tsentra Rossii [Polarization of the social-economic space and prospects of rural areas in the old-developed regions of Central Russia]. *Russian Peasant Studies*. 2021; 6 (1).
- [14] Pavlov A. Ruralizatsiya: sushchnost, proyavleniya, klassifikatsiya [Ruralization: essence, manifestations, classification]. *Nauka i Innovatsii*. 2017; 12. (In Russ.).

- [15] Pokrovsky N.E, Nikolaeva U.G, Demidova Ju.A. Fenomenologiya “zhiznennogo mira” gorozhanina vo vnegorodskom prostranstve Blizhnego Severa: dom i domestikatsiya [Phenomenology of the “life world” of urbanites in the extra-urban space in the Near North: The house and domestication. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2019; 12. (In Russ.).
- [16] Trotsuk I.V. Sotsialnye aspekty rossiyskoy geografii: novy vitok nablyudeniy za transformatsiyami mezhscholichnogo prostranstva [Social aspects of Russian geography: A new round of the studies of the space transformations between two Russian capitals]. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (4). (In Russ.).
- [17] Bauer G., Roux J.-M. *La rurbanization ou la ville éparpillée*. Paris; 1976.
- [18] Berry B. Urbanization and counterurbanization. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1980; 451 (1).
- [19] Erhardt C. Massenflucht aufs Dorf? URL: <https://kommunal.de/massenflucht-aufs-dorf>.
- [20] Geyer N.P., Geyer H.S. Counterurbanization: South Africa in wider context. *Environment and Planning: Economy and Space*. 2017; 49 (7).
- [21] Hoggart K. Rural migration and counterurbanization in the European periphery: The case of Andalucia. *Sociologia Ruralis*. 1997; 37 (1).
- [22] Kontuly T., Wiard S., Vogelsang R. Counterurbanization in the Federal Republic of Germany. *Professional Geographer*. 1986; 38 (2).
- [23] Krause M. The ruralization of the world. *Public Culture*. 2013; 25.
- [24] Löffler R., Steinicke E. Counterurbanization and its socioeconomic effects in high mountain areas of the Sierra Nevada (California/Nevada). *Mountain Research and Development*. 2006; 26 (1).
- [25] Mitchell C. Making sense of counterurbanization. *Journal of Rural Studies*. 2004; 5.
- [26] Mitchell C. Population growth in rural and small-town Ontario: Metropolitan decentralization or deconcentration. *Canadian Journal of Regional Science*. 2009; 32 (2).
- [27] Mitchell C. Counterurbanization and the growth of Canada’s rural and small-town municipalities: 1996–2001. *Canadian Journal of Regional Science*. 2008; XXI (1).
- [28] Murdoch J. Networks — a new paradigm of rural development? *Journal of Rural Studies*. 2000; 16.
- [29] Nikula J., Kopoteva I. Local development initiatives in the Lake Ladoga Region: Reasons for success and approaches to funding. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (1).
- [30] Paniagua A. Counterurbanization and new social class in rural Spain: The environmental and rural dimension revised. *Scottish Geographical Magazine*. 2002; 118 (1).
- [31] Stockdale A., Findlay A., Short D. The repopulation of rural Scotland: Opportunity and threat. *Journal of Rural Studies*. 2000; 16 (2).
- [32] Weeden S.A. The coronavirus pandemic is pushing Canadians out of cities into the countryside. URL: <https://theconversation.com/the-coronavirus-pandemic-is-pushing-canadians-out-of-cities-and-into-the-countryside-144479>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-311-321

Domestic sexual child abuse: Social and social-cultural aspects*

Zh.V. Puzanova, V.M. Filippov, M.A. Simonova, T.I. Larina

RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: simonova-ma@rudn.ru; filippov-vm@rudn.ru;
puzanova-zhv@rudn.ru; larina-ti@rudn.ru)

Abstract. The ratification of the Lanzarote Convention by Russia in 2013 entails several issues that cannot be resolved without the help of social-humanitarian sciences. Information from sociology, psychology, and jurisprudence has been used to create a concept for the empirical study of the domestic violence against children — to improve the implementation of the Convention in Russia. The concept considers two aspects of the problem — social and social-cultural. The article presents the Russian experience of how the provisions of the Council of Europe Convention on the Protection of Children against Sexual Exploitation and Sexual Abuse are implemented. The authors analyze statistical data on the number of families in which a sexually abused child is brought up; the number of abortions and childbirths by minors; the number of minors in educational colonies; the work of the children’s helpline; the number of mediation services; the number of social service organizations for families and children; the number of professionals working with children in programs aimed at preventing and protecting children from sexual exploitation and abuse; the number of organizations providing psychological-pedagogical and medical-social assistance; the number of specialized multifunctional centers providing assistance to families and child victims of sexual abuse; the number of specialized ‘green’ rooms for investigating crimes related to minors; the number of specialists accompanying minors who have come into conflict with the law at all stages of the investigation and court proceedings; the number of professionals trained under the Child Sexual Violence Protection Program and now assisting families and child victims of violence. The article will be useful for readers who study the implementation of the Lanzarote Convention and the issues of child sexual abuse and domestic violence.

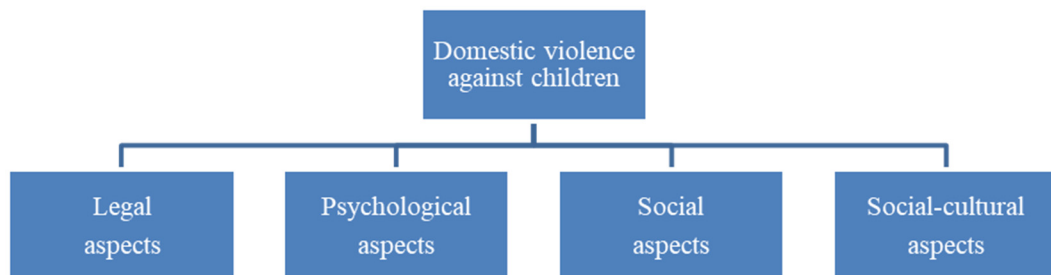
Key words: violence; children; sexual abuse; victimology; public opinion; Lanzarote Convention; monitoring

It is estimated that one in five children fall victim to sexual violence — a serious human rights violation the Council of Europe has decided to combat — the Convention on the Protection of Children against Sexual Exploitation and Sexual Abuse (Lanzarote Convention) is the most advanced and complete standard in this field [5]. One of the most important ways of putting the policy and regulatory documents for child protection into action is to implement the provisions of the Convention adopted in Lanzarote (Canary Islands, Spain) on October 25, 2007 [14].

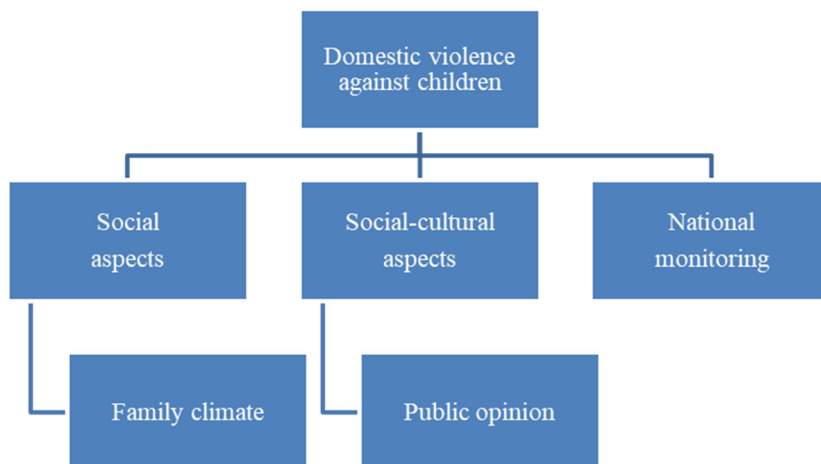
* © Zh.V. Puzanova, V.M. Filippov, M.A. Simonova, T.I. Larina, 2021
The article was submitted on 27.01.2021. The article was accepted on 02.04.2021.

Russia ratified the document with reservations (Federal Law of May 7, 2013): Russia supports most of the provisions, but it is important to implement them following the norms of current legislation and customary law, based on the principles of reasonableness and expediency. Besides, there are several problems that require addressing not only by jurisprudence, but by other social-humanitarian sciences (Fig. 1).

Figure 1. Social-humanitarian research of domestic violence against children

We suggest the following concept of empirical research of domestic violence against children (Fig. 2):

Figure 2. Empirical research of domestic violence against children

Social aspects. Domestic violence is defined as behavior carried out with the deliberate or unconscious intent of the aggressor to harm a family member. Factors that determine domestic violence are as follows: violence due to the stereotypes of family education adopted in a certain group; violence determined by such factors as social and economic situation, low income, unemployment, increase in the number of domestic conflicts leading to family situations in which parents harm their children due to the anger caused by the inability to fully perform their roles in the family [10].

Juvenile victimology examines such issues as the identity of the minor as a victim of criminal acts, the causes and conditions of victimization of minors and adolescents — to prevent and reduce crimes of this nature [9]. Victim traits can be divided into general — naivety, trustfulness, curiosity, physical weakness, submission and helplessness to the authority of the adult, impressiveness; and individual — psychological (violence, anxiety, aggressiveness, conflict, emotional instability), social (self-affirmation, the need to communicate, social relationships, family conditions).

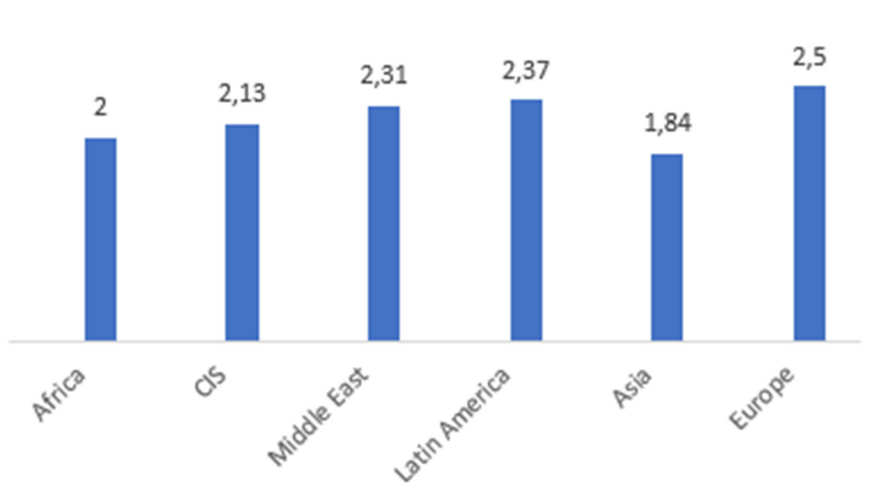
One of the factors increasing the possibility of criminal offense against a child in the family is low income. Most often people committing a crime against minors have themselves been victims of parental abuse in the past and try to transfer the aggression on their own and others' children. Thus, victimization of the child leads to the criminalization of the adult. The situation of children living in dysfunctional families is particularly dangerous — alcoholism, drug addiction, unemployment, poor housing conditions, and large families. According to the studies conducted in Russia, cases of domestic violence account for 1/3 of all cases of violence against minors [12].

Victimization factors include both internal (personal and behavioral features of victims) and external characteristics, in particular, pre-criminal situations (circumstances at the moment of the crime, unrelated to the victim's behavior). Internal victimization factors are closely related to the victim's personality, there are those types of victimization which in themselves determine the process of victimization (gender and age, victimhood and role pathology), as well as those types of victimization that are realized in the victim's behavior (victimization personality deformation, stressful victimhood) [16]. Related to victimology in this context is the term PTSD (post-traumatic stress disorder).

Child victims of sexual and physical abuse are more likely to experience frequent behavioral changes, underestimate themselves, are emotionally unstable and prone to immediate response, have difficulties in expressing positive emotions, and return to the psychologically traumatic situation through intrusive reproduction [3]. Children who witness domestic violence between their parents or other adults at home are not just passive observers. They are profoundly impacted by violence and coercive behavior at home, and they find complex, creative ways to manage and cope with these experiences. Children's experiences of domestic violence are like a double helix, with the twin strands of coping and damage closely interlinked. Children's capacity to be strong, to be agentic, to be resilient can only be read in the actions that function to undermine their development of agency and resilience, forms of relating that characterize violence, abuse, and coercive control [1].

All these aspects are subject to consideration within each specific culture, but the primary consideration of domestic violence should start with the cultures themselves, specifically the *social-cultural characteristics* of societies. Looking at the attitude towards people with disabilities in Russia, you can see that legislative acts cannot guarantee the progress of a particular issue without addressing public opinion and the study of social representations. The attitude to certain issues varies

from one culture to another. For instance, in the RUDN study conducted in 2017, 416 people were interviewed representing the main faculties and institutes of the RUDN, taking into account the quotas — course and region of foreign students (Middle East, Europe, East Asia, CIS, Africa, Latin America). They were asked: “What is your attitude to the situation when a parent shouts at a child in a public place, on a scale from 0 to 5, where 0 — I find it difficult to answer, 1 — I consider it completely unacceptable, 5 — I consider it completely acceptable”? (Fig. 3). European students showed a calmer attitude to this phenomenon than students from Asia, even though such a social action is generally not approved. This example is not a vivid one, but even in this simple situation cultural differences can be seen.

Figure 3. “What is your attitude to the situation when a parent shouts at a child in a public place?”

When talking about domestic violence, its study and application of legal measures for child protection, several social-cultural characteristics should be considered.

Mentality. Personal relationships are more important than laws for Russian people: we are ready to forgive our friends things that would never forgive other people [6]. There is also an informal rule ‘do not rat on another’, which has its roots in the Soviet times: “In Russia it is as follows: tricking a teacher is considered a valiant act, and passing all exams without attending any lectures is an achievement. But telling on someone means losing authority in the group. Since childhood, we are taught that it is bad behavior and it is not only about the university, but also about adult life” [2].

Opinion polls that work at the level of social perceptions can reveal such details. In the Russian culture, everything that happens in a family is not brought to public view and discussion. Stereotypes are firmly rooted in the Russian national mentality: proverbs such as ‘foul one’s own nest’, ‘lovers’ tiffs are harmless’ are common, there is also a Russian proverb ‘if one hits you, then one loves you’) [10]. Projective tests can help here.

Trying to present themselves in a favorable light, people often say not what they think, but rather how it is acceptable to talk about something in society. Often, to help in the research, respondents give answers that they think the researcher expects to hear. If the research does not aim at obtaining such answers, the results may be not quite accurate. To level out the number of such insincere, socially sanctioned responses, researchers use a combination of methods. Also, to avoid falling into the trap of fake ‘right answers’, sociologists use methods developed in psychology, psycholinguistics, and psychosomatics.

An important feature of projective tests in the sociological research is “an emphasis on the image (object of study) created under the influence of social factors, rather than the personal variable that aims at the projective stimulus” [8]. Unlike the use of psychological projective techniques in market and social research, incentives are transformed to address specific tasks, which are, in most cases, to identify attitudes to a particular object of study rather than to identify personal characteristics of respondents [4].

Distrust to the authorities except for the President. The direct question about trust to Vladimir Putin was answered positively by 71,5% of respondents (24,2% do not trust) on March 13, 2020, in the WCIOM poll, and these results have been stable for a long time. However, in general, the state and the authorities do not have the people’s trust. In the Russian culture, there is a proverb “One law for the rich, and another one for the poor”. “It is a pity that we have lost the vision of how the country will develop and what awaits people shortly, and the assurances and declarations of the country’s authorities are unfortunately not convincing enough. People hope that the authorities will fulfill at least part of their promises, but experience tells them that this is most likely not going to happen. Therefore, the distrust to the institutions of power is very high” [7]. There is also a trend of the critical perception of laws in Russia, which do not take into account social details.

Multiculturalism. The Russian Federation is a multinational state. Traditional societies in the Caucasus (priority of family, clan, traditions) differ from the more European-oriented metropolises. The classic concepts of *Gemeinschaft* and *Gesellschaft* are well illustrated here.

In 2018, there were no cases of child abuse in 10 regions. Four of them are in the North-Caucasus Federal District: Dagestan, Ingushetia, Kabardino-Balkaria, and Karachay-Cherkessia. Most of them have no statistics on child abuse from year to year [15]. It would be incorrect to judge the situation in each particular region by absolute numbers — in some regions specialists are trained to detect abuse (so there are many cases), while in other regions there are no cases and they may be required not to specify the reason. Experts generally refer to the statistics on the Caucasus as a ‘weak spot’. The roots of this phenomenon can be found in the traditional communities of the Caucasian regions — their informal rules are often set higher than the law. Raising children is an area where external influences will never be allowed in the Caucasus. There is still a mentality that can be described as ‘my child — my rules’.

Non-acceptance of European values and principles of juvenile justice. The Russian society and its value structure are transforming but remain within the framework of tradition, as can be seen from the attitude to the LGBT people. According to a study conducted at the RUDN University in 2018, the attitude to homosexuality varies significantly depending on cultural values. The most tolerant regions are countries where personal freedom and the so-called ‘liberal values’ are highly appreciated. The CIS countries, Russia, and the countries of the Middle East, where they mostly profess Islam, keep a conservative attitude. This fact is well illustrated by the notion of the Overton window (the window of discourse), which specifies the framework for the range of opinions acceptable in public. In Europe and Latin America, the discourse on homosexuality is perceived as normal. In the CIS countries, Russia, the Middle East, and several other countries, the discourse on homosexuality is no more inconceivable, and the idea of the same-sex relationship is still perceived as radical.

Monitoring is a specific tool for the study of domestic violence, which allows to identify formal compliance of activities with the Convention. In 2020, the monitoring studied how the provisions of the Convention were implemented in 83 of 85 subjects of the Russian Federation. The monitoring consisted of three parts — one statistical and two expert ones. The first statistical part is represented by the following indicators: the number of abortions and childbirths of minors; the number of mediation services; the number of rehabilitation procedures for minors; the number of minors in correctional colonies and other correctional facilities; the availability of a ‘child helpline’; training and professional development of people working with children under programs which aim to prevent and protect children from sexual exploitation and abuse; information on organizations that adopted new programs and technologies for the protection of child victims of sexual violence; the number of specialists trained under the program for the protection of child victims of sexual violence, who provide assistance to families and child victims; the number of families with a child who was sexually abused; information on programs that provide assistance to families and child victims; information on families with a child who was sexually abused and received comprehensive assistance; the number of social service organizations for families and children; the number of organizations providing psychological, pedagogical, medical and social assistance; the number of multifunctional centers providing assistance to families and child victims of sexual violence; the number of specialists (full-time psychologists) accompanying minors in conflict with the law at all stages of investigation and court proceedings; the number of ‘green’ rooms for investigating crimes involving minors.

The expert parts of the monitoring covered the subjects’ experience in implementing the Convention provisions. The monitoring included expert visits to the subjects in order to take into account the specifics of each region and its methods. In general, such a tool is a basic one and should be supplemented by other elements of the concept (surveys, projective tests, etc.).

Let us present some results of the monitoring.

Information about the families in which a child who was sexually abused is raised. The average regional number of families in which a child is sexually abused is 70, excluding the subjects with zero indicators and lack of information (then 99). The top five subjects of the Russian Federation by the number of such families are the Perm Region (755), Kemerovo Region (544), Republic of Bashkortostan (435), Saint Petersburg (330), and the Vladimir Region (142). The average number of families in which a child was sexually abused and the family received comprehensive assistance is 37, except for the subjects with zero indicators and lack of information (50). The five leaders are the Perm Region (755), Kemerovo Region (544), Tyumen Region (128), Stavropol Region (105), and the Altai Region (83).

The number of abortions and childbirths by minors. The average number of such abortions in Russia is 46, excluding regions with zero indicators and lack of information (48). The top five regions with the highest abortion rates are the Sverdlovsk Region (251), Saint Petersburg (189), the Rostov Region (170), Perm Region (166), and the Irkutsk Region (142). The average number of childbirths by minors is 85, excluding regions with zero indicators and lack of information (92). The top five regions with the highest absolute childbirth rates are the Stavropol Territory (389), Irkutsk Region (355), Republic of Bashkortostan (352), Sverdlovsk Region (345), and the Krasnodar Region (292).

If the ratio of minors' childbirths to abortions is more than 1, then the more the number of childbirths by minors exceeds the number of abortions: the Stavropol Region is a leader with 10.5, then comes the Republic of Bashkortostan (7), Republic of Altai (6.6), and the Ryazan Region (6.1). Concerning the opposite trend, there are significantly fewer regions on which the number of abortions exceed the number of childbirths.

The number of minors in educational colonies. The average regional number of minors in educational colonies in 2019 is 32 people, excluding regions with zero indicators and lack of information (67). The top five regions are the Sverdlovsk Region (288), Republic of Udmurtia (165), Tyumen Region (124), Tomsk Region (107), and the Moscow Region (97). These are mainly boys, and according to absolute indicators the leader in the Republic of Udmurtia (165), while in the number of girls the leader is the Tomsk Region (107). The average number of minors in other institutions of the penal system in 2019 was 92, excluding regions with zero indicators and lack of information (119). The top five regions here are the Sverdlovsk Region (902), Altai Region (493), Khabarovsk Region (328), Amur Region (273), and the Nizhny-Novgorod Region (272). The leading regions in gender terms — keeping boys and girls in such institutions — are the Sverdlovsk Region (844 boys and 902 girls) and the Khabarovsk Regions (328 girls).

The children's helpline. 85.5% of the subjects of the Russian Federation have a children's helpline: in the education system — 57.9%, in the social protection system — 78.4%, in non-profit organizations or charity foundations — 14.4%.

The number of mediation services. The average number of mediation services is 314, excluding regions with zero indicators and lack of information (322). The

top five regions with the largest number of mediation services are the Moscow Region (1392), Rostov Region (1028), Krasnodar Region (1003), Republic of Dagestan (878), and the Orenburg Region (823). Most of such services are located in educational institutions. The average number of mediation services in educational institutions is 303, excluding regions with zero indicators and lack of information (312).

The average number of territorial mediation services created by other government bodies and organizations is 26, excluding regions with zero indicators and lack of information (34). The top five regions with the largest number of mediation services created by other government bodies are the Saratov Region (741), Leningrad Region (206), Kursk Region (189), Republic of Tyva (131), and the Belgorod Region (69). The top five regions with the largest absolute number of mediation services in educational organizations coincide with the general ranking, and there are several subjects with the corresponding indicator of 100%, i.e., absolutely all available mediation services are provided by educational organizations (the Republic of Tyva, the Leningrad Region, and Saint Petersburg).

The number of social service organizations for families and children. The average number of social service organizations for families and children is 22, excluding regions with zero indicators and lack of information (24). The top five subjects with the largest number of such organizations are the Sverdlovsk Region (79), Krasnoyarsk Region (75), Krasnodar Region (74), Republic of Tatarstan (73), and the Volgograd Region (59).

The number of professionals working under programs aimed at preventing and protecting children from sexual exploitation and abuse. The average regional number of such specialists is 928, excluding regions with zero indicators and lack of information (1345). The leaders are the Republic of Udmurtia (27454), Altai Region (21251), Saratov Region (1099), Volgograd Region (614), and the Kaluga Region (543).

The average number of specialists with special training for programs aimed at preventing and protecting children from sexual exploitation and abuse is 31, excluding regions with zero indicators and lack of information (62). The leaders are the Altai Region (544), Oryol Region (351), Kursk Region (271), Republic of Ingushetia (106), and the Republic of Bashkortostan (70). The average share of specialists who have special training, based on the data from regions that provided it and the data were greater than zero, is 25.4%. The average number of the corresponding organizations is 4, excluding regions with zero indicators and lack of information (9). The leading regions are the Nizhny-Novgorod Region (51), Omsk Region (34), Altai Region (27), Kirov Region (24), and the Volgograd Region (11).

The number of organizations providing psychological-pedagogical and medical-social assistance. The average number of such organizations is 65, excluding regions with zero indicators and lack of information (73). The top five subjects are the Republic of Udmurtia (1526), Omsk Region (808), Tomsk Region (491), Khabarovsk Region (369), and the Vologda Region (309).

The number of specialized multifunctional centers helping families and child victims of sexual violence. The average number of such centers is 4, excluding regions with zero indicators and lack of information (10). The top five subjects with the largest number of such organizations are the Sverdlovsk Region (230), Moscow (11), Amur Region (10), Kaliningrad Region (8), and the Kirov Region (6).

The number of specialized 'green' rooms for investigating crimes related to minors. The average number of such 'green' rooms is just 1, excluding regions with zero indicators and lack of information (3). The top five subjects here are the Tyumen Region (26), Republic of Crimea (19), Perm Region (12), Chelyabinsk Region (7), and the Kemerovo Region (4).

The number of specialists accompanying minors who have come into conflict with the law at all stages of the investigation and court proceedings. The average number of such specialists is 80, excluding regions with zero indicators and lack of information (115). The top five subjects are the Omsk Region (537), Republic of Komi (497), Altai Region (470), Penza Region (424), and the Kaluga Region (418).

The number of professionals trained under the Child Sexual Violence Protection Program and assisting families and child victims of violence. The average number of the specialists trained to protect child victims of sexual abuse and to assist families and child victims of violence is 32, excluding regions with zero indicators and lack of information (44). The top five subjects are the Tyumen Region (366), Trans-Baikal Region (190), Republic of Tatarstan (100), Omsk Region (77), and the Voronezh Region (74).

Thus, the Lanzarote Convention is an excellent example of the implementation of a socially important idea, but it will be effective only if the social-cultural features of countries are taken into account. The reason is that legislation cannot be rigid — it should be adapted to the specific society. Besides, global developments are changing the world and making adjustments to social reality, which should also be taken into account when analyzing the implementation of the Convention. Thus, reportedly, many domestic violence victims were trapped in their homes with a violent perpetrator during the coronavirus pandemic [13].

The concept of the study of violence against children should take into account the social and social-cultural aspects and can be based on the traditional model of monitoring to assess the implementation of the Convention. Additional expert interviews, opinion polls and surveys based on projective techniques can help to reveal the social-cultural specifics of every region or country under study.

Funding

The article was prepared within the state assignment No. 075-00167-20-03 “Social-humanitarian foundations for countering extremism”.

References

- [1] Callaghan J.E.M., Alexander J.H. *Understanding Agency and Resistance Strategies (UNARS): Children's Experiences of Domestic Violence*. Northampton; 2015.
- [2] Dyachenko L.I., Filipov A.I., Dyachenko K.V. Peculiarities of mentality and its impact on the intercultural communication (on the example of Russia and the USA). *Sankt-Peterburgsky Obrazovatelny Vestnik*. 2018; 11–12. (In Russ.).

- [3] Gamila Muhammad Nasser Ahmed. Psychological consequences of sexual and physical violence in Yemeni children aged 6–11 years. *Russian Psychological Journal*. 2010; 1.
- [4] Gureev S.V. Use of projective tests in sociological research: Peculiarities of using graphical data (respondents' drawings) in the method of group discussions. 2015. URL: <http://www.sociologos.ru/upload/File/Gureev.pdf>.
- [5] Kleinsorge T. Legal protection of children from sexual exploitation: The “Lanzarote Convention” and the One in Five campaign. 2011. URL: <https://docplayer.net/4492929-Legal-protection-of-children-from-sexual-exploitation-the-lanzarote-convention-and-the-one-in-five-campaign.html>.
- [6] Kozlov N.I. Russian mentality. *Psychologos*. 2013. URL: <https://www.psychologos.pro/articles/view/77194-russian-mentality>.
- [7] Lev Gudkov: “Mistrust in the institutions of power is very high”. *Novaya Gazeta*. September 6, 2018. (In Russ.).
- [8] Melnikova O.T. *Focus-Groups in Marketing Research: Methodology and Techniques of Qualitative Research in Social Psychology*. Moscow; 2013. (In Russ.).
- [9] Oganessian C.A. Juvenile victimology. *Jurisprudence: Problems and Prospects: Proceedings of the VIII International Scientific Conference*. Kazan; 2019. (In Russ.).
- [10] Popova I.V. A study of the domestic violence. *Nauchny Dialog*. 2012; 4. (In Russ.).
- [11] Rankings of trust to politicians, assessments of the president’s work, support for political parties. March 13, 2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10198>. (In Russ.).
- [12] Shikula I.R. On the problem of victimological prevention of sexual crimes against minors. *Juvenile Justice Issues*. 2013; 27.
- [13] Gulati Sh., Sarai S.K., Lippmann S. Covid-19 and domestic violence. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/344905679_COVID-19_and_domestic_violence.
- [14] The Lanzarote Convention. URL: <https://www.coe.int/en/web/children/lanzarote-convention>.
- [15] The authorities opened data on child abuse in the regions: There were no such cases in four regions of the North Caucasus. August 14, 2019. URL: <https://www.rbc.ru/society/14/08/2019/5d5126249a79479ea5f4db0a>. (In Russ.).
- [16] Zyrjanova J.V. Victimogenic factors of domestic sexual violence against minors (on the example of the Republic of Khakassia). *Prologue: Journal of Law*. 2013; 3. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-311-321

Проблема детского насилия: социальные и социокультурные аспекты*

Ж.В. Пузанова, В.М. Филиппов, М.А. Симонова, Т.И. Ларина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: simonova-ma@rudn.ru; filippov-vm@rudn.ru;
puzanova-zhv@rudn.ru; larina-ti@rudn.ru)

Аннотация. Ратификация Лансаротской конвенции Россией в 2013 году влечет за собой ряд вопросов о ее реализации, которые не могут быть решены без привлечения социально-гуманитарных наук. В статье использованы принципы социологии, психологии и юриспруденции, на основании которых представлена концепция эмпирического изучения семейного

---

* © Пузанова Ж.В., Филиппов В.М., Симонова М.А., Ларина Т.И., 2021

Статья поступила 27.01.2021 г. Статья принята к публикации 02.04.2021 г.

насилия в отношении детей — для повышения эффективности реализации Лансаротской конвенции в российской действительности. Концепция включает в себя два блока проблемы — социальные и социокультурные аспекты. Авторы приводят статистические данные о количестве семей, в которых воспитывается ребенок, подвергшийся сексуальному насилию, количестве аборт и родов среди несовершеннолетних, количестве несовершеннолетних, которые содержались в воспитательных колониях, функционировании детского телефона доверия, количестве служб медиации, количестве организаций социального обслуживания семьи и детей, численности специалистов, работающих с детьми по программам, направленным на предупреждение и защиту детей от сексуальной эксплуатации и злоупотреблений, количестве организаций, оказывающих психолого-педагогическую медико-социальную помощь, количестве специализированных многопрофильных центров, оказывающих помощь семьям и детям-жертвам сексуального насилия, количестве специализированных «зеленых» комнат для расследования преступлений, связанных с несовершеннолетними, количестве специалистов (штатных психологов), сопровождающих несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом на всех этапах расследования и судебного производства, количестве специалистов, прошедших обучение по программе защиты детей-жертв сексуального насилия и оказывающих помощь семьям и детям-жертвам насилия. Статья будет полезна специалистам, занимающимся проблемами реализации положений Лансаротской конвенции, а также изучением факторов семейного насилия в отношении детей.

Ключевые слова: насилие; дети; сексуальное насилие; виктимология; общественное мнение; Лансаротская конвенция; мониторинг

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках государственного задания №075-00167-20-03 «Социогуманитарные основы противодействия экстремизму».

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-322-339

Социально-психологические причины распространения субкультуры «АУЕ» (неявные факторы актуальной проблемы)*

Т.А. Хагуров, Л.М. Чепелева

Кубанский государственный университет
ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия, 350040
(e-mail: khagurov@mail.ru; lada-chep@mail.ru)

Аннотация. В статье обозначены глубинные причины новой волны подростковой криминализации в российском обществе. Для этого проанализированы экспертные точки зрения на проблему и отмечена их противоречивость; обобщены основные формы поведения, связанного с принятием криминальных ценностей, — первичная, игровая, устойчивая вторичная криминализация, имеющие, как правило, разную социальную локализацию; рассмотрены исторические аспекты подростковой криминализации в российском обществе; обозначены социокультурные причины этого явления. На основе анализа ведомственной статистики и результатов эмпирических исследований, проведенных в 2019–2020 годы в рамках проекта РФФИ «Глубинные причины подростковой криминализации в современной России» в статье уточнены масштабы реальной и виртуальной криминализации, особенности правосознания, социально-психологического самочувствия и мировоззрения криминализированных и «обычных» подростков. Наряду с традиционно выделяемыми причинами криминализации (социально-экономическое и культурно-образовательное неравенство, депривация, территориально-географическая специфика и т.п.) авторы рассматривают и социокультурные факторы: во-первых, нарушения социализации и детско-родительских отношений, приводящие к депривации потребностей в любви и признании несовершеннолетних со стороны родителей и попыткам ее деструктивной компенсации в рамках криминальных практик; во-вторых, содержание актуальной подростковой героики, обуславливающей процессы нормативной и гендерной инверсии и распространение криминальной субкультуры, — как источника суррогатного псевдомаскулинного дискурса в подростково-молодежной среде. Авторы делают вывод, что профилактика подростковой криминализации должна строиться на основе психолого-педагогических и социокультурных технологий, главными субъектами которых являются семья, школа и государственная информационная политика, тогда как нормативно-юридические технологии социального контроля, субъектами которых являются административные и правоохранительные органы, должны выполнять скорее функцию сдерживания.

Ключевые слова: «АУЕ»; подростковая криминализация; криминальная субкультура; причины и факторы криминализации; нормативная маскулинность; деформации детско-родительских отношений

На различных этапах развития общества в центре внимания ученых-девиантологов, СМИ и общественности оказываются разные формы девиантного поведения молодежи, воспринимаемые как наиболее тревожные или

* © Хагуров Т.А., Чепелева Л.М., 2021

Статья поступила 20.02.2021 г. Статья принята к публикации 02.04.2021 г.

угрожающие социальному благополучию и стабильности. Так, в середине 2000-х годов внимание было приковано к проблеме разнообразных аддикций — от употребления психоактивных веществ до игромании и компьютерной зависимости, что проявлялось и в количестве публикаций по данной теме, и в содержании федеральных и региональных молодежных программ («Антинарко», «22:00 — детям пора домой» и т.п.). В 2010-х годах внимание сместилось к проблеме молодежного экстремизма и межэтнических конфликтов, что нашло отражение в научных и журналистских публикациях, тематике конференций, практиках работы с молодежью, содержании программ повышения квалификации государственных и муниципальных служащих. В последние годы наблюдается очередное смещение фокуса внимания ученых и практиков — к проблеме (не)криминализации подростков и молодежи, своеобразным «брендом» которой стала аббревиатура «АУЕ» («Арестантское уркаганское единство» или «Арестантский уклад един»).

С начала 2010-х годов наблюдается рост популярности криминальной тематики в русскоязычном Интернете, растет количество упоминаний «АУЕ» на разных платформах и хостингах [23]. В середине 2010-х годов в СМИ появляются упоминания об инцидентах с участием криминализированных подростков в Забайкалье, Бурятии и Татарстане [18]. В 2016 году в докладе специальной комиссии Совета по правам человека при Президенте РФ распространение «АУЕ» было названо угрозой национальной безопасности. В августе 2020 года Верховный суд РФ признал «АУЕ» экстремистским движением.

Однако ученые и управленцы часто высказывают противоположные точки зрения на криминализацию молодежи в России [13]. Одни видят в «АУЕ» признаки серьезной угрозы обществу [17]. Другие полагают, что реальный масштаб проблемы преувеличен, и рассматривают «АУЕ» как типичный интернет-симулякр [24]. Поэтому необходимо уточнить формы, особенности и причины подростковой криминализации в современной России и предложить практикам в сфере работы с молодежью возможные пути ее профилактики и искоренения. Некоторые задачи мы попытались решить в рамках проекта РФФИ «Глубинные причины подростковой неокриминализации в современной России», выполненного в 2019–2020 годы, часть результатов которого представлена ниже.

«АУЕ» как социальное явление

Противоречивость мнений экспертов неслучайна: территориальные, социально-экономические и культурные измерения криминализации сопрягаются нелинейным образом, то дополняя друг друга, то диссонируя. Существенное влияние на глубину и масштабы подростковой криминализации оказывают степень социально-экономического развития региона и количество расположенных в нем пенитенциарных учреждений. Фактически в каждом российском регионе присутствуют и реальная, и «игровая» криминализация, но различаются их масштабы и соотношение. Другой важный фактор —

социально-экономическая дифференциация внутри региона или территории — центр и глубинка, как правило, заметно различаются по уровню криминализации. Хотя «АУЕ» — субкультура преимущественно социальных низов, она привлекает часть подростков из среднего класса и «золотой молодежи» [25].

С учетом всех сложностей, возникающих при работе с официальной статистикой правонарушений (учет, раскрываемость, латентность и т.п.), ее данные показывают измеряемые масштабы преступности. Так, в социальном портрете российской преступности [16] нас интересуют данные по возрасту (несовершеннолетние и молодежь) и социальному составу (учащиеся и студенты). В целом в 2019 году молодежью до 30 лет совершено 34,76% от общего числа преступлений, 4,3% — несовершеннолетними: 13794 преступления совершены подростками 14–15 лет, 24159 — 16–17 летними юношами и девушками. Рассмотрим ситуацию в Краснодарском крае, основываясь на протоколах заседаний комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при администрации края [10; 11]: анализ структуры преступлений показывает, что среди них доминируют корыстно-имущественные преступления (82,5% от общего числа преступлений, совершенных несовершеннолетними), и абсолютное большинство среди них составляют кражи (646), затем идут угоны транспортных средств (76), грабежи (64) и т.д. В 2019 году в Краснодарском крае наблюдалось снижение частоты совершения некоторых категорий преступлений несовершеннолетними: групповая преступность снизилась на 3,8%, а с участием взрослых — на 5,5%; уменьшилось на 42,1% количество регистрируемых преступлений, совершенных подростками в состоянии алкогольного опьянения, на 3,9% — число преступлений средней тяжести, на 21,6% — число преступлений, связанных с причинением тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, на 14,3% сократились разбои, на 23,1% — мошенничества, на 14,6% — угоны транспортных средств, на 4,6% — преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств. Наряду с этим увеличилось число преступлений несовершеннолетних, относящихся к категории тяжких (на 16%) и особо тяжких (на 33,3%), в том числе убийств, изнасилований, вымогательств (на 400% — с 4 до 20). В 2020 году большинство зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними, по-прежнему составляют преступления корыстно-имущественной направленности (82,8%), и продолжился рост числа преступлений, относящихся к категории тяжких (на 15%) и особо тяжких на (27%). И это при том, что официальная статистика оперирует данными лишь о зарегистрированных преступлениях, а реальный уровень преступности в целом и преступности несовершеннолетних всегда выше. Но даже официальные данные не могут не вызывать тревогу.

Согласно выводам комиссии по делам несовершеннолетних в Краснодарском крае 47% малолетних преступников совершили противоправные деяния вследствие ненадлежащего контроля родителей или иных законных представителей, 10% — неорганизованной досуговой занятости в свободное время,

18% — низкого материального достатка семьи. Одним из существенных факторов подростковой криминализации является нарушение детско-родительских отношений: 45% несовершеннолетних преступников воспитывались в неполных семьях [11]. Зачастую сложные взаимоотношения с отчимами или сожительями матерей ведут к совершению несовершеннолетними преступлений.

Выводы комиссии подтверждают данные биографических интервью (N=26) с криминализированными подростками, находящимися в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа Краснодарского края и состоящими на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Подавляющее большинство респондентов имеют низкую успеваемость, не интересуются учебой, не имеют увлечений. Более половины (60%) респондентов проживают с мамой и отчимом, матери в 80% семей — домохозяйки, а отцы/отчимы не имеют основного места работы — в основном подрабатывают. Все семьи многодетные (более 4 детей), и респонденты — либо средние дети, либо старшие. Недостаток внимания со стороны значимых взрослых и отсутствие позитивной мотивации в учебе и увлечениях создают предпосылки для принятия в качестве референтной ценностно-смысловой матрицы «понятий» криминализированных подростковых компаний.

Интересны в этой связи результаты опроса, проведенного среди учащихся старших классов школ Краснодарского края (N=410, 9–11 классы). По результатам кластерного анализа ответов на вопрос об опыте асоциальных и делинквентных поступков были определены три поведенческих типа: 1) с неопределенным опытом — 38% (27% не совершали перечисленных девиантных поступков, 73% отказались отвечать); 2) с опытом антисоциального поведения — 18% (признались в совершении противоправных действий: физическое насилие над более слабыми, воровство, мелкое хулиганство, угон автомобиля, кража, вымогательство); 3) с опытом асоциального поведения — 44% (признались в нарушении морально-нравственных норм: побег из дома, систематические пропуски школы, агрессивное поведение, ложь, беспорядочные половые связи, настенные надписи и рисунки непристойного характера, ненормативная лексика). В целом более 60% респондентов имеют опыт совершения поступков, противоречащих либо морально-нравственным нормам, либо правовым.

С точки зрения влияния семейных дисфункций на криминализацию важны ответы на вопрос о ситуации в семьях респондентов. «Родители или взрослые, с которыми ты проживаешь...»: «тебя часто ругают» (7,4%, но в кластере с опытом антисоциального поведения — (14,1%); «часто ссорятся, ругаются между собой» (6,4%); «не работают, ощущают постоянную нехватку денег» (2,5%); «много выпивают или принимают наркотики» (2%); «изредка, бывает, тебя наказывают физически (бьют)» (3,4%); «обращают на тебя мало внимания» (9,9%). Все эти негативные показатели преимущественно присутствуют у респондентов с антисоциальным и асоциальным поведением. Так, статистически значимые отличия от других групп были обнаружены у второго кластера с опытом антисоциального поведения: «постоянно

заняты, у них нет времени общаться с тобой» — 29,6%; «любят выпить за обедом или за ужином» — 11,3%; «часто ругают» — 14,1%; «заставляют делать уроки, учиться» — 26,8%; «источник пищи, одежды, денег» (37,1%).

Кластер с неопределенным опытом отличает восприятие родителей как примера для подражания, здесь отсутствуют ответы «относятся к тебе жестоко, провоцируют конфликты, незаслуженно поднимают на тебя руку» (во втором кластере — 4,2%) и «склоняли тебя к воровству или другим противоправным действиям» (1,4%). Для кластера с асоциальным опытом более характерно восприятие семьи как места, где бывает всякое — и плохое, и хорошее.

Опыт совершения правонарушений — показатель первичной криминализации — коррелирует с дисфункциями семейного воспитания, нарушениями детско-родительских отношений и характером организации свободного времени. В ответах на вопрос о предпочитаемых формах досуга проявились различия между кластерами: так, среди респондентов с неопределенным опытом меньше тех, кто ничего не делает на досуге, наиболее часто такой досуг предпочитают респонденты с антисоциальным поведением (13,4%), а респонденты из первого кластера чаще выполняют домашнее задание в свободное время (35,1%). Респонденты с неопределенным опытом реже проводят время в Интернете за играми (10,3%) или в социальных сетях (25,3%) по сравнению с респондентами с антисоциальным поведением (17,9% и 35,8%). Правонарушители реже остальных посещают тематические интернет-сайты, предпочитая просмотр телевизора или видео (28,4%).

Достаточно большое количество респондентов во всех кластерах предпочитают проводить время в компании друзей, особенно респонденты с неопределенным опытом (29,9%), которые также чаще проводят время с семьей (16,7%), чем с молодым человеком или девушкой (11,5%), в отличие от представителей других кластеров. Респонденты с асоциальным и антисоциальным опытом чаще проводят время на улице (15,4% и 16,4%). В варианте «другое» часто упоминались экстремальные занятия (маунтинбайк, мотоциклы, лонгборд), занятия спортом (футбол, танцы, боевые искусства) и творчество (декор, цветы, рисование, украшения), а также драки (второй и третий кластеры).

Количественные и качественные исследования подтвердили, что криминальная субкультура существует в форме устойчивого набора паттернов: отказ от учебы и профессии как социально-значимых видов деятельности (или формальное, ритуалистическое отношение к ним), стремление к быстрому достижению материального успеха противоправным путем или с помощью «везения», социальный паразитизм, отсутствие продуктивных увлечений (спорт, творчество, учеба и т.п.), использование агрессии и эксплуатации в качестве доминирующих стратегий в межличностных отношениях, преклонение перед насилием и презрение к интеллекту и высокой культуре, регуляция поведения на основе «понятий» (девиантная ценностно-нормативная матрица), употребление алкоголя и наркотиков, примитивизация лексикона и активное использование ненормативной лексики. У трети криминализированной молодежи субкультурная криминализация сопровождается регулярным

совершением осознанных противоправных действий (кражи, разбой и вымогательство, избияния и притеснения сверстников и т.п.). Большинство представителей «АУЕ» — носители практик *демонстративной* криминализации, поскольку подражают поведению и манере общения реального криминалитета (например, вымогают у сверстников деньги для передачи в пенитенциарные учреждения).

Оценить масштабы виртуальной криминализации проще, поскольку здесь фактор латентности, затрудняющий оценку количества реальных правонарушений, не действует. Самые популярные сообщества криминальной тематики в социальных сетях насчитывают по 150–200 тысяч членов, но количество заинтересованных, но не зарегистрированных пользователей, несомненно, больше. Активная работа правоохранительных органов по блокированию таких ресурсов в сетях Одноклассники и ВКонтакте в 2019–2020 годы привела к их массовому перетеканию в Инстаграм и ТикТок.

Если проанализировать Инстаграм по хештегам (#), то можно обнаружить большое количество публикаций, посвященных «АУЕ»: #ауе — более 340 тысяч публикаций; #ауежизньворам — более 48,5 тысяч; #арестанскийукладедин — более 1000; #блатнойжаргон — более 11,5 тысяч; #беспредел — 135; #вечервхату — 14,1; #ворвзаконе — 119; #доляворовская — 35; #жизньворам — 160; #фартумасти — 33,3 тысяч. Это лишь небольшая часть из общего массива публикаций криминальной тематики в Инстаграме, где также существует множество групп криминальной направленности — наиболее популярные из них приведены в Таблице 1 (практически во всех группах за полгода возросло количество подписчиков, в некоторых — в 10 раз; несколько групп по введенным ранее запросам не были найдены — вероятно были удалены или заблокированы).

Таблица 1

Наиболее популярные группы «АУЕ» в Инстаграме

Название группы	Количество подписчиков
АУЕ... Жизнь ворам	38,8 тысяч человек, преимущественно мужчины кавказских национальностей. Основной статус — «Только бог мне судья». На аватарке — восьмиконечная звезда с надписью *АУЕ*. Размещаются в основном видеосюжеты.
Криминальный мир	84 тысячи, преимущественно мужчины. Основной статус — «Мы и есть криминал». На аватарке — восьмиконечная звезда. Размещаются видеосюжеты.
Те, кому интересен воровской мир	52,9 тысячи, преимущественно мужчины. На аватарке — восьмиконечная звезда и лик Пресвятой Богородицы. Размещаются видеосюжеты.
Здесь криминал	47 тысяч, преимущественно мужчины. Основной статус — «Добро пожаловать в мир криминала». На аватарке — восьмиконечная звезда. Размещаются видеосюжеты.
Криминал в твоей крови	41,8 тысяч, преимущественно мужчины. Основные статусы — «Самая криминальная группа», «Криминал прошлого и современности», «Воры, мошенники, убийцы». На аватарке — восьмиконечная звезда. Размещаются видеосюжеты.

На основе контент-анализа интернет-ресурсов по тематике «АУЕ» был разработан предварительный вариант типологии их пользователей, который включает в себя три основные формы (первичной, игровой, устойчивой вторичной) криминализации и согласуется с наблюдениями подростков, имеющих опыт столкновения с «АУЕ» [12].

1. Адепты первичной криминализации, «дети городских окраин» — представители социально-неблагополучных слоев, чьи представления о самореализации мало связаны с учебой и успешной карьерой. Их повседневная жизнь строится вокруг дворового «тусования» в компании сверстников в сочетании с курением и регулярным употреблением алкоголя. Скука в сочетании с алкоголем часто побуждает их к совершению спонтанных правонарушений — краж или агрессивных действий по отношению к сверстникам. Повседневное поведение и общение конструируется под влиянием криминальных «понятий», транслируемых более взрослыми и «опытными» «наставниками». Являются активными потребителями криминального фольклора и низового музыкального искусства.

2. Адепты игровой криминализации, чаще всего криминализируемая «золотая молодежь» — выходцы из благополучных социальных слоев, «нормальных» семей, где родители успешно работают, а у детей есть перспективное будущее. Распространенной проблемой таких семей является недостаток общения детей и родителей, дефицит внимания, побуждающий детей компенсировать его за счет девиантных форм самоутверждения. Криминализация проявляется прежде всего на уровне субкультурных практик: сленг, манера общения, одежда, копирование поведения героев криминальных боевиков, специфическая активность в социальных сетях. Большинство представителей группы с возрастом перерастают увлечение криминальной романтикой, отказываясь от девиантных жизненных стратегий в пользу нормативных (учеба, карьера).

3. Адепты устойчивой (вторичной) криминализации, «реальные уголовники» — как правило, для «ауезированных» подростков столкновение с правоохранительными органами становится своего рода точкой бифуркации: для одних страх получить реальное наказание в виде лишения свободы становится социальным барьером, возвращающим к нормативным стратегиям при наличии достаточных ресурсов ресоциализации в виде семьи, социального окружения, учебы, работы, позитивных жизненных планов и т.п.; для других — своеобразной криминальной инициацией, закрепляющей криминальную идентичность и готовность к реализации соответствующих девиантных стратегий. Молодежь, прошедшая криминальную социализацию через осознанное совершение правонарушений, взаимодействие с пенитенциарной системой и приобщение к «уголовному братству», становится устойчивым носителем и транслятором идеологии «АУЕ» и соответствующих криминальных ценностей и норм в среду подростков.

Российское общество в XX веке пережило несколько волн подростковой криминализации. Первые две — послереволюционная и послевоенная —

были обусловлены глубокими социально-экономическими потрясениями, беспризорностью и сиротством и были достаточно успешно преодолены советской воспитательной системой. Третья волна (конца 1980-х — начало 1990-х) криминализации затронула не только подростков и молодежь, но все общество. Перестройка и порожденный ею ценностно-нормативный кризис обусловили не просто аномию российского общества, но и нормативную инверсию — замену норм морали и права криминальных «понятиями»: «На некоторое время влияние бандитов стало преобладающим в экономике, политике и повседневной жизни. Бандитская субкультура “обогатила” российскую массовую культуру романами, кинофильмами и песнями соответствующего стиля и содержания, которые, в свою очередь, сделали слова, жесты и нормы новой социальной группы еще более популярными в потерявшем ценностные ориентиры обществе» [1].

Официальная культура, институты социализации и социального контроля на длительное время оказалась неспособна адекватно выполнять нормирующие и социализирующие функции, уступая по степени влияния на подростков масс-медиа и улице. Ситуация стала меняться в начале 2000-х годов — по мере укрепления государственных институтов и коррекции молодежной и культурной политики. Криминальная субкультура приобрела положенные ей черты маргинальности, а определенная респектабельность социального уклада утвердилась в качестве культурного мейнстрима.

«АУЕ» отражает четвертую волну криминализации подростков и молодежи, отличающуюся от предыдущих волн меньшими масштабами и новизной форм социальной репрезентации. Принятые в качестве классических модели объяснения причин подростковой криминализации оказываются здесь недостаточными. Большинство теорий, объясняющих причины девиантного поведения, были созданы в конце XIX — середине XX века в рамках нескольких базовых подходов (функционализм и теория аномии, теория конфликта, интеракционизм и теория наклеивания ярлыков, субкультурная теория) и основывались на изучении «классических» типов криминализации. Разработки, позиционирующие себя как альтернативу девиантологической классике, в большинстве своем носят декларативный и/или нормативно-описательный, а не объяснительный характер. Кроме того, большинство англоязычных публикаций выполнены под влиянием постмодернистской методологии, поэтому их можно отнести к одной из четырех групп: описания в духе социологии повседневности, не занимающиеся поиском глубинных причин; критика социального порядка в терминах неравенства жизненных шансов как главной причины криминализации в духе леворадикального неомарксизма или неотроцкизма; критика социального порядка как репрессивного и порождающих ответную репрессивность в контркультурах; акцент на гендерных различиях приобщения к криминальным ценностям и приобретения криминального опыта. В своем исследовании мы обратились к анализу «глубинных» (культурных и психологических) факторов криминализации.

Факторы подростковой неокриминализации

Как правило, приобщение подростков к противоправным ценностям связывают с социальной исключенностью, отсутствием жизненных шансов, девиантным социальным окружением и т.п. — эти факторы с мощным влиянием можно отнести к явным, «грубым» причинам криминализации. В отношении «детей городских окраин» — обитателей социально-экономического «придона» — эти объяснения достаточно успешно работают. Однако для понимания причин «игровой» или реальной криминализации подростков из благополучных социальных слоев таких объяснений недостаточно.

Анализируя содержание и структуру интересов несовершеннолетних, мы получили интересные данные об их культурных предпочтениях. Оказалось, что мультфильмы чаще всего смотрят респонденты с опытом совершения правонарушений (33,8%), что в два раза превосходит аналогичный показатель у подростков с неопределенным опытом (16,3%). Мы не задавали вопрос, мультфильмы какого содержания имели в виду респонденты, но можно предположить две взаимосвязанные интерпретации. Во-первых, сам факт увлечения мультфильмами в подростковом возрасте свидетельствует о психологическом «застревании» в детстве, инфантильности. Во-вторых, значительная часть современной мультипликационной продукции для детско-подростковой аудитории транслирует образцы антисоциального поведения — цинизм и жестокость по отношению к людям, дискредитацию статуса взрослых, стимулы к противоправным действиям и т.д. Причем во многих мультфильмах такой стиль поведения демонстрируют и положительные персонажи: подростки, идентифицируя себя с этими героями, подражая им, усваивают антисоциальные модели поведения, принимая их как норму.

Поведение респондентов в социальных сетях — основной информационной среде современного подростка — также различается. Все группы молодежи сегодня находятся под влиянием ценностей потребительской культуры, транслируемой масс-медиа, но глубина этого влияния различается. Так, респонденты с антисоциальным опытом (39,4%) чаще состоят в сообществах, посвященных потребительским практикам (мода, одежда и т.п.) и знаменитостям (у других кластеров интерес к этим темам почти вдвое ниже). Компенсация неудовлетворенности собственной жизнью вниманием к жизни звезд — характерный признак незрелого, инфантильного сознания. Уход от реальности в сферу интернет-репрезентаций чужого успеха связан с неспособностью и нежеланием выстраивать и реализовывать позитивный сценарий собственной жизни. В то же время респонденты с неопределенным опытом чаще состоят в сообществах, связанных с социально-полезной деятельностью, например, посвященных экологии и защите животных (18,5%).

Часть респондентов призналась, что интересуется криминальной тематикой. Состоят в сообществах, посвященных субкультуре «АУЕ» и им подобных преимущественно подростки с анти- и асоциальным опытом (15,5% и 16,7% соответственно). При этом реальный уровень интернет-криминализации скорее всего выше.

Особый интерес для социально-психологического портрета поколения представляют ответы респондентов о любимых героях: персонажах популярных в подростковой среде фильмов и книг, исторических деятелях и современниках. Большая часть подростков (40%) затруднилась с ответом на этот вопрос, указать любимого киногероя смогли 33%, литературного — 25%, исторического — 24%. Среди киногероев чаще всего назывались персонажи из экранизаций комиксов: Человек-Паук, Бэтмен (Брюс Уэйн), Локи из «Мстителей», Комедиант, Роршах, Капитан Америка, Железный Человек (Тони Старк), Звездный Лорд, Тор, Хеллбой и др. Человек-Паук и Железный Человек — самые частые ответы у всех групп. Следующие по частоте упоминаний — персонажи из популярных фильмов и сериалов: Бенджамин Баттон, Деймонд (сериал «Дневники вампира»), Джек из «Титаника», Джон Уик, Дрис из «1+1», Дин Винчестер (сериал «Сверхъестественное»), Джагхед, Леонид Верховцев (сериал «Капитанша»), Драко Малфой, Северус Спейс, Форрест Гамп, Штирлиц и др. Среди любимых киногероев упоминались и представители криминального мира: Реджинальд Крей, Тони Монтана, Саша Белый.

Ответы на этот вопрос (мы неоднократно задавали его во многих исследованиях) показывают, что популярный киногерой — это собирательный фантастический персонаж, обладающий сверхспособностями, своего рода «апгрейд» традиционного «хорошего парня», борющегося за правду и справедливость [см. также: 19; 26]. В то же время распространен и образ *инверсивного героя* — симпатичного преступника, смелого и удачливого авантюриста (Саша Белый из «Бригады» и др.), или даже *антигероя* — «плохого парня» (Роршах, Хеллбой, Локи). Помимо киногероев респонденты часто называли известных актеров: Александр Петров, Анджелина Джоли, Сергей Безруков, Бред Питт, Вин Дизель, Джейсон Стэтхем, Джеки Чан, Чарли Чаплин, Дмитрий Нагиев, Силвестр Сталлоне, Марк Уолберг и др. В основном героический дискурс подростковой культуры формируется экшн-кинематографом, преимущественно зарубежного производства. Его содержание отличается простотой, а главными слагаемыми выступают сила, смелость и умение побеждать врагов. Моральные компоненты этой героики примитивны и размыты, легитимируют насилие как полицейского, борющегося с мафией, так и удачливого преступника, сражающегося с полицейскими.

Среди любимых литературных героев чаще всего упоминаются персонажи из произведений русской классики (самый частый — А.С. Пушкин и Евгений Онегин): Акакий Акакиевич, Андрей Болконский, Андрей Соколов, Анна Каренина, Бедная Лиза, Герасим, Георгий Желтков, Евгений Онегин, Маргарита, Муму, Обломов, профессор Преображенский, Пьер Безухов, Родион Раскольников, Ариэль (А. Беляев), Собакевич, Тарас Бульба, Татьяна из «Евгения Онегина» и др. Согласованность ответов, видимо, говорит о том, речь идет не столько о любимых героях, сколько о произведениях, которые недавно проходили на уроках литературы. Любит читать небольшая часть (около 10%) подростковой аудитории — те, кто наряду с основными произведениями из школьной программы упомянули персонажей из произведения А. Дюма, Ш. Бронте, И. Бродского, Э. По, Дж. Лондона, Р. Брэдли и др.

Среди любимых исторических героев респонденты обычно называли политических лидеров, героев войны, деятелей науки, спортсменов, литераторов (самые частотные — Петр I и И.С. Сталин): Жанна Д'Арк, Александр I, Алексей Михайлович, Спиноза, Брежнев, Гай Юлий Цезарь, Гамильтон, Геркулес, Екатерина II, Елизавета, Емельян Пугачев, королева Виктория, Кутузов, Ленин, Ломоносов, Тесла, Николай II, Путин, Александр Македонский и др. — герои явно соответствуют школьной учебной программе, поэтому российских персонажей названо больше

Указали в качестве героев для подражания родителей и близких родственников около 10%. Каждый пятый (18%) выбрал вариант «любимых героев у меня нет — я сам себе герой». Видимо, это проявление и гипериндивидуализма, и бравады, камуфлирующей вакуум ориентиров. В любом случае мем «моя жизнь — мои правила», популярный среди криминализованных подростков, хорошо согласуется с такой «self-героикой».

Один из вопросов исследования касался норм, которыми респонденты руководствуются в повседневной жизни (Табл. 2). Значительная доля респондентов в повседневной жизни руководствуется «понятиями» — почти 16%, т.е. для статистически значимой части подростков и молодежи криминальная ценностно-нормативная матрица является регулятором поведения. Напомним, что опрос проводился в Краснодарском крае — регионе, где влияние криминальной культуры традиционно существенно ниже чем, например, в Забайкалье или Пермско-Уральском регионе. Почти 27% выбравших этот вариант представителей кластера с антисоциальным опытом могут рассматриваться в качестве носителей устойчивой вторичной криминализации, у которых опыт правонарушений связан с осознанным следованием криминальным ценностям. Отличительной чертой криминализованного сознания является крайний эгоизм и нежелание следовать общепринятым правилам — неслучайно респонденты с антисоциальным опытом чаще других выбирали свободный вариант ответа (14,1%), наиболее популярным среди которых был «моя жизнь — мои правила» в разных формулировках.

Таблица 2

Распределение по кластерам ответов на вопрос «Какими правилами и принципами ты руководишься в повседневной жизни?» (%)

Варианты ответа	Группы			Выборка
	Неопределенный опыт	Антисоциальный опыт	Асоциальный опыт	
В соответствии с законом	48,5	31	39,5	41,8
Общечеловеческие ценности	47,9	45,1	52	49
В соответствии с «понятиями»	13,6	26,8	12,5	15,6
Другое	3	14,1	7,2	6,6

С одной стороны, результаты опроса вызывают тревогу, свидетельствуя о статистических значимых деформациях молодежного сознания, обусловленных влиянием криминальной субкультуры. С другой стороны, алармизм

по поводу «потерянного поколения» часто преувеличен: подросткам свойственно бунтовать против общества и декларировать неприятие его норм, но позже большинство превращаются консерваторов и охранителей правил. Здесь важно соотношение *декларативного* и *глубинного* принятия норм и ценностей криминальной культуры. Реальная идеология криминального мира в сознании обывателей, как и многих адептов «игровой» и первичной криминализации, затеняется мелодраматичным криминальным фольклором с его традиционными темами любви к матери, несправедливости наказания и личного мужества героя-одиночки. В реальности же это идеология социальных хищников — превосходства «право имеющих» над «тварями дрожащими». Респондентам задавался вопрос о степени согласия с содержанием такой идеологии (Табл. 3). Наибольшую степень согласия с ней выразили подростки с опытом антисоциального поведения, но так считает и каждый третий опрошенный (почти 37%), и почти столько же затруднились с ответом. В нормативном пространстве молодежной культуры наблюдаются признаки опасной деформации: идеология потребительского гипериндивидуализма, рыночного социал-дарвинизма и криминальные ценности превосходства сильного над слабым усиливают друг друга.

Таблица 3

**«Насколько ты согласен с мнением героя романа Достоевского
“Преступление и наказание”, что все люди делятся на “тварей дрожащих”
и тех, что “право имеют”?» (%)**

Варианты ответа	Группы			Выборка
	Неопределенный опыт	Антисоциальный опыт	Асоциальный опыт	
Полностью согласен	9	16,9	15,2	12,8
Скорее согласен	21,9	35,2	21,2	24
Затрудняюсь ответить	38,2	32,4	33,8	35,5
Скорее не согласен	21,3	8,5	17,2	17,5
Полностью не согласен	9,6	7	12,6	10,3

Таким образом, глубинные («тонкие») причины подростковой криминализации связаны с процессами, происходящими в сфере культуры, прежде всего в повседневности детства, детско-родительских и гендерных отношений. *Первая группа факторов* связана с *деформациями детско-родительских отношений и детства* как особой социокультурной реальности [14; 21; 22]. В детском возрасте формируются базовые личностные качества, критически важные для последующей жизни — способность к *ценностной саморегуляции* (различению добра и зла и готовности строить свое поведение с учетом этого различения) и *экзистенциальная компетентность* (опыт и способность взаимодействия с миром на основе любви и смысла). Наличие в жизни ребенка любимых людей, игрушек, игр, книг и героев создает необходимую духовную, эмоциональную и интеллектуальную базу полноценной социализации,

позволяющей строить гармоничные, наполненные смыслом и любовью, а не потребительские отношения с миром.

Однако в современном обществе потребления вместо нормального опыта любви, требующей длительных, регулярных совместных переживаний ребенка и взрослого, ребенок чаще всего получает либо ее суррогаты (в форме удовольствий, излишней свободы, избалованности и т.п.), либо не получает совсем — развивается *экзистенциально-эмоциональная депривация*, порождающая два типа последствий, оказывающих прямое влияние на приобщение подростков к криминальной субкультуре. Первое — это стремление к *замещающей компенсации*, когда недополученную в детстве любовь родителей ребенок пытается дополнить в подростковом возрасте в группе сверстников, через их признание и одобрение — отсюда особая ценность «мужского братства» в криминальной субкультуре. Стихийные подростковые коллективы (дворовые компании) в опыте совместных экстремальных переживаний, связанных с совершением или имитацией криминальных деяний, наряду с мотивацией гедонистического риска неосознанно стремятся обеспечить интенсивные эмоции доверия, помощи и т.п., т.е. связи первичного типа. Второе — это стремление к *патологической (перверсивной) компенсации* экзистенциально-эмоционального вакуума. Одним из следствий депривации любви (вследствие травматического опыта или избалованности) является снижение способности к эмпатии и стремление компенсировать чувство неполноценности жестокостью и насилием по отношению к слабым — в этом причины немотивированных на первый взгляд проявлений жестокости в подростковой среде и ее оправдание в системе «понятий» «АУЕ» [7].

Вторая группа факторов связана с процессами нарастающего кризиса мужской идентичности [4] как части общего процесса трансформации традиционных форм гендерной идентичности. В ряде случаев трансформация обретает черты *гендерной инверсии*, проявляющейся и в том, что женщины становятся носителями маскулинных черт — склонности к риску, стремления к преодолению препятствий и конкуренции, готовности брать на себя ответственность и принимать решения. Дома и на работе женщины демонстрируют волю, энергию, настойчивость, аскетизм и другие традиционно «мужские» качества, тогда как мужчины — признаки социальной пассивности, депрессивности, инфантилизма, отказ от ответственности, склонность к отступающему или ритуалистическому (по Р. Мертону) поведению. Эти процессы находят отражение и в пространстве социальной мифологии — индустрии кино, литературе и других жанрах массового искусства. Результатом становится наблюдаемый острый дефицит *нормальной (нормативной) маскулинности*, патологические попытки компенсации которого можно наблюдать и в подростковой криминальной субкультуре.

Для воспитания нормального мужчины обществу необходим *дискурс нормативной маскулинности* и механизмы донесения его содержания до

детей, подростков и юношества. Им нужно рассказать, что значит быть мужчиной и показать это на конкретных примерах, в том числе через практику личного общения. Иными словами, нужны, с одной стороны, книги, фильмы, музыка героического содержания и механизмы привлечения к ним аудитории, а, с другой — включенность отцов и вообще мужчин в процессы воспитания и образования. В современном обществе это проблематично: отцы массово выключены из процесса воспитания; в системе образования, прежде всего, на дошкольном и школьном уровнях доминируют женщины; массовое искусство не способно предложить понятные, убедительные и современные образы нормальной (нормативной) мужественности; из медийного дискурса маскулинности изъята моральная составляющая — маскулинность дегуманизируется, ее атрибутами становятся эгоизм и агрессивность; мужской этос разрушается пропагандой ЛГБТ-дискурса. Эти процессы хорошо заметны на уровне социальной практики и в пространстве актуальной социальной мифологии, массового искусства, где все чаще наблюдается опасная тенденция инверсии героя — вместе традиционного сюжета о «хорошем парне, сражающемся с «плохими парнями» за справедливость, героем становится симпатичный негодяй, агрессивный и эгоистичный, воюющий с другими негодьями ради личной выгоды или амбиций.

Таким образом, притягательность криминальной субкультуры для подростков не в последнюю очередь связана с интуитивным поиском доступных образцов маскулинности. В условиях их дефицита в повседневной жизни и виртуальном пространстве представители криминального мира становятся доступной эталонной группой — носителем мужских архетипов. Причины популярности бандитских «понятий» у подростков и молодежи связаны не только с аномией и утратой нравственных ориентиров — ставший популярным в 1990-е годы термин «крутость» (элемент бандитского этоса) соединял в себе такие качества, как сила, агрессивность и успешность — важную часть мужского этоса [2; 8; 27]. «Источником претензий на господство и статус в бандитской среде являлась не столько физическая сила, сколько способность рисковать жизнью при решении споров или в каких-либо экстремальных ситуациях» [1]. Именно в соответствии криминальной (бандитской) субкультуры воинским архетипам, присущем ей культе силы, личной доблести и презрения к смерти заключаются психологические причины ее привлекательности для юношества, которая во многом обусловлена дефицитом иных примеров.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 19-011-00440 «Глубинные причины подростковой (нео)криминализации в современной России».

Библиографический список

- [1] Волков В.В. Силовое предпринимательство, XXI век. Экономико-социологический анализ. URL: <https://profilib.net/chtenie/107230/vadim-volkov-silovoe-predprinimatelstvo-khkhhi-vek-ekonomiko-sotsiologicheskii-analiz.php>.

- [2] Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М., 1994.
- [3] Зимбардо Ф. Эффект Люцифера: почему хорошие люди превращаются в злодеев. М., 2013.
- [4] Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве: игры, порно и потеря идентичности. М., 2017.
- [5] Кэмпбел Дж. Тысячеликий герой. М., 1997.
- [6] Кэррол О. Понятия не имеют. URL: <https://takiedela.ru/2016/02/aue>.
- [7] На Урале отправлены под арест еще двое участников расправы над инвалидом. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/bf8d5314>.
- [8] Оссовская М. Рыцарь и буржуа: исследования по истории морали. М., 1987.
- [9] Остапенко А.А., Хагуров Т.А. Человек исчезающий. Исторические предпосылки и суть антропологического кризиса современного образования. Краснодар, 2012.
- [10] О состоянии преступности среди несовершеннолетних по итогам 2019 года и мерах по ее профилактике. 24.03.2020. URL: <http://www.kdn-krd.ru/deyatelnost-komissii/zasedanie-komissii-ot-24-marta-2020-goda.php>.
- [11] О профилактике повторной преступности среди несовершеннолетних. 01.10.2021. URL: <http://www.kdn-krd.ru/deyatelnost-komissii/zasedanie-komissii-ot-1-oktyabrya-2020-goda.php>.
- [12] Проект «Анти АУЕ». URL: https://vk.com/ayе_has_to_die.
- [13] Проклятье современной молодежи. URL: <https://pismadljaliz.livejournal.com/4399326.html>.
- [14] Риски взросления в современной России: концепции и факты. Опыт социологического анализа / Под науч. ред. Т.А. Хагурова. М., 2013.
- [15] Свендсен Л. Философия зла. М., 2008.
- [16] Социальный портрет преступности. URL: http://crimestat.ru/social_portrait.
- [17] Ссылка на видео доклада Я. Лантратовой Президенту РФ на заседании СПЧ. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=2&v=CFJ-v-RumjE.
- [18] Тарасов А. Страна из трех букв (АУЕ: Кто стоит за криминализацией подростков, вводит их в преступное пространство, или Хроники новой пионерии) // Новая газета. 2017. № 63.
- [19] Троцук И.В., Субботина М.В. Оценка влияния кинематографа на социальные представления о героизме: апробация одного подхода // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 4.
- [20] Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2007.
- [21] Хагуров Т.А. Разрушение детства как предпосылка экстремизации сознания молодежи // Социальная педагогика. 2016. № 3.
- [22] Хагуров Т.А. В поисках утраченного детства // На краю пропасти. Девиантологические этюды об образовании, культуре и политике. Краснодар, 2015.
- [23] Халецкая И. «Вечер в хату»: насколько опасна субкультура АУЕ. URL: <https://ria.ru/society/20170719/1498753809.html>.
- [24] Что такое АУЕ и стоит ли его опасаться. Это «объект поклонения криминальных подростков» или городской фольклор? URL: <https://meduza.io/feature/2017/06/20/chto-takoe-aue-i-stoit-li-ego-opasatsya>.
- [25] Хагуров Т.А. В поисках глубинных причин подростковой (нео)криминализации: от экономической социологии к социологии детства и гендерной психологии // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии: сб. ст. / Под ред. В.В. Коврова. Симферополь, 2019.
- [26] Trotsuk I.V., Subbotina M.V. Three questions to start the sociological study of heroism // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1.
- [27] Van Wees H. Status Warriors: War, Violence, and Society in Homer and History. Amsterdam, 1992.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-322-339

Social-psychological reasons for the spread of the “AUE” subculture (hidden factors of the problem)*

T.A. Khagurov, L.M. Chepeleva

Kuban State University
Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, 350040, Russia
(e-mail: khagurov@mail.ru; lada-chep@mail.ru)

Abstract. The article identifies the deep causes of the new wave of minors’ criminalization in the Russian society. The authors considered the expert opinions on this issue and found them inconsistent; described the main forms of behavior associated with the adoption of criminal values — primary, game, and re-criminalization which usually have different social localization; summarized the historical aspects of adolescent criminalization in the Russian society and its social-cultural factors. Based on the analysis of the official statistics and the results of the empirical studies conducted in 2019–2020 within the project “Deep causes of teenage (neo)criminalization in contemporary Russia” supported by the RFBR, the authors assess the scale of real and virtual criminalization, features of legal outlook, social-psychological well-being, and worldview of criminalized and ‘ordinary’ teenagers. In addition to the traditionally identified causes of criminalization (social-economic and cultural-educational inequality, deprivation, territorial-geographical specificity, etc.), the authors consider social-cultural factors: first, violations in socialization and child-parental relations — as leading to the deprivation of the need for love and recognition of minors by their parents and to the attempts to compensate this deprivation destructively, with criminal practices; second, the types of minors’ heroes, which determine the normative and gender inversion and the spread of the criminal subculture — as a source of the surrogate pseudo-masculine discourse. The authors make a conclusion that the prevention of minors’ criminalization should be based on psychological-pedagogical and social-cultural technologies, the main actors of which are the family, school and state information policy, while the normative-legal technologies of social control, the actors of which are administrative and law enforcement agencies, should focus on the crime-deterrent function.

Key words: “AUE” (“The prison way of life is the only one”); minors’ criminalization; criminal subculture’ causes and factors of criminalization; normative masculinity; deformed child-parental relations

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 19-011-00440 “Deep causes of teenage (neo)criminalization in contemporary Russia”.

References

- [1] Volkov V.V. Silovoe predprinimatelstvo, XXI vek. Ekonomiko-sotsiologicheskyy analiz [Power entrepreneurship, 21st century. Economic-sociological analysis]. URL: <https://profilib.net/chtenie/107230/vadim-volkov-silovoe-predprinimatelstvo-khkhi-vek-ekonomiko-sotsiologicheskii-analiz.php>. (In Russ.).

---

* © T.A. Khagurov, L.M. Chepeleva, 2021

The article was submitted on 20.02.2021. The article was accepted on 02.04.2021.

- [2] Durkheim E. *Samoubiystvo: Sotsiologichesky etyud* [Suicide: A Study in Sociology]. Moscow; 1994. (In Russ.).
- [3] Zimbardo F. *Effekt Lyutsifera: pochemu khoroshie lyudi prevrashchayutsya v zlodeev* [The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil]. Moscow; 2013. (In Russ.).
- [4] Zimbardo F., Coulombe N. *Muzhchina v otryve: igry, porno i poterya identichnosti* [Man (Dis)connected]. Moscow; 2017. (In Russ.).
- [5] Campbell J. *Tysyacheliky geroy* [The Hero with a Thousand Faces]. Moscow; 1997. (In Russ.).
- [6] Carrol O. Ponyatiya ne imeyut [They do not know the ‘notions’]. URL: <https://takiedela.ru/2016/02/ae>. (In Russ.).
- [7] Na Urale otpravleny pod arest eshche dvoe uchastnikov raspravy nad invalidom [In the Urals, two more participants of the violence against the disabled man were arrested]. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/bf8d5314>. (In Russ.).
- [8] Ossovskaya M. *Rytsar i burzhua: issledovaniya po istorii morali* [Knight and Bourgeois: A Study on History of Morality]. Moscow; 1987. (In Russ.).
- [9] Ostapenko A.A., Khagurov T.A. *Chelovek ischezayushchy. Istoricheskie predposylki i sut antropologicheskogo krizisa sovremennogo obrazovaniya* [Disappearing Man. Historical Prerequisites and Essence of Anthropological Crisis in Contemporary Education]. Krasnodar; 2012. (In Russ.).
- [10] O sostoyanii prestupnosti sredi nesovershennoletnikh po itogam 2019 goda i merakh po ee profilaktike [On the state of juvenile delinquency at the end of 2019 and measures to prevent it]. 24.03.2020. URL: <http://www.kdn-krd.ru/deyatelnost-komissii/zasedanie-komissii-ot-24-marta-2020-goda.php>. (In Russ.).
- [11] O profilaktike povtornoy prestupnosti sredi nesovershennoletnikh [On the prevention of re-criminalization of minors]. 01.10.2021. URL: <http://www.kdn-krd.ru/deyatelnost-komissii/zasedanie-komissii-ot-1-oktyabrya-2020-goda.php>. (In Russ.).
- [12] Proekt “Anti AUE” [Project “Anti AUE”]. URL: https://vk.com/aye_has_to_die. (In Russ.).
- [13] Proklyatie sovremennoy molodezhi [The curse of contemporary youth]. URL: <https://pismadljaliz.livejournal.com/4399326.html>. (In Russ.).
- [14] *Riski vzrosleniya v sovremennoy Rossii: kontseptsii i fakty. Opyt sotsiologicheskogo analiza* [Risks of Growing up in Contemporary Russia: Concepts and Facts. A Sociological Analysis]. Pod nauch. red. T.A. Khagurova. Moscow; 2013. (In Russ.).
- [15] Svendsen L. *Filosofiya zla* [A Philosophy of Evil]. Moscow; 2008. (In Russ.).
- [16] Sotsialny portret prestupnosti [Social portrait of crime]. URL: http://crimestat.ru/social_portrait. (In Russ.).
- [17] Ssylka na video doklada Ya. Lantratovoy Prezidentu RF na zasedanii SPCh [Link to the video of Y. Lantratova’s report to the President of the Russian Federation at the HRC meeting]. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=2&v=CFJ-v-RumJE. (In Russ.).
- [18] Tarasov A. Strana iz trekh buk (AUE: Kto stoit za kriminalizatsiyey podrostkov, vvodit ikh v prestupnoe prostranstvo, ili Khroniki novoy pionerii) [Country of three letters (AUE: Who is behind the criminalization of minors, introduces them into the criminal space, or Chronicles of a new pioneer organization)]. *Novaya Gazeta*. 2017; 63. (In Russ.).
- [19] Trotsuk I.V., Subbotina M.V. Otsenka vliyaniya kinematografa na sotsialnye pred-stavleniya o geroizme: aprobatsiya odnogo podkhoda [Assessment of cinematographic influence on social representations of heroism: Approbation of an approach]. *Kommunikologiya*. 2018; 6 (4). (In Russ.).
- [20] Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [The Anatomy of Human Destructiveness]. Moscow; 2007. (In Russ.).
- [21] Khagurov T.A. Razrushenie detstva kak predposylka ekstremizatsii soznaniya molodezhi [Destruction of childhood as a prerequisite for the extremization of the youth outlook]. *Sotsialnaya Pedagogika*. 2016; 3. (In Russ.).

- [22] Khagurov T.A. V poiskakh utrachennogo detstva [In search of the lost childhood]. *Na krayu propasti. Deviantologicheskie etyudy ob obrazovanii, kulture i politike*. Krasnodar; 2015. (In Russ.).
- [23] Khaletskaya I. “Vecher v khatu”: naskolko opasna subkultura AUE [“Good evening to the hut”: How dangerous the AUE subculture is]. URL: <https://ria.ru/society/20170719/1498753809.html>. (In Russ.).
- [24] Chto takoe AUE i stoit li ego opasatsya. Eto “ob`ekt pokloneniya kriminalnykh podrostkov” ili gorodskoy folklor? [What is AUE and is it worth fearing. Is it “the object of adoration of criminal teenagers” or urban folklore?]. URL: <https://meduza.io/feature/2017/06/20/chtotakoe-aue-i-stoit-li-ego-opasatsya>. (In Russ.).
- [25] Khagurov T.A. V poiskakh glubinykh prichin podrostkovoy (neo)kriminalizatsii: ot ekonomicheskoy sotsiologii k sotsiologii detstva i gendernoy psikhologii [In search of the deep causes of minors’ (neo) criminalization: From economic sociology to sociology of childhood and gender psychology]. *Profilaktika deviantnogo povedeniya detey i molodezhi: regionalnye modeli i tekhnologii*: sb. st. Pod red. V.V. Kovrova. Simferopol; 2019. (In Russ.).
- [26] Trotsuk I.V., Subbotina M.V. Three questions to start the sociological study of heroism. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (1).
- [27] Van Wees H. *Status Warriors: War, Violence, and Society in Homer and History*. Amsterdam; 1992.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-340-353

Нравственное воспитание студенческой молодежи в современном обществе*

В.А. Цвык¹, И.В. Цвык^{1,2}

¹Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
Волоколамское шоссе, 4, Москва, 125993, Россия
(e-mail: tsvyk-va@rudn.ru; tsvykirina@mail.ru)

Аннотация. С продвижением современного общества к стадии глобальной цифровизации все большую актуальность приобретают вопросы воспитания личности, его средства и методы. Стратегия научно-технологического развития нашей страны предполагает в том числе формирование определенных мировоззренческих и аксиологических приоритетов, в соответствии с которыми изменяются и воспроизводятся ценностные характеристики информационного общества. Нравственное воспитание представляет собой целенаправленный процесс формирования моральной культуры личности: моральной активности, системы ценностей, нравственных чувств и поведения, соответствующего идеалам и принципам гуманистической морали. Моральная активность как важное качество личности в информационном обществе предполагает внутреннюю потребность в постоянном нравственном совершенствовании, стремление творчески ставить и решать новые, все более сложные задачи технологического развития современного общества. Воспитание у студента такой моральной активности означает также его подготовку к выбору действий, базирующихся на тенденциях динамичного развития современного общества, и поступков, максимально отвечающих конкретной ситуации. Организация нравственного воспитания в вузе складывается из двух основных взаимосвязанных направлений: морального образования и обучения студентов навыкам нравственного поведения. Разносторонняя деятельность вуза не только выступает средством нравственного воспитания, но и является его условием, что требует включения в воспитательный процесс и целенаправленной организации всех видов деятельности вуза. Действенность нравственного воспитания в вузе зависит от системы воздействия на студентов, важными составляющими которой являются: этическое просвещение, преподавание этических дисциплин; развитие устойчивых традиций корпоративной культуры (миссия вуза, система жизненных ценностей, этические кодексы студента и преподавателя и др.); этическая направленность учебного процесса по общетеоретическим и профессиональным дисциплинам; наличие воспитательных компонентов в организации учебного процесса; работа со студентами во внеучебное время, трудовое воспитание, волонтерская деятельность и т.д.

Ключевые слова: мораль; этика; личность; молодежь; ценности; нравственное воспитание; моральная культура; ответственность; информационное общество; информационные технологии; трудовое воспитание; самовоспитание; самооценка

* © Цвык В.А., Цвык И.В., 2021

Статья поступила 15.01.2021 г. Статья принята к публикации 02.04.2021 г.

В последние годы в научной и общественно-политической литературе все чаще утверждается, что в настоящее время практически сформировано глобальное информационное общество — стремительно растет роль информационного сектора экономики, гигантскими темпами развиваются цифровые сети и средства информационных коммуникаций, возрастают масштабы цифровизации. Эти процессы значительно влияют на уклад жизни людей в новой информационной среде обитания. Важной особенностью процессов информатизации общества является глобализация: мировоззрение личности в информационном обществе формируется под воздействием не только ценностных ориентиров конкретной социальной общности, но и информации из внешнего мира в целом — установок и принципов различных культур и народов. Это создает принципиально новую гуманитарную ситуацию, которой в истории человечества никогда не было: между странами и народами существует глобальная взаимосвязь и всеобщая взаимозависимость, от которой ни одна страна, народ и даже индивид не могут уклониться. В этих условиях актуализируется проблема формирования системы моральных ценностей информационного общества, а также неизмеримо возрастает роль нравственного воспитания личности [10. С. 5].

Новая информационная среда предполагает формирование аксиологических приоритетов, в соответствии с которыми изменяются и воспроизводятся ценностные характеристики информационного общества. Технологический прогресс, развитие средств коммуникации многократно увеличивают возможности приобщения людей к духовной культуре, расширяют способы целенаправленного воздействия на нравственное формирование личности. Воспитание личности выступает важной частью ее духовного становления: «Процесс воспитания является одной из ведущих функций общества. При этом не существует одного какого-либо социального института, отвечающего за решение воспитательных задач. В этом деле задействовано множество субъектов, практически все общественные институты, организации, сферы — семья, образовательные и культурные учреждения, властные структуры, общественные организации, средства массовой информации и коммуникации. Залог успеха воспитания молодежи в современных условиях кроется в том, чтобы все осмыслили и приняли как руководство к действию очевидную истину: каждый социальный институт в отдельности и все вместе взятые ответственны за результаты воспитания» [6. С. 5].

Важнейшую роль в этом процессе призвана играть высшая школа. Высшее образование сегодня не ограничивается функцией передачи систематизированных профессиональных знаний, а занимается подготовкой и включением индивида в разные сферы жизнедеятельности общества. При этом образование содержит в себе мощный нравственный потенциал, обусловленный его статусом как социального и политического института: «Оно является всеобщим нравственным способом жизни народа, служит укреплению его государственности, развитию истории и культуры, формированию духовно-нравственных ценностей, гражданского самосознания, при том непереносимом

условии, что национальное самосознание не ограничивается осознанием только своей этнической принадлежности, а отражает межэтнические установки и ценностные ориентации, толерантное отношение к культуре всех живущих рядом народов. Благодаря этому формируется человек-гражданин, личность интегрируется в систему полинациональных культур, а общество посредством образования, особой этики жизнедеятельности, создает себя, базируясь не адекватных формах педагогической и социальной деятельности» [13. С. 10].

Нравственное воспитание как формирование моральной культуры личности

«Воспитание есть социокультурный процесс, предполагающий целенаправленное и планомерное воздействие на личность с целью формирования у нее необходимых механизмов для жизнедеятельности в обществе, создание условий ее духовного и физического развития, обеспечение целенаправленной передачи социально-культурного опыта старших поколений младшим» [9. С. 68]. В исследовательской литературе выделяют разные виды общественного воспитания: умственное, физическое, политехническое, трудовое, профессиональное и пр. Важнейшим видом воспитания личности является нравственное воспитание — когда происходит утверждение в сознании и поведении человека определенных представлений о добре, долге, чести, принципах и нормах морали. Во всех основных функциях воспитательного процесса (передача моральных знаний и опыта, формирование устойчивых навыков нравственного поведения, преобразование их в моральные качества) находит свое отражение специфика морали как общественного явления.

Каждый вид общественного воспитания также направлен на реализацию этих функций. Но если большинство из них предполагает подготовку человека к осуществлению определенного вида деятельности, адекватной приобретенным знаниям и навыкам, то спецификой нравственного воспитания является подготовка индивида ко всякой деятельности. Формируемые в процессе нравственного воспитания моральные качества не проявляются в определенной предметной деятельности, а обнаруживаются во всех видах деятельности. Так, гуманизм, трудолюбие, ответственность и другие моральные качества личности важны в любой деятельности, повышают ее эффективность, характеризуя отношение индивида к другим людям и обществу в целом.

Нравственное воспитание обычно рассматривается как целенаправленный процесс формирования у личности моральной культуры: системы ценностей, нравственных чувств и поведения, соответствующего идеалам и принципам гуманистической морали. Среди основных задач нравственного воспитания выделяют формирование нравственного сознания, его рациональной (нравственные представления, понятия, суждения, ценности) и эмоциональной (переживания) составляющих, становление нравственного поведения и способности его оценки, формирование нравственной позиции личности.

Поскольку формирование моральных качеств — неперенное условие подготовки человека ко всякой деятельности, независимо от ее предметного содержания, важнейшей особенностью нравственного воспитания является его всеобщий характер. Цель нравственного воспитания состоит в том, чтобы личность внутренне усвоила принципы и нормы морали, превратила их из внешних во внутренние способы регуляции поведения — это органическое слияние составляет основную задачу нравственного воспитания, но не единственную. Ускорение социальной динамики в информационном обществе приводит к тому, что развивается и мораль — происходит обогащение принципов и норм морали, их углубление, конкретизация в соответствии с новыми моральными коллизиями, что предъявляет новые требования к методам, формам и эффективности нравственного воспитания, остро ставит вопрос о моральной зрелости и устойчивости личности, о формировании нравственной культуры каждого человека. Соответственно, система нравственного воспитания должна быть направлена и на формирование моральной активности как качества личности нового типа, т.е. на развитие внутренней потребности личности в постоянном моральном совершенствовании, творческого отношения к достигнутому уровню нравственного развития, стремления ставить и решать более сложные моральные задачи и т.д. Творчески-созидательный характер такой личности базируется на подлинно свободном выборе направленности своей деятельности, и развитие творческой активности личности должна обеспечивать воспитательная деятельность — с помощью системы стимулов активизации молодежи, условий для проявления способностей личности, в том числе к нравственным поступкам.

Важнейшая задача нравственного воспитания — формирование моральной культуры личности как «совокупности общественно признанных моральных норм, принципов и идеалов, а также способов их воплощения в нравственных аспектах деятельности. Для адекватной оценки уровня моральной культуры общества и личности важна характеристика не только системы нравственных ценностей — объективных и субъективных — но и сознательных мотивов, побуждений, стимулов, способов деятельности личности, соответствующих или противоречащих общественным моральным идеалам, нормам и правилам» [7. С. 47–49].

Прямым следствием глобализации информационных процессов стало изменение сути процесса формирования мировоззрения: меняется не только содержание наших знаний о мире, но и способы их получения, воспроизведения и передачи, что, в конечном счете, воздействует на внутренние структуры личности и процесс формирования ценностей. Все более возрастающее влияние на личность средств массовой коммуникации сегодня принято рассматривать в контексте опасных тенденций, связанных с усложняющейся проблемой отбора качественной и достоверной информации, уходом молодежи в сетевые структуры с высоким уровнем анонимизации, что снижает степень ответственности личности за свои действия и т.д. Массовый перевод

образовательного процесса на цифровые платформы может привести к его дегуманизации — уходу духовного компонента, который в традиционных форматах обучения обеспечивался личностью педагога, его нравственным воздействием на обучающихся. Важно не просто сохранить воспитательный компонент в образовании, но и усилить его — дальнейшее научно-технологическое развитие общества немислимо без высокого уровня моральной культуры личностей, его обеспечивающих.

В то же время обвинять информационные технологии в падении нравов, деформации сознания, затруднении моральной социализации непродуктивно. Сами по себе компьютерные технологии не могут менять ни существующие этические нормы, ни мотивацию личности к нравственному поведению — они лишь увеличивают технические и операционные возможности как для моральных поступков, так и для аморальных. В этих условиях неизмеримо возрастает роль нравственного воспитания, которое также должно использовать всю мощь доступных информационных средств воздействия на личность.

Росту моральной культуры молодежи призвано способствовать не только улучшение условий труда, быта, культурной и общественной жизни, но и воздействие позитивного образца поведения, информации, системы обучения и воспитания. Огромную роль играет усвоение общечеловеческих духовных ценностей — добра, справедливости, долга, совести, чести, ответственности, благородства и др. Осознание их приоритета над узкогрупповыми, национальными, корпоративными и иными интересами обусловлено тем, что в информационном обществе человечество все в большей мере становится единым социумом, хотя и противоречивым, что объясняется качественно новым характером социальных связей и обострением глобальных проблем, которые могут быть решены только посредством объединенных усилий мирового сообщества. Осмысление задач нравственного воспитания в современном общественном развитии активизирует роль этических аспектов воспитания молодежи, неотъемлемой частью которого должно стать формирование патриотизма, коллективизма и ответственности как моральных стимулов действий. В современном обществе необходимо вернуться к решению поставленных еще в конце XX века задач научной организации нравственного воспитания молодежи.

Ценностный подход к содержанию нравственного воспитания молодежи

Научная организация нравственного воспитания определяет его как процесс, который имеет двусторонний характер, свою логику и механизм усвоения нравственности. Двусторонний характер нравственного воспитания определяется тем, что оно включает в себя деятельность субъекта и объекта воспитания, т.е. целенаправленное воздействие воспитателей на воспитуемого и его поведение — воспитуемый усваивает нравственные нормы и принципы, вырабатывает активную жизненную позицию, сознательное отношение

к своему делу, обязанностям и отношениям с другими людьми. Для повышения эффективности нравственного воспитания важно исследовать его психологическую и социальную сущность, логику преобразования сложившихся в обществе нравственных норм во внутренние ориентиры личности. Эта логика порой не так проста, как выглядит на первый взгляд: представление воспитательного процесса как механического внедрения в личность нравственных черт независимо от ее позиции, потребностей, интересов и предпочтений приводит к абсолютизации стандартного этического просвещения, зачастую сводимого к ознакомлению личности с требуемыми от нее формами поведения. Порой считается, что достаточно познакомить молодого человека с принятыми в обществе нравственными нормами и принципами, внешнее соблюдение которых трактуется как их внутреннее личностное приятие.

Чтобы понять, почему выполнение нравственных требований, соблюдение нравственных норм не всегда ведут к обязательному их усвоению, необходимо помнить, что морально воспитанную личность характеризует внутреннее принятие нравственных принципов и норм как ориентиров собственного поведения. Нравственно-регулирующая роль долга, совести, чести и ответственности, выполнение нравственных принципов и норм по внутреннему убеждению, когда внешние требования если и определяют нравственный поступок, то лишь преломляясь через интеллектуальную и эмоциональную сферы личности, становятся внутренним требованием морально воспитанной личности. Нравственное воспитание осуществляется, только если в системе целенаправленных воздействий, в деятельности молодых людей учитываются их потребности, интересы, уровень интеллектуальной и моральной культуры, — тогда нравственные нормы и принципы обретают личностный характер. Особенно это справедливо для студентов, каждый из которых представляет собой в достаточной мере сложившуюся личность — с системой взглядов и предпочтений, определенными формами нравственного поведения. Однако считать непродуктивным нравственное воспитание молодежи только на том основании, что они уже сложившиеся личности, ошибочно. Ценностный мир личности динамичен и подвижен, особенно в современном обществе, где темпы социальной динамики ускоряются. Подлинная интериоризация нравственных норм и принципов в процессе нравственного воспитания молодежи в значительной степени зависит от ценностного мира личности и социальной среды, в которой личность существует.

Ценности часто рассматриваются в связи с возможностью реализации сущностных сил человека, нравственного совершенствования и личностного развития. Ценность — одно из ключевых нравственно-ориентированных понятий, воплощающих в себе совокупность общезначимых нравственных категорий как эталонов должного [3. С. 33]. Ценностная ориентация личности — это взаимная ответственность, верность долгу, терпимость, порядочность, нацеленность на сотрудничество. Без соблюдения этих элементарных принципов невозможно обрести свободу — в творчестве, в лич-

ностной самореализации. При изучении процесса усвоения моральных норм, принципов и идеалов важно учитывать связи интеллектуального и эмоционального в их оценке. Включая в себя познавательный и эмоциональный компоненты, оценка способствует как познанию моральных ценностей, так и определенному личностному отношению к ним.

В процессе формирования нравственных ценностей молодежи крайне важно гармоничное соотношение знания и переживания. Принятие молодым человеком тех или иных принципов как лично значимых предполагает их соответствующую оценку, т.е. единство осознания и переживания, установление связи между знаниями и чувствами. Таким образом, в основе механизма усвоения нравственных норм и принципов в ходе нравственного воспитания лежит установление связи между нравственными знаниями и положительным эмоциональным отношением к ним в результате формирования личностного смысла принципов и норм и его осознания. Органичная связь между знанием нравственного личностного смысла деятельности и его переживанием — условие, которое определяет срабатывание механизма усвоения нравственных норм и принципов и способствует единству сознания и поведения молодого человека. Основываясь на ценностном подходе к усвоению нравственности, можно объективно оценить воспитательные возможности высшей школы.

Нравственное воспитание молодежи в вузе

В нравственном воспитании необходимо различать две тесно взаимосвязанные функции: целевую функцию воспитательной деятельности — показывая ее направление; организационно-методическую функцию воспитательной деятельности — разрабатывая принципы организационной системы воздействия на личность, обеспечивающего наиболее эффективное усвоение ею моральных норм общества. Теоретический анализ специфики и содержания нравственного воспитания важен для практической воспитательной работы в разных коллективах. Необходимо учитывать также особенности конкретного коллектива, как его профиль, уровень развития, накопленный опыт, традиции в организации воспитательной работы и др. Так, к средствам нравственного воспитания студенческой молодежи в вузе относятся общие и специфические методы и формы. Нравственное просвещение как метод состоит в информировании молодежи в области морали и в обсуждении нравственных проблем — для формирования знаний о нравственных нормах. Другим методом является вовлечение молодежи в деятельность — трудовую, общественную, художественную, спортивную и пр., но не подменяя нравственно-воспитательную деятельность досугово-развлекательной.

Организация нравственного воспитания в вузе складывается из двух взаимосвязанных направлений: морального образования и обучения навыкам нравственного поведения. Все виды деятельности вуза, весь его уклад должны быть организованы так, чтобы оказывать моральное воздействие на студента.

Действенность нравственного воспитания в вузе зависит от системы воздействий на студентов, в которую входят: традиции нравственного воспитания, сформированная и формализованная корпоративная культура (миссия вуза, система жизненных ценностей, кодексы чести и др.); преподавание этических дисциплин, знакомство молодежи с теоретическими достижениями этической мысли; этическая направленность учебного процесса по общетеоретическим и профессиональным дисциплинам; организация учебного процесса и работа со студентами во внеучебное время; организация практики, вовлечение студентов в общественную и трудовую деятельность и пр. [23. С. 56–57].

Большую роль в развитии нравственной культуры студентов играет изучение дисциплин «Этика», «История этических учений», «Профессиональная этика» и др. Но нравственно-воспитательное воздействие на студента оказывает не только цикл этических дисциплин. Этическая направленность — одно из важнейших требований к преподаванию всех дисциплин. Безусловно, моральное образование через учебный процесс по профилирующим дисциплинам имеет свою специфику: особый акцент должен быть сделан на раскрытии таких моральных аспектов дисциплин, как гуманистическая направленность использования информационных технологий, экологическая направленность науки, роль человеческого фактора в условиях ускоряющегося научно-технологического развития. Нравственное воспитание через специальность должно быть направлено на формирование патриотизма, коллективизма, чувства гордости за достижения российской науки и техники и т.д.

Организация нравственного воспитания студентов в вузе требует взаимодействия всех подразделений, департаментов и кафедр, согласованности их действий, внесения соответствующих корректив в учебные программы и методику преподавания [11. С. 52]. Вся эта работа может быть успешно выполнена благодаря специальной методологической подготовке профессорско-преподавательского состава и менеджмента вуза, поскольку уровень квалификации преподавателя и сотрудника вуза в информационном обществе определяется не только его узкопрофессиональными знаниями и мастерством, но и уровнем мировоззренческой, методологической и технологической подготовленности. В значительной степени эта сторона подготовки преподавателей и сотрудников вуза обеспечивается системой повышения квалификации, дополнительного профессионального образования, участием в разного рода формах учебы и методологических семинарах.

Морально-воспитательное воздействие на студента неотделимо от личности преподавателя, его нравственного облика. В российских вузах традиционно высок моральный статус ученого и преподавателя, что требует постоянного нравственного воспитания профессорско-преподавательского состава [20. С. 404]. Нередко отношение к профессии, интерес к наукам у студентов пробуждает личность преподавателя, его увлеченность, творческий поиск и широта кругозора. Поэтому профессорско-преподавательский и управленческий составы вуза должны владеть новейшими образовательными

технологиями и стремиться к повышению профессиональной квалификации и педагогического мастерства [16. С. 110].

Эффективность нравственного воспитания в коллективе вуза во многом определяется его моральным климатом, правильной организацией разных сфер деятельности. Моральные знания студентов должны подкрепляться соответствующими поступками, для чего необходимо создание условий, благоприятствующих нравственным отношениям в коллективе. От трудовой и учебной дисциплины и выполнения правил внутреннего распорядка до реализации научных принципов организации учебного процесса, от заботы о бытовом обслуживании студентов до организации их общественной и трудовой деятельности — таков круг моральных проблем, подлежащих регулированию в процессе воспитательной деятельности в вузе в интересах развития морального сознания студента как базирующееся на принципах и нормах морали современного общества.

Этой целью не исчерпываются задачи нравственного воспитания в конкретном вузе, где происходит становление специалиста определенного профиля. Общие задачи нравственного воспитания должны дополняться задачами привития студентам навыков профессиональной морали — как в рамках курсов профессиональной этики по направлениям подготовки, так и во время ознакомительной и производственной практики. Мощным средством выработки высоких моральных качеств выступает незаслуженно забытое, но начавшее возрождаться в высшей школе трудовое воспитание молодежи. Совместный труд на добровольных началах — участие в субботниках по благоустройству территории, шефская, волонтерская работа, студенческие строительные отряды — является эффективной формой воспитания моральных мотивов трудовой деятельности.

Таким образом, в современных условиях процесс нравственного воспитания в высшем учебном заведении представляет собой комплекс целенаправленных воздействий, преследующих общую цель — формирование целостной, гармонично развитой личности, способной к нравственному поведению в динамично развивающемся обществе. Важнейшей составляющей нравственного воспитания молодежи в вузе является самовоспитание: при условии правильной организации воспитательного процесса в вузе вполне реально создать благоприятные условия для нравственного самовоспитания молодежи. Для этого вузы должны сосредоточить усилия на интенсификации учебно-воспитательной работы, совершенствовании содержания преподавания, сопряжении обучения с научной работой, всемерном развитии творчества студенческой молодежи и использовании наиболее эффективных форм и методов обучения и воспитания.

При организации воспитательного процесса в вузе следует учитывать тот факт, что для студенческой молодежи наряду с общими возрастными особенностями, обусловленными высокими темпами информатизации современной жизни, характерны и специфические социально-психологические черты,

поскольку молодые люди уже выбрали будущую профессию, у них складываются профессиональная жизненная перспектива. Увлеченность избранной специальностью и знание требований, предъявляемых обществом к деловым и моральным качествам специалиста, — мощный побудительный стимул к работе над собой. При этом в сознании большинства студентов хорошая профессиональная и жизненная перспективы неразрывно связаны не только с высоким уровнем профессионального образования, но и с непрерывным самообразованием и самовоспитанием [1. С. 40]. Будущая профессиональная деятельность, стремление успешно вписаться в профессию, стать значимым членом профессионального сообщества жизненно значимы для многих молодых людей, поэтому знание профессионально-этических требований к специалистам, сведения о нравственном облике наиболее выдающихся представителей профессии воспринимаются студентами как лично-значимые, способствуют усвоению правильных критериев самооценки, побуждают к выработке высоких моральных качеств наряду с профессиональными. Формирование у студента личностного смысла самовоспитания происходит наиболее эффективно, если в его сознании сложился идеал профессионала, где гармонично слиты профессиональные и моральные качества. Поэтому важным и действенным механизмом мотивации к самовоспитанию студентов могут стать встречи с выпускниками вуза, наиболее успешными в своей профессиональной деятельности.

Потенциальные возможности студентов, обусловленные имеющимся у них к моменту поступления в вуз социальным опытом, мировоззрением, владением информационными технологиями и степенью развития нравственных качеств, в целом достаточны для адекватной и устойчивой самооценки как необходимого условия самовоспитания. Самооценка личности формируется в процессе ее деятельности в социальной группе, в ходе развития межличностных отношений, поэтому важное условие формирования адекватной самооценки — выявление противоречий между уровнем притязаний и возможностями человека, между требованиями социального окружения и развитием личностных качеств. Наиболее полно подобные противоречия выявляются в ходе совместной деятельности студентов, в первую очередь, учебной, но также внеучебной — трудовой, культурной, спортивной и т.д. В учебной деятельности способом формирования адекватной самооценки могут служить, например, коллективные обсуждения и взаимные рецензирования студенческих научных работ, докладов и рефератов на практических занятиях. Подобное взаимное рецензирование — одно из средств активизации познавательной и научно-исследовательской деятельности студентов, но в воспитательных целях следует принимать во внимание не только интеллектуальную, но и профессионально-этическую составляющую, т.е. оценивать не только содержание и глубину раскрытия проблемы, творческий подход и новизну, но и научную добросовестность, ответственность, принципиальность, стремление отстаивать свою точку зрения.

Важным фактором самовоспитания студентов выступает изучение профессионально-этической составляющей исследовательской деятельности: проблема авторства и соавторства, правила цитирования, недопустимость и нравственное осуждение плагиата, этика ведения научных дискуссий должны изучаться и обсуждаться не только в рамках специализированных курсов «Этика науки», «Этика деловых отношений», «Компьютерная этика», «Профессиональная этика» и др., но и как составная часть методологии научных исследований, при работе с научным руководителем в ходе написания курсовых и выпускных квалификационных работ.

Другим важнейшим фактором самовоспитания студентов является участие в трудовой, волонтерской, культурно-досуговой деятельности. Подобная форма работы дает молодым людям возможность проверки собственных возможностей и качеств. Осознание способности к безвозмездной, общественно-необходимой и полезной деятельности помогает развитию нравственной самооценки, содействует формированию правильных критериев нравственной оценки и самооценки. Научная информация о критериях нравственного отношения к труду, собственный опыт их практического применения, корректируемый социальным окружением (преподаватели, сокурсники), способствуют нравственному воспитанию студентов, формированию у них ответственного отношения к учебе, научной деятельности, будущей профессии и совершенствованию самооценки как предпосылки самовоспитания.

Информация о финансировании

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Библиографический список

- [1] Буянова Г.В. Основные направления воспитательной деятельности в системе современного высшего образования // Перспективы науки и образования. 2019. № 1.
- [2] Васильева З.И. Гуманистические ценности образования и воспитания (90-е гг. XX в. Россия). СПб., 2003.
- [3] Воспитание молодежи: проблема формирования ценностей в условиях информационного общества / В.А. Цвык, И.В. Цвык и др. М., 2020.
- [4] Головаха Е.И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов / Сост. Л.В. Куликов. СПб., 2000.
- [5] Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М., 2009.
- [6] Ендовицкий Д.А., Бубнов Ю.А., Гайдар К.М. Актуальные проблемы воспитания молодежи в современной России // Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования. 2017. № 2.
- [7] Капто А.С. Профессиональная этика. М., 2006.
- [8] Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М., 2007.
- [9] Леонтьев Д.А. Личностное изменение человеческого развития // Вопросы психологии. 2013. № 3.
- [10] Научно-технический прогресс и этическая парадигма XXI века / В.А. Цвык, И.В. Цвык и др. М., 2018.
- [11] Резниченко М.Г. Исследование эффективности построения воспитательного пространства вуза // Человек и образование. 2009. № 3.

- [12] Хоменко Е.В., Вуйчич Е.А. Нравственное воспитание студенческой молодежи в условиях высшей школы // Гуманитарная парадигма. 2017. № 2.
- [13] Цвык В.А. Этика высшей школы (на примере Российского университета дружбы народов) // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2016. № 3.
- [14] Чалдышкина Н.Н., Лоскутова Р.Р. Концепция духовно-нравственного воспитания студенческой молодежи в условиях современного вуза // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. II. № 1.
- [15] Шалова С.Ю. Профессиональные ценности в системе ценностных ориентаций студентов педвуза // Науковедение. 2013. №3.
- [16] Этика высшей школы / В.А. Цвык, И.В. Цвык и др. М., 2016.
- [17] Bardi A., Lee J.A., Towfigh N., Soutar G. The structure of intra-individual value change // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 97.
- [18] Berleur J. Ethique et autoroutes de l'information // *Rapports du Groupe CAPAS-CAWET*. Bruxelles, 2000.
- [19] Evens J. Reinterpreting professionalism as a discourse of social control and occupational change // Svenson L., Evetts J. (Eds.). *Conceptual and Comparative Studies of Continental and Anglo-American Professions*. Goteborg, 2003.
- [20] Moiseenko M.V., Savvina O.V., Mukhametzhanova V.S., Kosorukova A.A. Code of ethics as an instrument for maintaining professional ethics of university professors // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts. SGEM, 2016.
- [21] Schwartz S.H. Culture matters: National value cultures, sources and consequences // C.-Y. Chiu, Y.Y. Hong, S. Shavitt, R.S. Wyer (Eds.). *Understanding Culture: Theory, Research and Application*. N.Y., 2009.
- [22] Tsvyk V.A., Tsvyk I.V. Professional development in information society: Challenges and prospects // *RUDN Journal of Sociology*. 2018. Vol. 18. No. 3.
- [23] Tsvyk V.A., Tsvyk I.V. Moral education of the youth in information society // *Voprosy Filosofii*. 2020. No. 4.
- [24] Tsvyk V.A., Tsvyk I.V. Moral values of professional activity in information society // *RUDN Journal of Sociology*. 2019. Vol. 19. No. 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-340-353

Moral education of students in the contemporary society*

V.A. Tsvyk¹, I.V. Tsvyk^{1,2}

¹RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Moscow Aviation Institute (National Research University)

Volokolamskoe Shosse, 4, Moscow, 125993, Russia

Abstract. With the advancement of the contemporary society to the stage of global digitalization, the issues of personality education, its means and methods are becoming increasingly important. The strategy of Russia's scientific-technological development presupposes, among other things, the formation of certain ideological and axiological priorities, in accordance with which the value characteristics of the information society change and reproduce. Moral education is a purposeful development of the personal moral culture: moral activity, system of values, moral

---

* © V.A. Tsvyk, I.V. Tsvyk, 2021

The article was submitted on 15.01.2021. The article was accepted on 02.04.2021.

feelings and behavior that corresponds to the ideals and principles of humanistic morality. Moral activity as an important personal quality in the information society presupposes an internal need for continuous moral improvement, a desire to creatively set and solve new, increasingly complex tasks of the technological development. The development of such moral activity of the student also means his ability to choose actions on the basis of the contemporary trends of the dynamic social development, and to choose actions that are the most appropriate for a specific situation. The organization of moral education at the university consists of two main interrelated directions: moral education and teaching students the skills of moral behavior. Complex activities of the university serve not only as a means of moral education but also as its condition, which requires their inclusion in the educational process and purposeful organization. The efficiency of moral education at the university depends on the system of influence on students, and its main components are as follows: ethical education and teaching ethical disciplines; development of sustainable traditions of corporate culture (mission of the university, system of life values, ethical codes of students and teachers, etc.); ethical orientation of general-theoretical and professional disciplines; moral-educational components in the organization of the educational process; non-learning activities with students, labor education, volunteer activities, etc.

Key words: morality; ethics; personality; youth; values; moral education; moral culture; responsibility; information society; information technologies; labor education; self-education; self-esteem

Funding

This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

References

- [1] Buyanova G.V. Osnovnye napravleniya vospitatelnoi deyatel'nosti v sisteme sovremennogo vysshego obrazovaniya [Main directions of educational activity in the contemporary higher education]. *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya*. 2019; 1. (In Russ.).
- [2] Vasilieva Z.I. *Gumanisticheskie tsennosti obrazovaniya i vospitaniya (90-e gg. XX v. Rossiya)*. [Humanistic Values of Education and Upbringing (the 1990s, Russia)] Saint Petersburg; 2003. (In Russ.).
- [3] *Vospitanie molodezhi: problema formirovaniya tsennostei v usloviyakh informatsionnogo obshchestva* [Youth Education: The Issue of Values Development in the Information Society]. V.A. Tsvyk, I.V. Tsvyk et al. Moscow; 2020. (In Russ.).
- [4] Golovakha E.I. Zhiznennaya perspektiva i tsennostnye orientatsii lichnosti [The life perspective and value orientations of the personality]. *Psikhologiya lichnosti v trudah otechestvennykh psikhologov*. Sost. L.V. Kulikov. Saint Petersburg; 2000. (In Russ.).
- [5] Danilyuk A.Ya., Kondakov A.M., Tishkov V.A. *Kontseptsiya dukhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya lichnosti grazhdanina Rossii* [The Concept of the Personal Spiritual-Moral Development and Education of the Russian Citizen]. Moscow; 2009. (In Russ.).
- [6] Endovitsky D.A., Bubnov Yu.A., Gaidar K.M. Aktualnye problemy vospitaniya molodezhi v sovremennoi Rossii [Topical issues of the youth education in contemporary Russia]. *Vestnik VGU. Seriya: Problemy Vysshego Obrazovaniya*, 2017; 2. (In Russ.).
- [7] Kapto A.S. *Professional'naya etika* [Professional Ethics]. Moscow; 2006. (In Russ.).
- [8] Lebedeva N.M., Tatarko A.N. *Tsennosti kultury i razvitie obshchestva* [Values of Culture and Development of Society]. Moscow; 2007. (In Russ.).
- [9] Leontiev D.A. Lichnostnoe izmenenie chelovecheskogo razvitiya [Personal dimension of human development]. *Voprosy Psikhologii*. 2013; 3. (In Russ.).
- [10] *Nauchno-tekhnicheskyy progress i eticheskaya paradigma XXI veka* [Scientific-Technological Progress and Ethical Paradigm of the 21st Century]. V.A. Tsvyk, I.V. Tsvyk et al. Moscow; 2018. (In Russ.).

- [11] Reznichenko M.G. Issledovanie effektivnosti postroeniya vospitatelnogo prostranstva vuza [The study of the efficiency of the university educational space]. *Chelovek i Obrazovanie*. 2009; 3. (In Russ.).
- [12] Khomenko E.V., Vuichich E.A. Nравstvennoe vospitanie studencheskoi molodezhi v usloviyakh vysshei shkoly [Moral education of students in the higher education]. *Gumanitarnaya Paradigma*. 2017; 2. (In Russ.).
- [13] Tsvyk V.A. Etika vysshei shkoly (na primere Rossiiskogo universiteta družby narodov) [Ethics of higher education (on the example of the RUDN University)]. *RUDN Journal of Philosophy*. 2016; 3. (In Russ.).
- [14] Chaldyshkina N.N., Loskutova R.R. Kontsepsiya dukhovno-nравstvennogo vospitaniya studencheskoi molodezhi v usloviyakh sovremennogo vuza [The concept of spiritual-moral education of students in the contemporary university] *Yaroslavsky Pedagogichesky Vestnik*. 2014; II (1). (In Russ.).
- [15] Shalova S.Yu. Professionalnye tsennosti v sisteme tsennostnykh orientatsiy studentov pedvuza. [Professional values in the students' system of value orientations in the teacher training university]. *Naukovedenie*. 2013; 3. (In Russ.).
- [16] *Etika vysshei shkoly* [Ethics of Higher Education]. V.A. Tsvyk, I.V. Tsvyk et al. Moscow; 2016. (In Russ.).
- [17] Bardi A., Lee J.A., Towfigh N., Soutar G. The structure of intra-individual value change. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009; 97.
- [18] Berleur J. Ethique et autoroutes de l'information. *Rapports du Groupe CAPAS-CAWET*. Bruxelles; 2000.
- [19] Evens J. Reinterpreting professionalism as a discourse of social control and occupational change. Svenson L., Evetts J. (Eds.). *Conceptual and Comparative Studies of Continental and Anglo-American Professions*. Goteborg; 2003.
- [20] Moiseenko M.V., Savvina O.V., Mukhametzhanova V.S., Kosorukova A.A. Code of ethics as an instrument for maintaining professional ethics of university professors. *3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts*. SGEM; 2016.
- [21] Schwartz S.H. Culture matters. C.-Y. Chiu, Y.Y. Hong, S. Shavitt, R.S. Wyer (Eds.). *Understanding Culture: Theory, Research and Application*. New York; 2009.
- [22] Tsvyk V.A., Tsvyk I.V. Professional development in information society: Challenges and prospects. *RUDN Journal of Sociology*, 2018; 18 (3).
- [23] Tsvyk V.A., Tsvyk I.V. Moral education of youth in the information society. *Voprosy Filosofii*. 2020; 4.
- [24] Tsvyk V.A., Tsvyk I.V. Moral values of professional activity in information society. *RUDN Journal of Sociology*, 2019; 19 (3).

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-354-364

К истокам методологии социального знания в России: А.С. Лаппо-Данилевский и современные дискуссии*

П.А. Владимиров, А.В. Лебедева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: vladimirov_p_a@ru; lebedeva-av@rudn.ru)

Аннотация. Статья раскрывает аспекты становления социологического знания в России, обусловленные научной и организаторской деятельностью А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919). Его вклад в развитие российской социальной и гуманитарной мысли связан преимущественно с разработкой основ истории, историографии и источниковедения, что широко отмечено в научно-исследовательской литературе. Однако вклад ученого в становление социологии, обозначение специфики ее предмета и создание модели системных курсов по исторической реконструкции социологического знания остаются открытыми темами для изучения. В статье рассмотрена проектная составляющая наследия Лаппо-Данилевского и предложенная им стратегия создания межпредметной методологии социальных наук. Цель статьи — описание вклада ученого в становление российской социологии, что позволит не только уточнить истоки социального знания в России, но и актуализировать наследие Лаппо-Данилевского. Авторы ставят новые вопросы и проблематизируют исследовательский потенциал трудов российских ученых на рубеже XIX–XX веков, что имеет перспективы для дополнения истории и методологии социологии. Последовательное описание деятельности Лаппо-Данилевского — от формирования институциональных основ российской социологии до проработки методологических принципов социального знания — ставит вопрос о влиянии позитивизма и неокантианства на научное сообщество. С другой стороны, изучение научной и организаторской деятельности Лаппо-Данилевского позволяет расширить область истории и методологии социологии, дополнив ее описанием институционализации социологии в России. Проблематика оснований социологического знания неизменно отсылает к трем моментам: созданию методологии, демаркации со смежными дисциплинами и раскрытию исторической составляющей становления социологии в академической среде. В статье также отмечены современные дискуссии, в которых социологическое наследие Лаппо-Данилевского рассматривается не только с позиций исторической реконструкции становления социального знания, но и в междисциплинарной предметности современной социологии.

Ключевые слова: история социологии; методология социологии; методология истории; междисциплинарность; Русское социологическое общество; Лаппо-Данилевский; русское неокантианство

Становление методологии социологического знания в России было обусловлено возрастающим интересом научного сообщества к повышению

---

* © Владимиров П.А., Лебедева А.В., 2021

Статья поступила 16.02.2021 г. Статья принята к публикации 02.04.2021 г.

точности анализа социальных процессов с целью прогнозирования их динамики. Тот факт, что общественные отношения и социальная жизнь не могут быть объективно рассмотрены в отдельных науках, привел к популяризации идей французского и английского позитивизма. В России имелись предпосылки для развития социологического знания к началу XIX века, однако отсутствовал вектор развития единой методологии. Позитивизм предлагал теоретическую базу для изучения общества и удовлетворял критерию естественнонаучной объективности данных. Однако становление социологии в России было сопряжено с дисциплинарной демаркацией социологических исследований по отношению к смежным направлениям. В то же время проявилась ограниченность позитивизма в анализе социальной динамики, особенно в соотношении с историей. Прогнозирование общественных процессов требовало дополнения или критического пересмотра имеющихся методов при сохранении ориентации на точность и фактологичность. После распространения идей О. Конта во второй половине XIX века во Франции, Германии и России наметилась необходимость оформления целостной методологии изучения социальных явлений [22]. Позитивизм воспринимался как первая попытка оформления социологии, в которой еще отсутствовал инструментарий для раскрытия отдельных социальных явлений, но был обозначен общий мотив социологического знания — изучение общества во всем его многообразии как уникального объекта. Позитивизм был воспринят рядом российских ученых в качестве метатеории социологии и общественного развития.

В конце XIX века в России изучение социальных явлений осуществлялось преимущественно в рамках истории, теории права (юриспруденции), философии, филологии и психологии поведения человека. С момента распространения идей позитивизма среди российских ученых начинает формироваться представление о необходимости создания социологических курсов, а затем и специализированных учебных заведений и научных центров (отделов Академии наук и научных институтов). Одновременно была поставлена задача создания методологической базы социологии — у ее истоков стояли ученые, сначала объединенные «Русской школой» историков и социологов, а затем Социологическим обществом.

В ряду основоположников российской социологической мысли выделяется первый председатель Русского социологического общества — А.С. Лаппо-Данилевский. Его вклад в становление социологии, истории, философии, правоведения, источниковедения и историографии был отмечен как коллегами, так и современными исследователями. Так, А.В. Малинов описал социологическое и философское наследие Лаппо-Данилевского, С.Н. Погодин и Е.В. Ростовцев сосредоточились на историко-социологической реконструкции его исследований, М.Ф. Румянцева — на вкладе Лаппо-Данилевского в становление истории и источниковедения в России [14] и т.д.

Лаппо-Данилевский полагал, что для развития социологии в России имеются все условия — от накопленного исследовательского опыта и высококвалифицированных специалистов (Н.И. Кареев, И.М. Гревс, К.М. Тахтерев,

П.А. Сорокин и др.) до материалов по изучению социальной среды (история России и реорганизации социальных отношений). Проблемы институционализации социологии — создания специализированных подразделений в академической среде — Лаппо-Данилевский связывал со слабой проработкой методологической базы и отсутствием систематических курсов по истории социологического знания. Возглавив в 1916 году Русское социологическое общество имени М.М. Ковальского и подписав его первый Устав, он занялся созданием Института социальных наук при Академии наук и разработкой курсов по социологии. Приоритетом выступали две задачи: 1) создание методологической базы, опирающейся на имеющийся во Франции и Англии опыт позитивной социологии (О. Конт, Г. Спенсер, Дж. Милль и Э. Дюркгейм); 2) проведение демаркационных линий между социологией и другими направлениями обществоведения.

Лаппо-Данилевский настаивал на самостоятельности социологии, имеющей собственный предмет — социальные отношения в их многообразии, хотя социология имеет общие исследовательские интенции с другими дисциплинами. Отличительной чертой социологии становится применение комплексного подхода к изучению социальных отношений и фактов с прикладной целью выявления основ общественного развития. Для этого требовалось объединить ученых из разных областей в едином университетском пространстве, создав соответствующие институциональные структуры. Предшествующий опыт показывал, что независимые исследования, например П.А. Сорокина, при всей своей системности не могут стать частью университетской среды и основой подготовки молодых ученых. Все эти проблемы были поставлены перед коллективом ученых на неформальных встречах [9. С. 16], хотя социологические курсы уже читались в России, т.е. не они были основной целью создания Социологического общества.

Можно выделить следующие задачи Социологического общества: во-первых, объединить ученых, имеющих опыт социологических исследований, в рамках единой структуры; во-вторых, создать университетскую среду, где социология занимала бы приоритетное положение по отношению к смежным направлениям. Посредством сопоставления разных направлений социологического знания (субъективистской теории и эволюционизма с накопленным опытом изучения социальных явлений в истории) решалась бы задача расширения предметной области социологии за счет объединения разных дисциплинарных подходов. Лаппо-Данилевский к моменту занятия должности председателя Русского социологического общества уже обладал достаточным опытом организации научных коллективов в университетской среде с привлечением студенчества: это секция русской истории в Историческом обществе Санкт-Петербургского университета, Археологическая комиссия, Витебская ученая архивная комиссия, Русское историческое общество, Союз российских архивных деятелей и Русское социологическое общество. По итогам развернувшихся дискуссий и переписок по поводу организации Социального института усилиями Русского социологического общества Лаппо-Данилевский

делает важное уточнение: для развития социологического знания следует использовать достижения разных отраслей науки на базе методологии социологии — комплекса экономических наук, «антропологии, антропогеографии, психологии, этнографии, этнологии» и «социологии в узком смысле (теория и методология)» [9. С. 29]. Например, работа «Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия» обозначена как исторический очерк, но в то же время отсылает к современной для ученого тематике развития государственных и экономических отношений в России [6].

Изучение научной деятельности Лаппо-Данилевского всегда имело междисциплинарный характер, что обусловлено широким кругом и многогранностью исследований ученого: «История, историография, теоретическое источниковедение, дипломатика, археография, социология, философия, история и методология науки — вот далеко неполный перечень направлений научной деятельности Лаппо-Данилевского, в каждом из которых он достиг столь весомых результатов, что многие из них остаются непревзойденными и по сей день» [3. С. 6]. В области методологии истории и истории философии (истории становления русского неокантианства) наследие Лаппо-Данилевского хорошо изучено, но не в области истории методологии социологии. Когда в 1916 году он стал первым председателем Русского социологического общества, одной из приоритетных его задач была разработка методологии социологии и ее разведения со смежными направлениями (историей, правоведением и психологией).

В литературе отмечена преемственность идей Лаппо-Данилевского по отношению к французскому и английскому позитивизму, а также к немецкому неокантианству, преимущественно Баденской школы. Заинтересованность позитивизмом объясняется стремлением к достоверности и объективности результатов исследования истории и современности общества. В историко-философской литературе подробно рассмотрена эволюция взглядов Лаппо-Данилевского, но слабо проработана тематика специфики методов социологии. Идеи позитивизма ярко выражены в ранних работах ученого, особенно до критической статьи «Основные принципы социологической доктрины О. Конта», которая получила положительную оценку историков и социологов [8. С. 17]. Влияние Баденской школы отразилось в постановке вопроса о возможности сочетания изучения общего историко-культурного контекста с выявлением специфики отдельных значимых исторических событий. Такой методологический подход применялся не только в истории и историографии, но и в обществоведении и социологии.

В фундаментальной работе «Методология истории» поставлен вопрос о специфике социологического знания. В самом начале, в описании становления исторической науки, названа причина появления «номотетического понимания социальных явлений», а история («историко-культурные» концепции), социология и философия разграничены в своих предметных областях [4. С. 87]. Начала социологии обнаружены в Новом времени, которое

позволило достичь наукообразности социальной мысли по естественнонаучному образцу, в дальнейшем методологические различия в изучении природы, социальных явлений и исторического процесса укреплялись. Лаппо-Данилевский предлагает своеобразный синтез идей В. Виндельбанда и Г. Риккерта, совмещая принципы разведения номотетического и идеографического подходов, а также генерализирующих и идеализирующих наук: он концептуализировал недостатки и преимущества всех подходов, разрабатывая оригинальную методологическую базу.

Специфика социальных явлений требовала, с одной стороны, описания индивидуальных и неповторимых событий (идеализированных схем социальных отношений), что сближает методы истории и социологии, но, с другой стороны, в социальной жизни существуют закономерности, которые требуют естественнонаучной точности, недостижимой при чрезмерном абстрагировании от конкретных проявлений социального (субъективности), что раскрывается в соотношении Я и Другого и в определении источника социальных событий, в первой очередь, посредством историко-социальной реконструкции [12]. В литературе представлен анализ проблематики «Чужого Я» с позиции методологии истории, показаны общие основания в определении объективности восприятия Другого Я у Лаппо-Данилевского с исследованиями Г. Шпета [13], поскольку Лаппо-Данилевский вплотную подходит к определению социальной жизни (где только и возможно объективное раскрытие «Чужого Я») как социальной реальности в онтологических категориях.

Ряд авторов раскрывает истоки становления истории как строгой науки, сопоставляя основные положения Лаппо-Данилевского, Введенского и Дильтея [15. С. 24]. Критерием сравнения выступает определение объективности интенции сознания при конструировании представления о «Чужом Я». У Лаппо-Данилевского и Введенского обнаруживаются схожие линии при определении «Чужого Я», в частности, принцип критицизма. Однако Введенский ставит вопрос о том, «как именно каждый из нас проверяет свое убеждение, что, кроме него, есть душевная жизнь и у других существ» в критической философии — без «метафизических предпосылок» (в том числе материалистических) [2. С. 3], а Лаппо-Данилевский добавляет важное уточнение — предмет объективации сознания выразим только в перспективе социального действия [8. С. 252].

Обозначение социологического контекста как способа доказательства для Введенского было неприемлемо, так как он исходил из логического анализа и установки на «чистый» от эмпирии источник знания. Лаппо-Данилевский, напротив, считал, что в вопросах, касающихся человека и его жизни, анализ социальной среды и исторического контекста позволяет получить более достоверные ответы. Благодаря архивным материалам, особенно курсу «Общее обозрение (summa) основных принципов обществоведения», можно проследить прямую аналогию с идеями ранней русской неокантианской мысли. С другой стороны, Лаппо-Данилевский не конституирует социологию

на основе философской рефлексии об особенностях восприятия человеком окружающего мира, других субъектов и самого себя по отношению к Другим. Лаппо-Данилевский различает гносеологический и психогенетический аспекты «признания чужого одушевления» [8. С. 246]: первый схож с трудами Введенского, имя которого не упоминается, второй требует анализа социального опыта как первичного для сознания человека, согласующегося с принципом единообразия человеческой природы и постоянства наследственности (множественность признаков человека как биологического существа и субъекта социальных отношений). Критическая философия используется как линия демаркации для способов изучения одних и тех же явлений в социологии и философии. Разработанная методология истории и источниковедения позволила Лаппо-Данилевскому использовать неокантианскую модель в обществоведении для изучения исторического развития социальной жизни и конструирования социальных явлений в настоящем.

В наследии Лаппо-Данилевского дискуссионным остается совмещение объясняющего и описательного подходов посредством сочетания номотетического и идеографического методов в анализе индивидуальных проявлений социальной жизни. Можно было бы предположить, что после проработки позитивизма и создания оригинального метода исторического анализа (разделение исторических событий согласно методологии Виндельбанда), он будет сближаться с социологизмом Дюркгейма. Однако обозначение Лаппо-Данилевским функций социологии указывает на противоположную позитивизму традицию — «понимающую социологию». Подобная неоднозначность возникает вследствие использования положений баденского неокантианства, где критика позитивизма согласуется с критикой естественнонаучного приоритета в изучении мира культуры и общества [21]. В итоге у Лаппо-Данилевского применение подходов разделено по телеологическому основанию — выбор метода зависит от цели исследования, а не от принадлежности к определенной научной школе (критерий объективности и междисциплинарности знания).

Использование номотетического подхода в работе «Методология истории» напоминает индивидуализирующий подход Риккерта [1]. Виндельбанд считал приоритетом обоснование уникальности гуманитарных наук, что подразумевало критику позитивизма и выделение «наук о духе» из единого пространства научного знания. Риккерт же, разделив генерализирующий и индивидуализирующий методы, стремился к достоверности рассмотрения культурных явлений и исторических событий в их уникальности. В отличие от задачи Виндельбанда — обоснование своеобразия объектно-предметной области «наук о духе», Риккерт сконцентрировался на разработке метода изучения культурных явлений (в первую очередь ценностей) и исторических событий, утверждая их принципиальную уникальность и неповторимость. Лаппо-Данилевский уже в историографических работах имплицитно поставил задачу рассмотрения индивидуальных явлений в неразрывной связи с социальной жизнью — как с неким общим по отношению к частному факту:

«научно-объединенное или обоснованное знание может стремиться и к обобщению данных нашего опыта, и к их индивидуализированию», что зависит от познавательной цели и объединяет эмпирический анализ с изучением явления (или вещи) в его соотношении с другими явлениями [4. С. 219]. Также он критикует использование только номотетического метода, так как общее и частное составляют единый предмет исследования [4. С. 222].

Ключевым вопросом в курсах Лаппо-Данилевского были гносеологические принципы социологического знания, а не только его фрагментарно описательная, объясняющая и понимающая функции, т.е. задача разработки методологической базы социологии для исследования индивидуальных социальных явлений в перспективе многообразия социальной жизни. Лаппо-Данилевский сформулировал и частично решил две важнейшие для русской социологии задачи: институционализация социологии, обеспечивающая преемственность и передачу накопленного опыта; создание единой методологической базы социологии посредством объединения разных дисциплинарных подходов. По сути, он создал первую междисциплинарную модель социологии на принципах объединения гуманитарных (история, правоведение, источниковедение) и естественнонаучных (позитивизм, биология) подходов.

Положения Лаппо-Данилевского, особенно применение методов исторического анализа в социологии, имеют научный потенциал для изучения одной из важнейших проблем современности — механизмов трансформации исторической памяти. Поскольку данный вопрос находится в межпредметной области, то предложенная им модель социологического знания может служить теоретико-методологическим основанием комплексного изучения восприятия истории как процесса развития общественных отношений и как феномена, объединяющего ценностные основания социальной жизни. Особенностью исторической памяти «является как ее собственная непроясненность в качестве объекта социологического исследования, так и сложность эмпирической верификации» [11. С. 11]. Также она связана с механизмами формирования общественного сознания и социальной адаптации, задавая ценностные основания общества (социальные паттерны). Связь между историческим развитием общества и непосредственной данностью социальных явлений в их многообразии, а также соотношение общего и частного в социальной жизни были предметом исследований Лаппо-Данилевского, который предложил модель поиска методологических оснований изучения исторической памяти: совмещение методологии номотетических наук с индивидуализирующим подходом на основе синтеза теоретической реконструкции с эмпирическими данными [10]. Историческая память может быть рассмотрена с применением принципов, предложенных Лаппо-Данилевским: 1) история имеет общий контекст, неизменно больший, чем совокупность отдельных социальных явлений конкретного периода развития культуры; 2) точность определения исторических явлений достигается посредством привлечения эмпирических данных при рассмотрении индивидуальных характеристик предметов,

составляющих содержание исследуемого явления; 3) всегда следует учитывать, что конкретное историческое явление может представлять собой неповторимый и уникальный факт, требующий гносеологических инструментов реконструкции.

Постулируемые Лаппо-Данилевским основания научного поиска формируют модель методологии социологического знания, что подтверждается исторической реконструкцией развития социологии с XVIII века до современных ему идей. Историко-социологическая реконструкция соотношения критики позитивизма и идеализации критического реализма уже стала предметом методологии истории и социологи [17] и может развиваться на основе трудов Лаппо-Данилевского. Он предложил оригинальную модель изучения социальных явлений посредством объединения двух стратегий (позитивизма и неокантианства) на принципах комплексного изучения фактов и контекстов, а также наметил стратегии поиска достоверных оснований междисциплинарного исследования [5; 7]. Результатом предложенного Лаппо-Данилевским совмещения позитивизма и неокантианских штудий стало развитие методологии истории и выделение критериев достоверности комплексного анализа социальных явлений в контексте многообразных взаимоотношений в социальной среде.

В настоящее время вновь актуализируется вопрос о роли позитивизма и естествознания в социологии и смежных дисциплинах социально-гуманитарного профиля [16; 18; 19; 20]. В этом смысле труды Лаппо-Данилевского дополняют исследования в области выбора наиболее перспективных векторов развития фундаментальных социологических исследований, в том числе и потому, что, высказывая критические замечания в адрес моделей социологии, построенным на позитивистских, «биологосоциологических», описательных и объясняющих подходах, он всегда отмечал как дискуссионные, так и убедительные их позиции. Наследие Лаппо-Данилевского обладает потенциалом для обогащения истории (методологии) социологии в России и для систематизации методов социологии (в частности, в изучении исторической памяти).

Библиографический список

- [1] Белов В.Н. Философия Баденской школы неокантианства // *Философское обозрение*. 2017. № 2.
- [2] Введенский А.И. О пределах и признаках одушевления. М., 2012.
- [3] Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики. Кельн, 2005.
- [4] Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Т. 1. М., 2010.
- [5] Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.
- [6] Лаппо-Данилевский А.С. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. СПб., 1899.
- [7] Лаппо-Данилевский А.С. Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1898.
- [8] Малинов А.В. Русская социологическая школа в оценке А.С. Лаппо-Данилевского // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2016. Т. 19. № 3.

- [9] *Малинов А.В.* Социологическое наследие А.С. Лаппо-Данилевского: исследования и материалы. СПб., 2017.
- [10] *Малинов А.В., Ащеулова Н.А.* Научное наследие А.С. Лаппо-Данилевского в отечественной истории социальных наук // Социология науки и техники. 2019. № 4.
- [11] *Мысливец Н.Л., Романов О.А.* Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
- [12] *Ольхов П.А.* Проблема «Чужого Я» в методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского (кантовские мотивы) // Кантовский сборник. 2011. № 3.
- [13] *Ольхов П.А., Щедрина Т.Г.* Проблема «Чужого Я» в методологии истории Густава Шпета и Александра Лаппо-Данилевского // Методологии истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов. М., 2019.
- [14] *Румянцева М.Ф.* Развитие теоретико-познавательной концепции А.С. Лаппо-Данилевского в научно-педагогической школе источниковедения // Академик А.С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества. СПб., 2019.
- [15] *Румянцева М.Ф.* Философские основания методологии истории в русской версии неокантианства: А.И. Введенский и В. Дильтей // Диалог со временем. 2018. № 62.
- [16] *Bandyopadhyay S.* Positively: Comte's positivism and early anthropology in India // Culture and Society. 2018. Vol. 1.
- [17] *Brzechczyn K.* Between positivism, narrativism and idealization in Polish methodology of history // Historein. 2014. Vol. 14. No. 1.
- [18] *Ishfaq Majeed.* Understanding positivism in social research: A research paradigm // International Journal of Research in Social Sciences. 2019. Vol. 9. No. 11.
- [19] *Rosso M.J.* Ascension and decline of positivism in Argentina // European Journal of Legal History. 2020. Vol. 17.
- [20] *Steinmetz G.* Historicism and positivism in sociology: From Weimar Germany to the contemporary United States // Herman P., van Veldhuizen A. (Eds.). Historicism: A Travelling Concept. L., 2020.
- [21] *Windelband W.* A History of Philosophy. The Formation and Development of its Problem and Concept. N.Y., 1935.
- [22] *York R., Clark B.* Marxism, positivism, and scientific sociology: Social gravity and historicity // Sociological Quarterly. 2016. Vol. 47. No. 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-354-364

On the origins of the methodology of social knowledge in Russia: A.S. Lappo-Danilevsky and contemporary discussions*

P.A. Vladimirov, A.V. Lebedeva

RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: vladimirov_p_a@ru; lebedeva-av@rudn.ru)

Abstract. The article considers those aspects of the development of sociological knowledge in Russia that were determined by the scientific and organizational activities of A.S. Lappo-Danilevsky (1863–1919). His contribution to the development of the Russian social and

---

* © P.A. Vladimirov, A.V. Lebedeva, 2021

The article was submitted on 16.02.2021. The article was accepted on 02.04.2021.

humanitarian thought is associated mainly with the development of the foundations of history, historiography and source studies, which is widely admitted in scientific works. However, Lappo-Danilevsky's contribution to the development of sociology, to the identification of the specifics of its subject and to the creation of a model of systemic courses on the historical reconstruction of sociological knowledge are still widely discussed. The authors consider the creative component of Lappo-Danilevsky's legacy and the strategy he developed for creating an interdisciplinary methodology for social sciences. The article aims at describing his contribution to the institutionalization of Russian sociology, which allows not only to clarify the origins of social knowledge in Russia, but also to actualize Lappo-Danilevsky's legacy. The authors pose new questions and problematize the research potential of the works of Russian scientists at the turn of the 20th century, which has prospects for supplementing the history and methodology of sociology. The description of the activities of Lappo-Danilevsky — from the development of the institutional foundations of Russian sociology to the clarification of the methodological principles of social knowledge — raises the question of the influence of positivism and neo-Kantianism on the scientific community. On the other hand, the study of the scientific and organizational activities of Lappo-Danilevsky allow to expand the field of history and methodology of sociology by supplementing it with a description of the institutionalization of sociology in Russia. The study of the foundations of sociological knowledge emphasizes three points: creation of methodology, separation from related disciplines, and acceptance of the historical component in the development of academic sociology. The article also mentions contemporary discussions which consider the sociological legacy of Lappo-Danilevsky not only as a historical reconstruction of the development of social knowledge, but also in the interdisciplinary perspective of contemporary sociology.

Key words: history of sociology; methodology of sociology; methodology of history; interdisciplinarity; Russian Sociological Society; Lappo-Danilevsky; Russian Neo-Kantianism

References

- [1] Belov V.N. *Filosofiya Badenskoj shkoly neokantianstva* [Philosophy of the Baden School of Neo-Kantianism]. *Filosofskoe Obozrenie*. 2017; 2. (In Russ.).
- [2] Vvedensky A.I. *O predelakh i priznakakh odushevleniya* [On the Limits and Signs of Animation]. Moscow; 2012. (In Russ.).
- [3] Lappo-Danilevsky A.S. *Istoriya politicheskikh idej v Rossii v XVIII veke v svyazi s obshchim khodom razvitiya ee kultury i politiki* [History of Political Ideas in Russia in the 18th Century in Connection with the General Course of the Development of its Culture and Policy]. Koln; 2005. (In Russ.).
- [4] Lappo-Danilevsky A.S. *Metodologiya istorii* [Methodology of History]. Vol. 1. Moscow; 2010. (In Russ.).
- [5] Lappo-Danilevsky A.S. *Organizatsiya pryamogo oblozheniya v Moskovskom gosudar-stve so vremen smuty do epokhi preobrazovaniy* [Organization of Direct Taxation in the Moscow State from the Discord Times to the Era of Transformation]. Saint Petersburg; 1890. (In Russ.).
- [6] Lappo-Danilevsky A.S. *Russkie promyshlennye i torgovye kompanii v pervoy polovine XVIII stoletiya* [Russian Industrial and Commercial Companies in the First Half of the 18th Century]. Saint Petersburg; 1899. (In Russ.).
- [7] Lappo-Danilevsky A.S. *Sobranie i svod zakonov Rossiyskoj imperii, sostavlennye v tsarstvovanie imperatritsy Ekateriny II* [Collection and Code of Laws of the Russian Empire as Compiled in the Reign of the Empress Catherine II]. Saint Petersburg; 1898. (In Russ.).
- [8] Malinov A.V. *Russkaya sotsiologicheskaya shkola v otsenke A.S. Lappo-Danilevskogo* [Russian Sociological School in the assessment of A.S. Lappo-Danilevsky]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*. 2016; 19 (3). (In Russ.).
- [9] Malinov A.V. *Sotsiologicheskoe nasledie A.S. Lappo-Danilevskogo: issledovaniya i materialy* [Sociological Legacy of A.S. Lappo-Danilevsky: Research and Materials]. Saint Petersburg; 2017. (In Russ.).

- [10] Malinov A.V., Ashcheulova N.A. Nauchnoe nasledie A.S. Lappo-Danilevskogo v otechestvennoy istorii sotsialnykh nauk [Scientific legacy of A.S. Lappo-Danilevsky in the Russian history of social sciences]. *Sotsiologiya Nauki i Tekhniki*. 2019; 4. (In Russ.).
- [11] Myslivets N.L., Romanov O.A. Istoricheskaya pamyat kak sotsiokulturny fenomen: opyt sotsiologicheskoy rekonstruktsii [Historical memory as a social-cultural phenomenon: An attempt of sociological reconstruction]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).
- [12] Olkhov P.A. Problema “Chuzhogo Ya” v metodologii istorii A.S. Lappo-Danilevskogo (kantianskie motivy) [The problem of the “Alien Self” in the methodology of history of A.S. Lappo-Danilevsky (Kantian motifs)]. *Kantovskiy Sbornik*. 2011; 3. (In Russ.).
- [13] Olkhov P.A., Shchedrina T.G. Problema “Chuzhogo Ya” v metodologii istorii Gustava Shpeta i Aleksandra Lappo-Danilevskogo [The problem of the “Alien Self” in the methodology of history of Gustav Shpet and Alexander Lappo-Danilevsky]. *Metodologiya istorii: N.I. Kareev, A.S. Lappo-Danilevsky, D.M. Petrushevsky, V.M. Khvostov*. Moscow; 2019. (In Russ.).
- [14] Rumyantseva M.F. Razvitie teoretiko-poznavatelnoy kontseptsii A.S. Lappo-Danilevskogo v nauchno-pedagogicheskoy shkole istochnikovedeniya [Development of the theoretical-cognitive concept of A.S. Lappo-Danilevsky in the scientific-pedagogical school of source studies]. *Akademik A.S. Lappo-Danilevsky v pamyati nauchnogo soobshchestva*. Saint Petersburg; 2019. (In Russ.).
- [15] Rumyantseva M.F. Filosofskie osnovaniya metodologii istorii v russkoy versii neokantianstva: A.I. Vvedenskiy i W. Dilthey [Philosophical foundations of the methodology of history in the Russian version of Neo-Kantianism: A.I. Vvedenskiy and W. Dilthey]. *Dialog so vremenem*. 2018; 62. (In Russ.).
- [16] Bandyopadhyay S. Positively: Comte’s positivism and early anthropology in India. *Culture and Society*. 2018; 1.
- [17] Brzechczyn K. Between positivism, narrativism and idealization in Polish methodology of history. *Historiein*. 2014; 14 (1).
- [18] Ishfaq Majeed. Understanding positivism in social research: A research paradigm. *International Journal of Research in Social Sciences*. 2019; 9 (11).
- [19] Rosso M.J. Ascension and decline of positivism in Argentina. *European Journal of Legal History*. 2020; 17.
- [20] Steinmetz G. Historicism and positivism in sociology: From Weimar Germany to the contemporary United States. Herman P., van Veldhuizen A. (Eds.). *Historicism: A Travelling Concept*. London; 2020.
- [21] Windelband W. *A History of Philosophy. The Formation and Development of its Problem and Concept*. New York; 1935.
- [22] York R., Clark B. Marxism, positivism, and scientific sociology: Social gravity and historicity. *Sociological Quarterly*. 2016; 47 (3).

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-365-376

Complex concepts with varying connotations: In search for conceptual definitions*

I.V. Trotsuk

RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vernadskogo Prosp., 84, Moscow, 119571, Russia

National Research University — Higher School of Economics
Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia
(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

Abstract. One of the fundamental challenges for sociology is the interpretation of its key terms, which is determined by the fact that many words of everyday language and scientific discourse are the same despite implying a much higher level of generalization as sociological categories. Certainly, such challenges are more typical for the empirical research — when sociologists turn their theoretical concepts into sets of empirical indicators which have to be clear enough for the respondent to understand and answer the questionnaire and for the sociologist to interpret these answers correctly. Nevertheless, the lack of generally recognized conceptual definitions is no less important, because the general picture of social reality is necessarily made of them (the society is described as either fair, consisting of trustworthy institutions that provide opportunities for being happy, or in the opposite statements). The article presents a possible reconstruction of the strategy that sociologists use in the search for conceptual definitions for such complex concepts with varying connotations as love, happiness, trust and justice. This strategy consists of two steps: focus on the macro-sociological dimension of the phenomena under study as determining its various manifestations and everyday interpretations (the key step in the study of love and happiness); and identification of objective and subjective indicators of the phenomenon under study (the key step in the study of trust and justice). For instance, in the study of love and happiness, there is the obvious micro-sociological perspective that implies personal responsibility for being happy and loved, and the hidden macro-sociological perspective that implies social standards for identifying and achieving love and happiness; trust is defined as a source of social order, cooperation, institutional, organizational and everyday interactions, which reduces the level of uncertainty; in the searches for the conceptual definition of justice, there are two main approaches — the first approach considers justice as one of many grounds for developing some theoretical model; the second approach reconstructs justice either as an ‘ideal’ political-philosophical model of social order or as a ‘means’ of the comparative analysis of its practical implementations.

Key words: complex concepts; varying connotations; conceptual definitions; love; happiness and (social) well-being; (social) trust; (social) justice; expert knowledge; social order

---

* © I.V. Trotsuk, 2021

The article was submitted on 25.02.2021. The article was accepted on 30.04.2021.

We live in the discursively constructed world without focusing on the meaning of many words we use to communicate, to describe ourselves and others as unique creatures or typical representatives of social groups, and to explain social actions and phenomena. The words of everyday language and scientific discourse are often the same, despite scholars' efforts to achieve a higher level of generalization with special concepts and categories in order to exclude insignificant details and provide reliable explanatory models of social life. In sociology, this contradiction is determined mainly by the empirical research: in different types of surveys based on various techniques, we have to use questions that are clear enough to respondents to give answers in principle and within the set conceptual frame. Therefore, we cannot but ask people directly about *trust*, *love*, *happiness* or *justice* in some questions, even if most other questions are made of other words obtained after the empirical interpretation of the social phenomenon under study. Moreover, all four above-mentioned words have many connotations, because we are used to thinking about ourselves, others and social life in general in terms of happiness (how happy we are and should be according to social standards), love (how love can be 'identified' and 'measured'), justice (why the world or people are unfair in general or to us in particular) and trust (what are criteria of social and interpersonal trust) referring to a variety of images constructed by the media, advertising, cinema, literature and works of art within different national traditions and models of mass culture.

Thus, the question is whether sociologists use some standard strategy for constructing conceptual definitions [see, e.g.: 41] for such complex concepts with varying connotations, which is the necessary first step in their empirical 'measurement'. Perhaps, there is a general path in the sociological search for 'legitimate' conceptual definitions of intangible and ambivalent 'objects' (taking into account that some social phenomena can be underrepresented to be worth studying, some can be tabooed, some are traditionally ignored as irrelevant/insignificant despite their acuteness in either sociological discourse or everyday life). The emphasis on the first step (focus on the macro-sociological dimension of the phenomena under study) on this general path is more typical for the sociological interpretation of more personally 'loaded' words (like love and happiness); while the emphasis on the second step (identification of objective and subjective indicators of the phenomenon under study) is more typical for the sociological interpretation of more socially 'loaded' words (like trust and justice) due to their greater importance for social control and order. Sometimes these steps are well represented in a specific book, but more often we need to reconstruct them from many works on different aspects of the social phenomenon under study.

A good example of the first step is the book by Illouz who defines sociology as "a study of collective forms of sufferings: inequality, poverty, discrimination, diseases, political oppression, large-scale armed conflicts, and natural disasters... Sociology has been very successful in analyzing these collective forms of suffering, yet has neglected the analysis of ordinary psychic sufferings that inheres in social relationships... If sociology is to remain relevant to modern societies, it must

imperatively explore the emotions that reflect the vulnerability of the self in conditions of late modernity that is at once institutional and emotional” [25. P. 15]. Although the book describes *love* [see in more detail: 53], the same applies to *happiness*: there is the misery of both love (romantic pain) and unhappiness (despite objective well-being); there is the great transformation of both love and happiness as expressed in the changes of our will (how we want something), recognition (what matters for our self-esteem) and desire (what we long for and how); there is the marketization (penetration of marketing language and techniques into the realm of interpersonal relationships) of both love and happiness [according to: 38] — the mass media sets criteria of attractiveness and worth for being loved and happy, because “sexuality, desire, and love [happiness] had become tightly intertwined with social stratification... and penetration of economics” [25. P. 58].

In the contemporary society, both love and happiness are increasingly considered a matter of personal choice, although it is as increasingly hard to make choices in the world of real and imagined options given our cognitive biases, ‘information overload’ and emotional delusions (we ‘learn’ fictional emotions through the identification with fiction and cinema characters and storylines). In the pre-modern times, “the center of gravity... referred to propriety, and strongly coded sex and gender conflict; today it focuses on the self disconnected from rank and defined by interiority and emotions; ...to be in love [happy] is to overcome a sense of ordinary invisibility, and entails a sense of uniqueness and an increased sense of self-worth” [25. P. 112, 113]. “Social worth is no longer a straightforward outcome of one’s economic or social status, but has to be derived from one’s self, defined as a unique, private, personal, and non-institutional entity. ...And modern social worth is chiefly performative: it is to be achieved in the course of and through one’s interactions with others” [25. P. 119], which can make us both loved (rejected) and happy (miserable). Moreover, “pre-modern rationality involved little or no formal ‘expert’ knowledge... Contemporary actors from adolescence to adulthood develop an elaborate set of criteria for the selection of a mate and very sophisticated means to reach their goals [love and happiness — socially desirable and ‘standardized’ life goals]” [25. P.180]. Because the options and choices are numerous, changing and rationalized, we need ‘experts’ (from psychological counseling, divorce lawyers and non-fiction books to close friends or occasional anonymous friends in the Internet) to explain and ‘teach’ us what are our ‘real’ feelings and desires, what are true and achievable love and happiness, what are indicators of us having become loved and happy is we are not sure about our feelings and ‘status’.

The searches for definition and acquisition of happiness and love went far beyond the limits of fiction that has always been involved in providing people with answers to questions on what happiness is and how to find love. Certainly, love is a less popular sociological issue than happiness the ‘features’ of which we can learn from international happiness rankings (combine statistical and survey data), national polls based on self-assessments (sometimes compare these assessments with objective indicators of well-being), and numerous articles, books, guides and

courses providing recommendations on how to find happiness by ‘leaving the comfort zone’, changing the ‘wrong’ organization of one’s life or learning to interpret it differently (happiness is declared a personal concern and responsibility [according to: 3]). The contemporary society ousts *happiness* from the macro-sociological perspective by stressing that the possession of material and social benefits would not make one happy unless one is satisfied with oneself and one’s life (either filled or not with the attributes of success). Moreover, everyday stereotypes of happiness do not always agree with its interdisciplinary interpretations. For instance, philosophical definitions emphasize the axiological essence of happiness as “the highest guiding principle or an ideal” [see, e.g.: 44. P. 25], psychological definitions — its positive emotional content as satisfaction and meaningfulness of life, acceptance of oneself and the world, and “full account of what happiness is” [see, e.g.: 46; 1. P. 9]; international comparative research projects — its social–economic indicators as no less important than self-assessments of well-being [see, e.g.: 6; 60; 61], and so on.

Thus, being as ‘subjective’ as love (due to the society’s efforts to make them as ‘personal’ as possible), happiness is closer to trust and justice in its conceptual interpretations, because it has also turned into an ‘umbrella term’ implying a variety of criteria for assessing various aspects of social reality [see, e.g.: 56]. The specific combination of these criteria depends on our ‘status’ when assessing our life or general situation: as participants of everyday life (in the Schutzian perspective), we strive to live a happy life (as loving and loved people) in the society that provides us with opportunities, limitations and means for finding happiness (love); as representatives of other ‘life worlds’ (like sociological science), we strive to distance ourselves from everyday stereotypes of happiness in order to develop its conceptual definition and empirical indicators. Macro-sociological objective indicators (poverty, unemployment, housing conditions, etc. [see. e.g.: 6; 24; 60; 61]) and micro-sociological subjective indicators (life satisfaction, degree of loneliness, etc. [see, e.g.: 1; 8; 36; 42]) of happiness can contradict: for instance, an increase in income does not necessarily determines an increase in the subjective well-being [see, e.g.: 12; 13; 29. P. 15; 47. P. 362; 48. P. 153; 55].

Thus, there are two intertwined perspectives in the study of love and happiness: the obvious micro-sociological perspective that implies personal responsibility for being happy and loved, and the hidden macro-sociological perspective that implies social standards (reproduced by social institutions and discourses) for identifying and achieving love and happiness in general and for different genders, generations, other social groups and actors. “As Karl Marx famously put it, ‘Human beings make their history themselves, but they do not do so voluntarily, not under circumstances of their own choosing, rather under immediately found, given and transmitted circumstances’” [25. P. 6]. The combination of these two perspectives in the study of complex concepts with varying connotations provides endless possibilities for the theoretical and empirical research. However, this combination obviously favors the macro-sociological perspective as emphasizing that personal choices provided

by the contemporary society are illusionary: the society makes us believe in endless opportunities while creating many insuperable limitations (social rules and discourses impose specific scenarios on social milieus and society in general). The contemporary society overburdens us with musts even in our emotional life [22. P. 12] (macro-sociological perspective), and we develop strategies to cope with the social-cultural pressure (micro-sociological perspective) in order to find love and happiness. “What makes love [unhappiness] such a chronic source of discomfort, disorientation, and even despair can be adequately explained only by sociology, ... because the contents of thoughts, desires, and inner conflicts have an institutional and collective basis” [25. P. 12, 13].

The second step in the study of complex concepts with varying connotations is the choice of a combination of objective and subjective indicators, albeit often with an emphasis on the former and an ignorance of the latter. Thus, scholars recognize the ambiguity and complexity of the word ‘*trust*’ but often interpret it in a simplified way — as a kind of an invariable attribute of a special type of relationship between individuals, groups and institutions. In traditional societies, trust was based on social and moral imperatives, today it is rationally based on social-economic structures, i.e., trust is reproduced for a variety of purposes (for instance, in the theory of institutional economics, trust acts as an effective way to reduce transaction costs). This simple and convincing interpretation of trust reveals a paradox: if there is institutional trust, then there would be institutional distrust, and their ratio depends on the social-cultural situation in the specific country in the given historical period.

Sociology cannot claim exclusive rights in the study of trust due to its interdisciplinary [see, e.g.: 2. P. 208; 7]; therefore, sociological searches for its definitions rely on trust’s political, anthropological, historical, economic and other interpretations [see, e.g.: 28]. Social sciences prefer to consider trust, on the one hand, through its origins and consequences in social life; on the other hand, through the factors and practical implications of different ‘types’ of trust — interpersonal [see, e.g.: 27; 49], organizational and institutional [see, e.g.: 31. P. 42–43, 62], spontaneous and voluntary, thoughtful and rational, cognitive, dispositional and moralistic, modern (trust is scattered among friends and colleagues and supported by formal systems of law, professional competences, etc.) and pre-modern (trust is concentrated in kinship systems, local communities and religious cosmology, which guarantee a sense of security, i.e., this is an idealized Tönnisian image of the community as a system with poorly differentiated formal connections but with strong social and personal ties based on loyalty and uniformity of values and morality) [see, e.g.: 17; 31; 32. P. 49–50].

In the sociological tradition [see, e.g.: 16; 20; 50], trust is defined as a source of social order, cooperation, institutionalization, organizational management, and everyday interactions [see, e.g.: 16. P. 95; 30. P. 667; 31. P. 20; see also: 26; 58]. Such a wide range of functions is determined by trust’s unique ability to reduce the level of uncertainty [see, e.g.: 17; 50. P. 25, 115], although there are still debates about the determinants of this role of trust and about the forms of social interaction

which can either strengthen trust or be reinforced by it. Nevertheless, this is a good conceptual interpretation of trust — it explains both the simplest everyday interactions and the most complex political, economic and social phenomena [see, e.g.: 9; 19; 21; 23; 34; 40]. However, this does not mean that this interpretation implies a generally accepted system of empirical indicators [see, e.g.: 43; 45; 57; 59; 62]: in the survey, when respondents say that they trust the state, government, church, army or loved ones, they mean very different things just grouped under the term ‘trust’, but we ignore such semantic differences in order to obtain at least partially reliable and valid empirical data. This purposeful ignorance is justified by the emphasis on the objective — organizational and structural — factors and foundations of (dis)trust. For instance, behind various manifestations and practices of corruption (including clientelism), there are the same mechanisms — admiration for informal institutions, flexible networks and social capital, privatization of the public sphere, etc. [see. e.g.: 37].

Although the level of social trust is sometimes considered as determined by the level of social *justice*, the latter is also full of political connotations, social-economic meanings, and everyday interpretations (in the Schutzian perspective, justice is both a ‘*first-order construct*’ and a ‘*second-order construct*’) [see in more detail: 54]. According to Sztompka [50. P. 384], there are three levels of the idea of justice: (1) general moral principles that set socially recognized or desirable rules of behavior, (2) legal norms formalized in codes and laws, (3) implementation of these rules, norms and laws. The key difficulties in the sociological definition of justice are determined by the paradox: people think about justice mainly in the first interpretation, sometimes remember about the second one, while sociologists prefer to ask them about the third, i.e., our conceptual interpretations focus on justice as a macro-sociological category.

In the debates and searches for the general definition of justice as a macro-sociological concept, there are two main approaches. The first approach considers justice as one of many grounds for developing some theoretical model. For instance, there is a functional-instrumental interpretation of justice as a value that supports a certain way of life; therefore, one can make a historical typology of societies that differ, among other things, by the types of inequality and violence that were acceptable as fair [33. P. 12–13]. There is a critique of this theory of justice as some objective state of social order, because the most exploited and oppressed classes can mistakenly believe in social justice of the absolutely unfair social order due to its rationalization or their delusions [14. P. 238].

Another example of considering justice as performing an auxiliary function in the social development is presented by “an ambitious and large-scale reconstruction of a pillar of the Western civilization — the coexistence of various forms of ‘justice’, i.e., those differences between legal and moral norms, between crime and sin, which made possible the idea of justice based on freedoms and guarantees” [39. P. 4]. To explain the current crisis of the globalizing world (crisis of the rule of law and erosion of the concept of justice), Prodi reconstructs the history of the

West from the Middle Ages to the present day focusing on the 15th–17th centuries, when the codification of legal and ethical norms started and led to the dualism — sin as disobedience to the moral law ('divine justice' based on reason) and crime as disobedience to the positive law ('human justice' based on reason and power).

For Prodi, the history of modernity is the gradual approval of a written norm, which eventually became a state monopoly and gave rise to a conflict between conscience (metaphysical natural-divine law based on the concept of sin) and law (changeable law of the state based on the concept of crime) due to the transition from the model of 'law is law for it is fair' to the model of 'law is law for it is established'. Discussions about the relationship between conscience and law (a mandatory set of rules) put an end to the legal pluralism of the medieval world and laid the foundation for modern ethics which obliged not only subjects to obey the sovereign (authority), but also the sovereign to respect the freedoms and rights of subjects. In the course of complex institutional and social-cultural transformations of the 17th century, there was a transition from the moral theology of churches to the political-economic ethics of the 18th century in search for a new legitimation of the norm. According to Prodi, morality was legalized through the criminalization of sin, law was moralized through the condemnation of civil and criminal lawlessness, and later the positive law became self-referential (combination of ideology, institutions and rituals).

Prodi insists that the contemporary world of a one-dimensional norm destroys the very idea of justice: "Justice supervises and punishes us for our sexual habits (reaching the point that manifestations of feelings are regulated by law and discussed in court), imposes new prohibitions, paralyzes family relationships, economic activity and work, health care and school education, and accompanies us from birth to death. ...Abortion and euthanasia, in addition to genetic manipulation and environmental protection, are the most striking manifestations of the inability of the one-dimensional norm to solve problems of justice... Protecting minorities or sectors of society considered weak with the help of special legal norms and courts, despite good intentions, also paralyze society just as 'political correctness' turns into dangerous censorship" [39. P. 505]. Thus, to achieve social justice, we need to return the gap between the legal norm and the collective moral norm (in Russia, this gap remains and is unlikely to disappear given the strengthening repressive measures of the state under the persisting informal types of social interactions).

In the second approach to the definition of justice, scholars strive to construct its 'ideal' political-philosophical model in order to make reasonable judgments on comparative justice with practical implications for the fight against injustice. Sen criticizes those theories of social justice that construct a model of an ideally fair social structure and reject a comparative analysis of social realities. According to Sen, in our daily lives we face various forms of inequality and oppression, but even famous historical figures did not try to create a perfectly fair society — only to eliminate as much injustice as possible [47. P. 11]. Sen believes that we need a theory of justice that would clarify rather possible approaches to strengthening justice and eliminating injustice than the nature of perfect justice — this theory

would become a basis for practical reasoning by considering both institutional weaknesses and individual deviations as sources of injustice.

Sen develops his conceptual definition of justice by rejecting its three traditional interpretations: the definition of justice as fairness and the call for establishing the principles of justice by creating a social structure based on ‘fair institutions’ (Sen does not deny the role of institutions but emphasizes their instrumental nature); the search for perfectly fair social structures, which started during the Enlightenment (Sen opposes this search with a comparative method but supports the theory of ‘social contract’); the interpretation of rationality and justice as exclusively European achievements of the Enlightenment (Sen shows that there were powerful traditions of reasoning and ideas of justice, honesty, responsibility, duty, kindness and rightness in the intellectual history of non-Western societies). Thus, Sen considers the comparative analysis a basis of justice, because public debates and reasoning guarantee some objectivity of political and ethical opinions, and argues that justice should be based on the idea of honesty in order to avoid biases in judgments and to respect interests and needs of others.

Sen reproduces the traditional sociological dilemma ‘macro-micro’ (institutions — behavior) by asking how the imaginary coherent and logical models of social contract (‘people strive to ensure social justice by good deeds’) can be achieved in our real world. Sen does not deny the importance of institutional equilibrium and its restraining function — he argues that we need institutions strengthening justice and should not consider ‘right/fair’ institutions as self-sufficient manifestations of justice [47. P. 130]. The study of social justice led Sen to the analysis of the relationship between happiness and well-being (determined by both social circumstances and subjective assessments). He does not agree with the idea that happiness is a criterion for assessing social justice, because there is a difference between well-being and happiness, on the one hand, and freedom and opportunities, on the other hand [see, e.g.: 29]. However, if we do not attribute a despotic determining role to happiness, it can rightfully be considered a very important factor, among other things (equality, freedom, etc.). Therefore, the main goal of all theories of justice is to make peoples’ life better by helping them to fight injustice and by explaining their personal responsibility for protecting and strengthening justice by one’s choices. This is a very difficult task for ‘experts’ that are expected to provide criteria for happiness, trust and justice (and their opposites), and this task has become even more difficult under the ‘death of expertise’ [35; see in more detail: 52].

Neither sociologists nor other social scientists have developed clear and reliable definitions of the phenomena that constitute the very foundations of our social life (love, happiness, trust and justice), despite numerous theoretical works and empirical research describing the society in the perspective of these phenomena (how happy we are and why, what types of love are important for us and why, whom we trust, and whether we believe in social justice). The lack of such conceptual definitions is so crucial, because the public prefers clear instructions on what to do

and trusts government as relying on expert opinions. The covid-19 pandemic created not only the objectively new social-economic-political situation but also made us all personally responsible for difficult choices in the spheres we are not competent in and not capable of controlling the outcomes of our decisions [see: 3. P. 5; 15]. Certainly, we still trust doctors, lawyers and many others when we run into troubles, but we learn to use their “established knowledge as an off-the-shelf convenience as needed and only so far as desired” [35. P. 4]. This worsens the traditional situation with the academic ‘ivory towers’ (experts retreat into scientific terminology and interact only with ‘equals’ in knowledge and rigor) and aggravates the scale of risks in the contemporary society [see; 5; 10], which leads to a general decline in social trust (to major social institutions based on expert knowledge [see: 18]), in social justice (not supported by social institutions), and, finally, in the very possibility of social happiness (if social institutions fail to provide necessary freedoms, opportunities and rules). Thus, ambiguous and confusing conceptual definitions undermine the very foundations of social order, which requires our efforts to more clearly describe the society we live in with the most essential social notions both experts and laypeople use [see: 4; 51].

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 20-011-00307 “Subjective and objective measurements of happiness: Justice as a criterion for personal and social well-being”.

References

- [1] Argyle M. *The Psychology of Happiness*. Saint Petersburg; 2003. (In Russ.).
- [2] Bachmann R. At the crossroads: Future directions in trust research. *Journal of Trust Research*. 2011; 1.
- [3] Bauman Z. *The Individualized Society*. Malden; 2000.
- [4] Bauman Z. Sociological enlightenment — for whom, about what? *Theory, Culture & Society*. 2000; 17 (2).
- [5] Beck U. *Risk Society: Towards A New Modernity*. London; 1992.
- [6] Better Life Index. URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/#/11111111111>.
- [7] Brugger P. Trust as a discourse: Concept and measurement strategy. *Journal of Trust Research*. 2015; 5 (1).
- [8] Chepurnykh M.N. Happiness indexes: Western experience (a sociological review). URL: <http://www.teoria-practica.ru/-9-2012/sociology/chepurnykh.pdf>. (In Russ.).
- [9] Coleman J.S. *Foundations of Social Theory*. Cambridge; 1990.
- [10] Doyle A. Trust, citizenship and exclusion in the risk society. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.610.6331&rep=rep1&type=pdf>.
- [11] Driver M. How trust functions in the context of identity work. *Human Relations*. 2015; 68 (6).
- [12] Easterlin R. Income and happiness: Towards a unified theory. *Economic Journal*. 2001; III.
- [13] Easterlin R. Will raising the income of all increase the happiness of all? *Journal of Economic Behavior and Organization*. 1995; 27.
- [14] Elster J. *Sour Grapes: Studies in the Subversion of Rationality*. Moscow; 2018. (In Russ.).
- [15] Flint J., Powell R. Individualization and social dis/integration in contemporary society: A comparative note on Zygmunt Bauman and Norbert Elias. F. Dépelteau, T.S. Landini (Eds.). *Norbert Elias and Social Theory*. New York; 2013.

- [16] Gambetta D. (Ed.) *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*. New York; 1988.
- [17] Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge; 1991.
- [18] Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge; 1990.
- [19] Gorlizki Y. *Structures of trust after Stalin*. *Slavonic and East European Review*. 2013; 91 (1).
- [20] Govier T. *Social Trust and Human Communities*. Montreal–London; 1997.
- [21] Gudkov L. *Trust in Russia: Meaning, Functions, Structure*. Moscow; 2011. (In Russ.).
- [22] Habermas J. *The Philosophical Discourse of Modernity*. Cambridge; 1990.
- [23] Hosking G. *Trust: A History*. Oxford; 2014.
- [24] Human Development Report. URL: <http://hdr.undp.org/en>.
- [25] Illouz E. *Why Love Hurts. A Sociological Explanation*. Polity Press; 2016.
- [26] Jalava J. *Trust as a Decision. The Problems and Functions of Trust in Luhmannian Systems Theory*. Helsinki; 2006.
- [27] Kuchenkova A.V. Interpersonal trust in the Russian society. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2016; 1. (In Russ.).
- [28] Lane C., Bachmann R. *Trust Between and Within Organizations. Conceptual Issues and Empirical Applications*. New York; 1998.
- [29] Layard R. *Happiness: Lessons from a New Science*. Moscow; 2012. (In Russ.).
- [30] Levi M. *Sociology of Trust*. Seattle; 2015.
- [31] Luhmann N. *Trust and Power*. Chichester; 1979.
- [32] Misztal B.A. *Trust in Modern Societies*. Cambridge; 1996.
- [33] Morris I. *Foragers, Farmers, and Fossil Fuels: How Human Values Evolve*. Moscow; 2017. (In Russ.).
- [34] Nannestad P. What have we learned about generalized trust, if anything? *Annual Review of Political Science*. 2008; 11.
- [35] Nichols T. *The Death of Expertise. The Campaign against Established Knowledge and Why It Matters*. New York; 2017.
- [36] Osin E.N., Leontiev D.A. Testing of the Russian-language versions of two scales for the express-assessment of subjective well-being. *Materialy III Vserossiyskogo sotsiologicheskogo congressa*. Moscow; 2008. (In Russ.).
- [37] Papakostas A. *Civilizing the Public Sphere: Distrust, Trust and Corruption*. Moscow; 2016. (In Russ.).
- [38] Polanyi K. *The Great Transformation*. Boston; 1944.
- [39] Prodi P. *A History of Justice: From the Pluralism of Forums to the Modern Dualism of Conscience and Law*. Moscow; 2017. (In Russ.).
- [40] Putnam R.P. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York; 2000.
- [41] Riggs F.W. The importance of concepts: Some considerations on how they might be designated less ambiguously. *American Sociologist*. 1979; 14 (4).
- [42] Rodionova L.A. Methodological aspects of measuring and modeling the level of happiness. *Ekonomika. Upravlenie. Pravo*. 2012; 6. (In Russ.).
- [43] Rothstein B. *The Quality of Government: Corruption, Social Trust, and Inequality in International Perspective*. Chicago–London; 2011.
- [44] Rozanov V.V. *The Purpose of Human Life*. Moscow; 2001. (In Russ.).
- [45] Sasaki M., Davydenko V.A., Romashkina G.F., Voronov V.V. Comparative analysis of trust in different countries. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2013; 3. (In Russ.).
- [46] Seligman M.E.P. *New Positive Psychology: A Scientific View of Happiness and Meaning of Life*. Moscow; 2006. (In Russ.).
- [47] Sen A. *The Idea of Justice*. Moscow; 2016. (In Russ.).
- [48] Shmatova Yu.E., Morev M.V. Measuring the level of happiness: A review of Russian and foreign studies. *Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*. 2015; 3. (In Russ.).

- [49] Singh T.B. A social interactions perspective on trust and its determinants. *Journal of Trust Research*. 2012; 2 (2).
- [50] Sztompka P. *Trust: A Sociological Theory*. Cambridge; 1999.
- [51] Tabet S. Interview with Zygmunt Bauman: From the modern project to the liquid world. *Theory, Culture & Society*. 2017; 34 (7–8).
- [52] Trotsuk I.V. All power to the experts? Contradictions of the information society as both depending on and devaluating expertise. *Russian Sociological Review*. 2021; 20 (1).
- [53] Trotsuk I.V. Some features of an inspiring book; or why sociologists should study love despite its intangibility. *Russian Sociological Review*. 2017; 16 (4).
- [54] Trotsuk I.V. Justice in sociological discourse: Semantic, empirical, historical, and conceptual challenges. *Russian Sociological Review*. 2019; 18 (1). (In Russ.).
- [55] Trotsuk I.V., Grebneva V.E. Possibilities and limitations of the key methodological approaches to the study of happiness. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i Politologiya*. 2019; 25 (3). (In Russ.).
- [56] Trotsuk I.V., Koroleva K.I. Subjective well-being — quality of life or happiness? *Gumanitarnye, Sotsialno-Ekonomicheskie i Obshchestvennye Nauki*. 2020; 9. (In Russ.).
- [57] Trotsuk I.V., Savelieva E.A. Comparative studies of value orientations: Potential, limitations, and the logic of development. *RUDN Journal of Sociology*. 2015; 4. (In Russ.).
- [58] Tyler T.R. Trust and democratic government. V. Braithwaite, M. Levi (Eds.). *Trust and Governance*. New York; 1998.
- [59] Uslaner E. *The Moral Foundations of Trust*. Cambridge University Press; 2002.
- [60] Well-Being Index. URL: https://news.gallup.com/topic/well_being_index.aspx.
- [61] World Happiness Report. URL: <http://worldhappiness.report>.
- [62] Yamagishi T., Yamagishi M. Trust and commitment in the United States and Japan. *Motivation and Emotion*. 1994; 18.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-365-376

Сложные понятия с множественными коннотациями: в поисках концептуальных определений*

И.В. Троцук

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия
(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

Аннотация. Одна из фундаментальных проблем социологического знания — определение своих основных понятий: многие слова повседневного языка и научного дискурса совпадают, несмотря на то что социологические категории предполагают более высокий уровень обобщения. Безусловно, проблема корректной интерпретации понятий более характерна для

---

* © Троцук И.В., 2021

Статья поступила в редакцию 25.02.2021 г. Статья принята к публикации 30.04.2021.

эмпирической работы — когда социологи превращают свои концепты в наборы эмпирических индикаторов, которые должны быть настолько понятны респондентам, чтобы они смогли ответить на вопросы анкеты в заданных исследователем контекстуальных рамках, а социологи смогли сделать по результатам анализа этих ответов обоснованные выводы. Тем не менее, отсутствие общепризнанных концептуальных определений — не менее важная проблема, потому что наше представление о социальной реальности конструируется именно из них (мы считаем общество справедливым, состоящим из институтов, которым мы доверяем и которые обеспечивают нам возможности стать счастливыми, или же придерживаемся противоположных оценок). В статье представлена возможная реконструкция стратегии поиска концептуальных определений таких сложных понятий с множественными коннотациями, как любовь, счастье, доверие и справедливость. Эта стратегия включает в себя два шага: фокусировку на макро-социологическом измерении рассматриваемого феномена, поскольку именно это измерение определяет его разнообразные проявления и повседневные трактовки (в изучении любви и счастья этот шаг является основным); определение объективных и субъективных индикаторов рассматриваемого феномена (ключевой шаг в исследовании доверия и справедливости). Так, в социологическом анализе любви и счастья микро-социологическая трактовка очевидна (личная ответственность за то, чтобы обрести счастье и любовь), а ее макро-социологическая детерминация — не всегда (социальная стандартизация критериев обретения счастья и любви); доверие выступает источником социального порядка, сотрудничества, институциональных, организационных и повседневных взаимодействий, который снижает уровень неопределенности; в поисках концептуального определения справедливости можно выделить два основных направления — справедливость выступает (1) одним из множества оснований некоей теоретической модели общества, (2) «идеальной» политико-философской моделью социального порядка или «инструментом» сравнительного анализа его разных версий.

Ключевые слова: сложные понятия; множественные коннотации; концептуальные определения; любовь; счастье и (социальное) благополучие; (социальное) доверие; (социальная) справедливость; экспертное знание; социальный порядок

Информация о финансировании

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-011-00307 «Субъективное и объективное измерения счастья: справедливость как критерий личного и социального благополучия».

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-377-390

Artificial sociality in the human-machine interaction*

V. Komarova¹, J. Lonska², V. Tumulavičius¹, A. Krasko¹

¹Daugavpils University
Vienibas St., 13, Daugavpils, LV-5401, Latvia

²Rezekne Academy of Technologies
Atbrivosanas Alley, 115, Rezekne, LV-4601, Latvia
(e-mail: vera.komarova@du.lv; jelena.lonska@rta.lv;
vldas.tumulavicius@lka.lt; akrasko@inbox.lv)

Abstract. The article aims at clarifying the concept ‘artificial sociality’ in the human-machine interaction by answering the question whether artificial sociality is a prerequisite or a result of this interaction. The authors conducted a logical analysis of the definitions of sociality and artificial sociality as presented in the scientific literature, and conducted an empirical study of artificial sociality in the human-machine interaction with three methods — comparison of means, correlation analysis and discriminant analysis. All three methods were used in the analysis of the same data: indicators of the potential of the human-machine interaction and G. Hofstede’s six cultural dimensions. With these measurements of culture, the authors interpreted empirically the degree of its ‘artificiality’ (based on the methodological assumption about the combination of ‘natural’ and ‘artificial’ in culture) which determines the development of artificial sociality. Based on the results of the application of three methods of statistical analysis, the authors conclude that in the contemporary world, there are both conditionally ‘artificial’ cultures that are the most favourable for the development of artificial (algorithmic) sociality and conditionally ‘natural’ cultures that hinder the development of artificial sociality. This type of sociality emerged under the development of writing and various methods of processing and storing information (catalogues, archives, etc.), i.e., long before the creation of machines. Artificial sociality is determined by the relative ‘artificiality’ of culture, and is a prerequisite rather than a result of the human-machine interaction.

Key words: artificial sociality; human-machine interaction; G. Hofstede’s cultural dimension; comparison of means; correlation analysis; discriminant analysis

The starting point for this study was a critical article by E.P. Tavokin [32] published in 2019 in response to the article by A.V. Rezaev and N.D. Tregubova published a year earlier [28]. Tavokin claims that “there is no ‘artificial sociality’ in nature and cannot exist at all: sociality can only be natural” [32]. Rezaev and Tregubova define artificial sociality [29] based on the approach of T. Malsch and his colleagues, who introduced this term: “a communication network in which,

---

* © V. Komarova, J. Lonska, V. Tumulavičius, A. Krasko, 2021

The article was submitted on 02.02.2021. The article was accepted on 02.04.2021.

along with people, sometimes instead of people, other agents of artificial intelligence participate, and the Internet is the medium for their interaction” [22]. Rezaev and Tregubova claim to define artificial sociality ‘more broadly’ — as “the empirical fact of the participation of artificial intelligence agents in social interaction as its active mediators or participants” [29]. We used three methods — comparison of means, correlation analysis and discriminant analysis — to analyse the same data — indicators of the potential of the human-machine interaction [34] and six cultural dimensions [12; 15] — in order to identify empirically the degree of ‘artificiality’ of cultures, which determines the development of artificial sociality. Thus, methodology of the research presupposes (unlike Tavokin’s theory) the presence of artificial sociality despite the lack of its clear theoretical definition (communication network [8; 22], fact of participation [27], etc.) and empirical interpretation.

Interpretations of sociality — natural and artificial

The main difficulty in comprehending artificial sociality is the lack of common understanding of the terms ‘social’ and ‘sociality’, which combines their natural and artificial manifestations. According to N. Luhmann, “even what is usually referred to as ‘social’ has no unambiguously objective reference” [21]. At the same time, Luhmann separates mental systems (consciousness) from social systems (communication): “Man is a psychological phenomenon, but society and its subsystems are social” [20], and the challenge of our time is that machines are “becoming more and more social” [27; 30].

Thus, the key concept for understanding sociality is communication (not consciousness or intelligence). “Communication is the smallest possible unit of a social system... Communication... is autopoietic if it can be produced in a recursive connection with other communications, that is, only in a network in the reproduction of which every single communication participates” [21]. Communication network can be quite extensive, and its agents — “along with people, sometimes instead of people” [22] — can be animals or machines capable of communication, i.e., social animals and social machines [4], or cognitive agents [2], social agents or social intelligence agents [4]. Consciousness (‘thought feelings’ [16] of mental systems) does not have a decisive significance for sociality: agents of the communication network do not have to feel, i.e., to somehow experience their social actions; moreover, sometimes feelings reduce the efficiency of actions: “Despite our vast knowledge of mathematics and computer science, we have not yet invented a single data processing system that requires subjective experiences to function, and not one that experiences pain, joy, anger or love” [9].

In order to define the concept of ‘sociality’, we need to distinguish between the terms ‘sociality’ and ‘sociability’ (while the notions ‘social’ and ‘sociable’ [agent] are identical [3]) by negation: sociality is not properties, abilities or attributes [1] of agents in the communication network. Sociality is a certain result of the implementation of all these properties, abilities and attributes in social

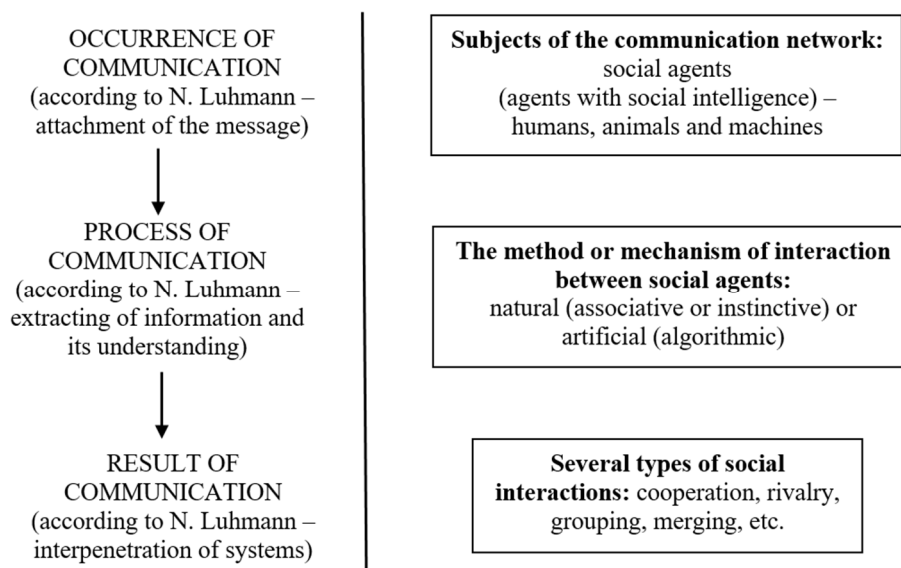
interaction. Means of social interaction, created and used by communicating agents, are different: cooperation, rivalry, grouping, organization, etc. [4; 14]. We believe that “sociality expresses the social essence of people’s life, the social specifics of their relationships and interactions” [7]. Thus, the ‘social’ in interactions leading to sociality is a pathway, method or mechanism which allows people (agents external to society, according to Luhmann) to ensure the functioning of the society as a social system they created. Thus, Luhmann defines the person not as an element of social system, but as a part of the world that ensures the functioning of social system [21].

To explain this method/mechanism of social interactions, G. Hofstede developed agent-based models (similar to system dynamics modeling for the study of complex systems [6: 24]), or a method of social simulation [14; 23] based on the idea of self-organization (autopoiesis) of all social systems. Hofstede wanted to understand how agents of the system interact and create its patterns [14], i.e., sociality is a pathway, method or mechanism of communication between agents — people, animals and machines — in the self-organizing social system. Then social intelligence is a driving force of communication, and naturalness or artificiality are features of sociality as a pathway, method or mechanism of interaction between social intelligences. In other words, artificial way, method or mechanism of social interaction determines artificial sociality. There are many types of sociality — natural [32], human [16; 18; 28], animal [16; 18] and artificial [14; 27; 28; 30]. According to Hofstede, “we have been obsessed with artificial intelligence, while forgetting artificial sociality” [14].

We consider artificial intelligence (more precisely, social intelligence participating in the communication network in some artificial way) as a determinant of artificial sociality, which is based on the works of Y. Harari. He argues that the invention of writing, then of classification, cataloguing, archiving and other methods for processing and storing information was the birth of artificial (algorithmic) intelligence which has nothing in common with the natural (associative) functioning of human brain (units of information are usually connected by associations and not logical connections). “When my wife and I go to the bank to sign a loan agreement for the purchase of a new home, we remember our first home, and from here the thread stretches to the honeymoon in New Orleans, and New Orleans is associated with crocodiles, crocodiles — with dragons, and this is direct way to the ‘Ring of the Nibelung’. And suddenly, without realizing it, I start humming Siegfried’s aria, but the bank clerk looks at me with surprise and confuses me, because in the bureaucratic system everything should be kept ‘on its shelves’” [9].

Thus, the artificial intelligence of accounting, jurisprudence, librarianship, archiving and other activities in the increasingly complex social system, invented by people as ‘servants’ of their mind which once became a tool for the development of large and stable societies (cities, countries, empires), is turning into a ‘master’. “Our computers do not understand well how we talk, feel and dream — and we are learning to speak, feel and dream in a computer-understandable language of

numbers” [9]. Artificial intelligence is an attribute of both machines and people — since the invention of writing and then the binary coding system. The development of artificial intelligence led to the emergence of artificial sociality as a means of communication of social agents based on the following algorithm: in system A, if we do B, then C happens [14] — and all these relationships can be understood, modelled and ‘decomposed’. The artificial relationship is based on this algorithm as an unnatural, not typical-for-man way of interaction, which is the basis of artificial sociality. The very attempt to comprehend the place of artificial sociality among other terms and concepts is also a manifestation of artificial sociality as determined by the ability of human intelligence for algorithmic thinking, which developed long before the invention of machines but is comprehensible to machines and is ‘spurred’ today by their rapid development. The Figure 1 presents all the above in the scheme of artificial sociality based on Luhmann’s model of communication [21].

Figure 1. Dynamic scheme of artificial (for people) sociality [3; 4; 7; 9; 14; 20; 21; 22]

Perhaps, art is one of the most important ‘strongholds’ of natural sociality in the world with an ever-increasing domination of artificial sociality. For instance, the great American artist M. Rothko believed that “ideally, an artist should express an inner sense of form without the intervention of mind. It is a physical and emotional experience, not an intellectual one” [26]. This is the natural human sociality in which “the object and the form lose their semantic load” [26]: person’s reaction is determined by associations and senses, not by a formalized and structured algorithm of artificial sociality based on functional dependence (A causes B, and B causes C). The Russian psycholinguist T.V. Chernigovskaya mentioned that great discoveries in mathematics and physics first ‘came’ to their authors in the form of colour spots, sounds, and only then were written in symbols

of artificial sociality (formulas). Today art researcher and educator M.S. Kazinik participates in the project of the School of Nobel Laureates — a system for developing children thinking as associative and interdisciplinary [17].

At first sociality became ‘human’ [18], in the contemporary world it becomes increasingly ‘machine’ due to losing its both ‘bestial’ and ‘sublime’ (i.e., irrational) nature (according to I.A. Khrzhanovsky, the director of the project *Dau*, — losing ‘horror and beauty’ as features of the natural human sociality). “Homo Sapiens will not be exterminated by rebellious robots. Most likely, he will gradually change himself, merging with robots and computers more and more, until our descendants look back and understand that they are not at all the creatures who wrote the Bible, built the Great Wall of China and laughed at Charlie Chaplin’s films” [9].

Methodology for the empirical study of artificial sociality

To develop a methodology for the empirical study of artificial sociality in the human-machine interaction, we admit the combination of the ‘natural’ and ‘artificial’ in culture, and the latter as the basis for the development of artificial sociality. “When a patriotic bureaucrat accepts the best-qualified workers for high-paying positions, rather than his relatives or friends, then this is contrary to millions of years of evolution. Tax evasion and nepotism are natural for us, but nationalism calls it corruption. For people to condemn corruption and put national interests above family ties, countries have to maintain a huge apparatus that deals with education, propaganda and waving flags” [10]. “According to the universal law of least action, it is natural for people to economize on thinking, using ...convenient and familiar templates. Personal ties, dating between people are the basis of normal human communication and interaction” [19].

For the study of culture as a determinant of sociality — both natural or artificial — we used G. Hofstede’s model of six cultural dimensions as distinguishing countries (rather than individuals). The model consists of the following dimensions measured on the scale from 0 to 100 (in some cases, the upper score can exceed 100) [13]: Power Distance Index (PDI), Individualism vs Collectivism (IDV), Masculinity vs Femininity (MAS), Uncertainty Avoidance Index (UAI), Long Term Orientation vs Short Term Normative Orientation (LTO), Indulgence vs Restraint (IVR). Hofstede tried not to assess them in the ‘naturalness-artificiality’ perspective except one dimension — Indulgence vs Restraint, because Indulgence stands for “the basic and natural human drives associated with the enjoyment of life and fun” [13]. Thereby, in this model of national culture, ‘natural’ means a culture with a high level of indulgence of desires and a low level of social constraints.

The idea of using Hofstede’s cultural dimensions for the study of other social phenomena is not new. For instance, in 2011, D.A. Coehlo published the results of the study of the relationship between production strategy, company size, national culture and innovativeness of companies in Europe [5], based on four ‘classic’ cultural dimensions — power distance, individualism-collectivism, masculinity-femininity, and uncertainty avoidance [11] (two other dimensions — LTO and

IVR — were added to the model of national culture later, by Hofstede’s colleagues [15]). Coelho made a conclusion that cultural dimensions have a moderate impact on the production strategy, company size and innovativeness; in countries with greater power distance, innovative companies are more likely to use technological rather than managerial innovations. However, we do not know about attempts to use Hofstede’s cultural dimensions in the study of human-machine interaction.

For the empirical interpretation of the human-machine interaction we use the methodological approach developed and tested in the Daugavpils University [25] — it measures the potential of the human-machine interaction with two indicators (for higher stability of measurement): ICT (Information and Communication Technology) adoption and digital skills of the active population (provided by the World Economic Forum for more than a hundred countries on the scale from 0 to 100 [34]). Although these indicators do not show directly the level of the human-machine interaction in the country, the high score of two indicators indicates the high potential in this field [25]. Thus, the two indicators — ICT adoption and digital skills of the active population — are not sufficient but necessary for the development of the human-machine interaction, i.e., together they indicate at least the potential for the human-machine interaction in the country [25].

Table 1 presents two levels of the empirical analysis of the potential of the human-machine interaction — general and intergroup. We suggest that countries with a high potential will differ statistically significantly — by all or several cultural dimensions — from countries with a low potential, which will prove that artificial sociality, to a large extent determined by ‘artificiality’ of culture, helps to increase the potential of the human-machine interaction. To test this hypothesis, we used three methods on the same data for 63 countries: comparison of means (of cultural dimensions in the groups of countries with the high and low potential); correlation analysis (to estimate the strength and statistical significance of the relationships between cultural dimensions and the potential of the human-machine interaction); discriminant analysis (to identify the ‘discriminatory’ cultural dimensions in order to predict the country’s group).

Table 1

Two levels of the analysis of the potential of the human-machine interaction

General level	The sample of countries for which data is available for both indicators: ICT adoption and digital skills of the active population	
Intergroup level	High potential	Low potential
ICT adoption	Above the sample mean	Below the sample mean
Digital skills	Above the sample mean	Below the sample mean

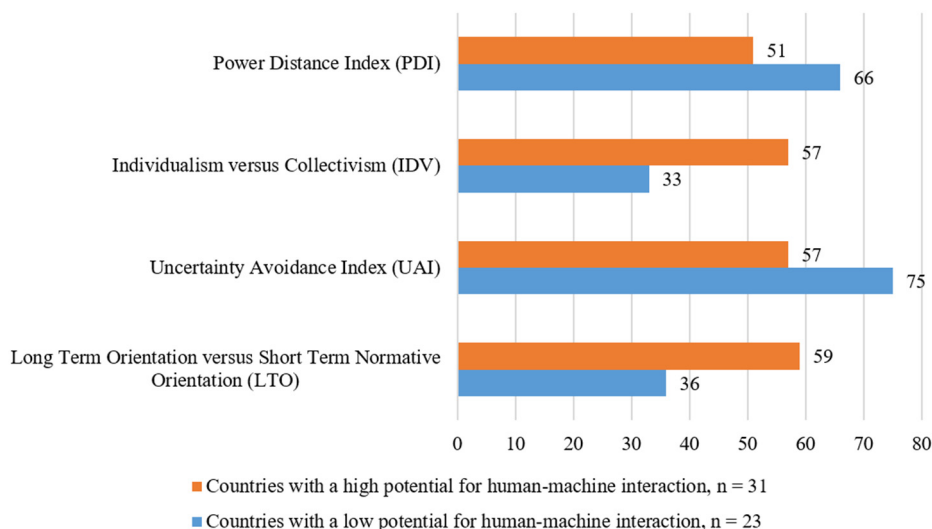
Note: countries with one indicator above and another indicator below the sample average were excluded from the intergroup level as ‘non-pure’ types

The results of the comparison of means for the six cultural dimensions in the groups with different potential of the human-machine interaction are presented in Table 2.

Mean values of cultural dimensions in groups of countries with different potential of the human-machine interaction, 2019 [12; 34]

Cultural dimensions	Sample (63)	High potential (31)	Low potential (23)	p
Power Distance Index (PDI)	59	51	66	0.008 (statistically significant)
Individualism vs Collectivism (IDV)	46	57	33	0.000 (significant)
Masculinity vs Femininity (MAS)	49	46	53	0.254 (insignificant)
Uncertainty Avoidance Index (UAI)	67	57	75	0.002 (significant)
Long Term vs Short Term Normative Orientation (LTO)	49	59	36	0.000 (significant)
Indulgence vs Restraint (IVR)	49	49	49	0.993 (insignificant)

Countries with a high potential of the human-machine interaction have higher indicators in four cultural dimensions — PDI, IDV, UAI, and LTO; while in MAS and especially IVR, there is no statistically significant difference between groups with the high and low potential. Thus, MAS and IVR are not statistically significant for the human-machine interaction and do not contribute to the dissemination of the artificial (algorithmic) means of social agents interaction (Fig. 1), i.e., these two cultural dimensions are not decisive for the development of artificial sociality.

Figure 2. Statistically significant differences in cultural dimensions in two groups of countries

In order to verify the results of the comparison of means, we conducted the correlation analysis of cultural dimensions and indicators of the potential of the human-machine interaction for the sample of 63 countries not divided in groups with different potential (Table 3).

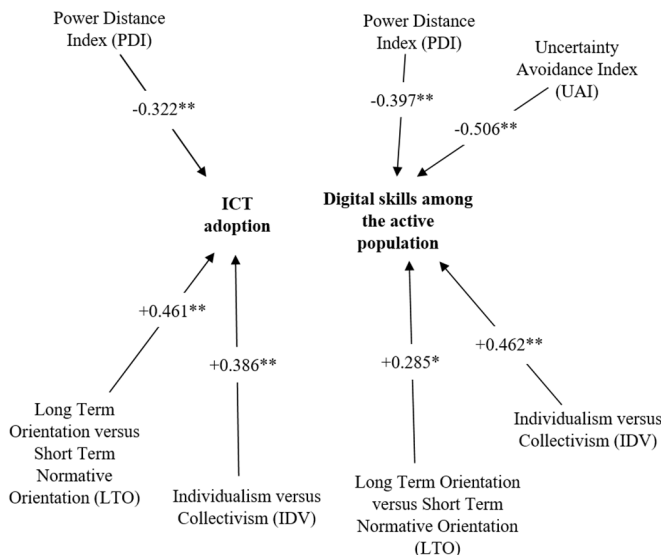
Table 3

Cultural dimensions and potential of the human-machine interaction (Pearson), 2019

Cultural dimensions	Indicators	
	ICT adoption	Digital skills
Power Distance Index (PDI)	-0.322** p = 0.010 (significant correlation)	-0.397** p = 0.001 (significant correlation)
Individualism vs Collectivism (IDV)	+0.386** p = 0.002 (significant)	+0.462** p = 0.000 (significant)
Masculinity vs Femininity (MAS)	-0.209 p = 0.100 (insignificant)	-0.186 p = 0.144 (insignificant)
Uncertainty Avoidance Index (UAI)	-0.189 p = 0.139 (insignificant)	-0.506** p = 0.000 (significant)
Long Term vs Short Term Normative Orientation (LTO)	+0.461** p = 0.000 (significant)	+0.285* p = 0.024 (significant)
Indulgence vs Restraint (IVR)	-0.004 p = 0.976 (insignificant)	0.075 p = 0.559 (insignificant)

* Statistically significant correlation (with 95% probability)
 ** Statistically significant correlation (with 99% probability)

The results of the correlation analysis confirmed the results of the comparison of means, and two cultural dimensions — MAS and especially IVR — do not show the statistically significant correlation with the indicators of the potential of the human-machine interaction. The other four cultural dimensions (except for UAI in relation to the ICT adoption) showed statistically significant moderate relations with both indicators, i.e., proved their importance for the development of artificial sociality. Despite the fact that in the mathematical sense, the correlation means a two-way relationship of variables, the Figure 3 shows the one-way statistically significant relationships — cultural dimensions affect indicators of the human-machine interaction.

Figure 3. Statistically significant influences of cultural dimensions on indicators of the country’s potential of the human-machine interaction (Pearson Correlation, 63 countries)

We used the discriminant analysis to identify the cultural dimensions whose ‘discriminating’ power determines the group of the potential for the country. At first, we tested the very possibility of the discriminant analysis on the sample of 63 countries based on the eigenvalues (the correlation coefficient between the calculated values of the discriminant function and actual group membership is 0.767, which is satisfactory [13]) and the Wilks’ Lambda (the mean values of the discriminant function differ significantly in both groups — ($p < 0.001$)). The results of the discriminant analysis in Table 4 prove the accuracy of predictions and the statistical significance (‘discriminant power’) of all potentially ‘discriminatory’ cultural dimensions (Table 5). Thus, from 31 countries with a high potential of the human-machine interaction, 28 were correctly predicted to be in this group (90.3%), while 3 countries were mistakenly included in this group. In the group with a low potential of the human-machine interaction, 4 countries were mistakenly included, while 19 countries do belong to this group (82.6%). Therefore, the applied model of the discriminant analysis more accurately predicts the country’s group with the high potential.

Table 4

Results of the discriminant analysis

Units and groups		Predicted potential	
Units	Groups	Countries with a high potential of the human-machine interaction	Countries with a low potential of the human-machine interaction
Numbers	Countries with a high potential	28	3
	Countries with a low potential	4	19
	Ungrouped cases*	3	6
%	Countries with a high potential	90.3	9.7
	Countries with a low potential	17.4	82.6
	Ungrouped cases	33.3	66.7

* These are those 9 countries in which one indicator of the potential of the human-machine interaction is higher than the sample mean, and the other is lower; therefore, they do not belong to any group

The main result of the discriminant analysis is the average level of correctness of predictions for both groups: $28 + 19 = 47$ countries’ group was correctly predicted, which is 87% (47 out of 54 countries included in the analysis). This is a high correctness level [31]: in 87% of cases, it is possible to assess the country’s potential of the human-machine interaction by its cultural dimensions. To check which cultural dimensions allow to immediately say (with 87% probability) in which of two groups a country will be included, we made Table 5 showing the statistical significance (real ‘discriminant power’) of the cultural dimensions used in the discriminant analysis.

Table 5

Statistical significance of cultural dimensions

Cultural dimensions	Mann-Whitney U	Wilcoxon W	Standardized value Z	Statistical significance
Power Distance Index (PDI)	188.5	684.5	-2.94	0.003
Individualism vs Collectivism (IDV)	157.5	433.5	-3.484	0
Masculinity vs Femininity (MAS)	310	806	-0.814	0.416
Uncertainty Avoidance Index (UAI)	182.	678	-3.054	0.002
Long Term vs Short Term Normative Orientation (LTO)	157.5	433.5	-3.482	0
Indulgence vs Restraint (IVR)	346	622	-0.184	0.854

Note: the grouping variable is the high or low potential of the human-machine interaction

According to Table 5, like in the comparison of means and in the correlation analysis, two dimensions of culture — MAS and IVR) — are not statistically significant for predicting the country’s potential of the human-machine interaction. In the contrary, PDI (p = 0.003), UAI (p = 0.002), and especially IDV and LTO (p = 0) are those ‘discriminatory’ variables that determine this potential.

Based on the results of all three methods of the statistical analysis, we can conclude that there are conditionally ‘artificial’ cultures that are the most favourable for the development of artificial (algorithmic) sociality and conditionally ‘natural’ cultures that hinder the development of artificial sociality. Table 6 presents the main features and examples of both types of culture.

Table 6

Key features and examples of conditionally ‘artificial’ and ‘natural’ cultures

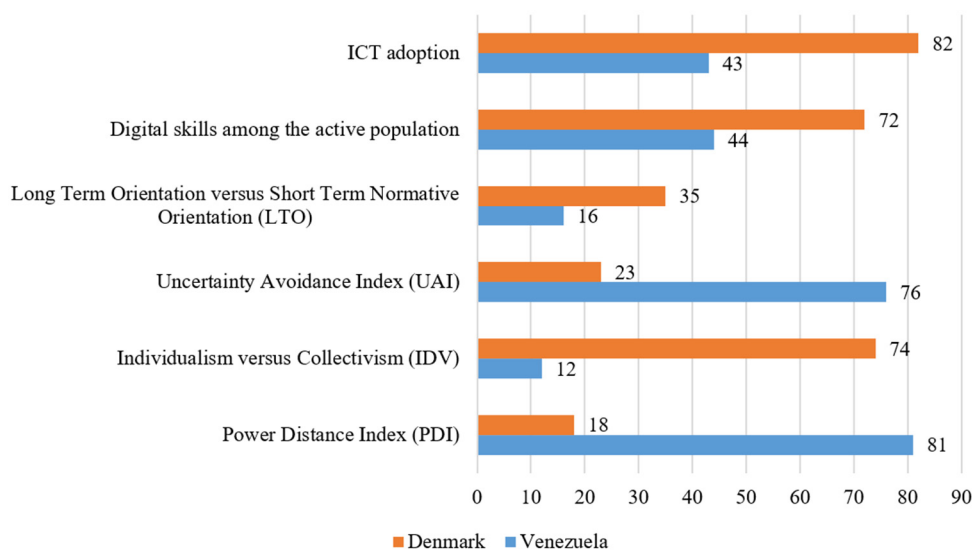
‘Artificial’		‘Natural’	
Features	Leaders	Features	Leaders
Small power distance	Austria (11) Denmark (18) New Zealand (22)	Big power distance	Malaysia (104) Philippines (94) Russia (93)
Individualism	USA (91) Australia (90) United Kingdom (89)	Collectivism	Venezuela (12)* Columbia (13) Indonesia, Pakistan (14)
Uncertainty acceptance	Singapore (8)** Denmark (23) Hong Kong (29)	Uncertainty avoidance	Greece (112) Portugal (104) Malta (96)
Long term (pragmatic) orientation	South Korea (100) Japan (88) China (87)	Short term (normative) orientation	Columbia, Trinidad and Tobago (13)*** Iran, Morocco (14) Venezuela (16)

* The score corresponds to a relatively low level of individualism

** The score corresponds to a relatively low level of uncertainty avoidance

*** The score corresponds to a relatively low level of long term (pragmatic) orientation

Since Denmark and Venezuela are the leaders of, respectively, conditionally ‘artificial’ and ‘natural’ culture twice (according to two cultural dimensions each), they can be considered the most typical representatives of these culture. Figure 4 presents the comparison of the ‘discriminatory’ cultural dimensions and indicators of the potential of the human-machine interaction for Denmark and Venezuela. Both countries demonstrate large differences not only in the ‘discriminatory’ cultural dimensions, but also in the indicators of the potential of the human-machine interaction. For instance, the level of ICT adoption in Denmark is twice higher than in Venezuela (82 vs 43), and the digital skills of the active population in Denmark is also almost twice higher than in Venezuela (72 vs 44). Thus, Denmark and Venezuela can be considered as an example that the ‘artificiality’/‘naturalness’ of culture (determining the development of the corresponding types of sociality) is a significant factor of the potential of the human-machine interaction.

Figure 4. Denmark’ and Venezuela’ scores of the ‘discriminatory’ cultural dimensions and indicators of the potential of the human-machine interaction

Thus, we can conclude that sociality is not properties of agents in the communication network, but a result of the implementation of these properties in social interactions created and used by communicating agents. Artificial sociality presupposes artificial (algorithmic) as opposed to natural (associative or intuitive) means of interaction between social agents due to the development of various methods of processing and storing information long before the appearance of machines. Artificial sociality is determined by the conditional ‘artificiality’ of culture and is a prerequisite, not a result of the human-machine interaction. Therefore, the ‘artificiality’ of culture is a decisive factor of the potential of the human-machine interaction.

Funding

The research was supported by the Erasmus+ Program of the European Union Eurokey. Project No. 2017-1-TR01-KA202-046115.

References

- [1] Antinazi A. Sociabelnost [Sociability]. *Entsiklopediya sociologii*. URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/fc/slovar-209-2.htm#zag-3769>. (In Russ.).
- [2] Castelfranchi C. Guaranties for autonomy in cognitive agent architecture. Woolridge M., Jennings N. (Eds.). *Intelligent Agents I*. Berlin; 1995.
- [3] Castelfranchi C. Individual social action. Holmstrom-Hintikka G., Tuomela R. (Eds.). *Contemporary Action Theory. Vol. 2: Social Action*. Springer; 1997.
- [4] Castelfranchi C. Modelling social action for AI agents. *Artificial Intelligence*. 1998; 103 (1–2).
- [5] Coelho D. A study on the relation between manufacturing strategy, company size, country culture and product and process innovation in Europe. *International Journal of Business and Globalisation*. 2011; 7 (2).
- [6] Currie D., Smith C., Jagals P. The application of system dynamics modelling to environmental health decision-making and policy — a scoping review. *BMC Public Health*. 2018; 18.
- [7] *Elsukov A. Sotsiologija [Sociology]*. Minsk; 2014. (In Russ.).
- [8] Fischer K., Florian M., Malsch T. (Eds.). *Socionics: Scalability of Complex Social Systems*. Berlin–Heidelberg; 2005.
- [9] Harari Y. *Homo Deus: A Brief History of Tomorrow*. Harvill Secker; 2016.
- [10] Harari Y. *21 Lessons for the 21st Century*. Spiegel & Grau; 2018.
- [11] Hofstede G. *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviours, Institutions and Organizations Across Countries*. Thousand Oaks; 2001.
- [12] Hofstede G. 6 dimensions for website.xls. Dimension Data Matrix. URL: <https://geerthofstede.com/research-and-vsm/dimension-data-matrix>.
- [13] Hofstede G. *Dimensions of National Culture*. URL: <https://hi.hofstede-insights.com/national-culture>.
- [14] Hofstede G.J. *Artificial Sociality: Simulating the Social Mind*. URL: https://geerthofstede.com/wp-content/uploads/2019/05/Oratieboekje_Hofstede_Artif-Sociality-2019-01-17.pdf.
- [15] Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. McGraw Hill Professional; 2010.
- [16] Kamenets A. *Kulturologiya russkogo mira: dukhovnye osnovy natsionalnogo mentaliteta [Culturology of the Russian World: Spiritual Foundations of the National Mentality]*. Moscow; 2016. (In Russ.).
- [17] Kazinik M. *Shkola Nobelevskih laureatov [School of Nobel laureates]*. URL: http://kazinik.ru/documents/d8eaecebe0_cdeee1e5ebe5e2f1cae8f5_ebe0f3f0e5e0f2ee.html. (In Russ.).
- [18] Krasavin I. *Fraktalnaya istoriya [Fractal Story]*. Moscow; 2015. (In Russ.).
- [19] Lebedev S. *Belgorod — gorod “kumovstva” i “svjazej” [Belgorod is a city of “nepotism” and “connections”]*. URL: <https://fonar.tv/article/2019/03/15/belgorod-gorod-kumovstva-i-svyazey-sociolog-sergey-lebedev-o-populyarnyh-belgorodskih-stereotipah>. (In Russ.).
- [20] Luhmann N. *Social Systems*. Palo Alto; 1995.
- [21] Luhmann N. *Introduction to Systems Theory*. Polity Press; 2013.
- [22] Malsch T. (Ed.) *Sozionik — Soziologische Ansichten uber kunstliche Sozialitat*. Berlin; 1998.
- [23] Malsch T. Naming the unnamable: Socionics or the sociological turn of/to Distributed Artificial Intelligence. *Autonomous Agents and Multi-Agent Systems*. 2001; 4 (3).
- [24] McKelvie D. *Modelling Social Care Complexity: The Potential of System Dynamics*. London; 2013.
- [25] Menshikov V., Kokina I., Komarova V., Korshenkov E. Human-machine collaboration as a factor of labour productivity and efficiency. *European Scientific Journal*. 2020; 16 (13).
- [26] Ottmann K. *The Essential Mark Rothko*. New York; 2003.
- [27] Rezaev A., Starikov V., Tregubova N. Sociologija v epohu “iskusstvennoj sotsialnosti”: poisk novyh osnovanij [Sociology in the era of “artificial sociality”: The search for new foundations]. *Sotsiologicheskie Issledovanija*. 2020; 2. (In Russ.).

- [28] Rezaev A., Tregubova N. Are sociologists ready for ‘artificial sociality’? Current issues and future prospects for studying artificial intelligence in social sciences. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018; 5.
- [29] Rezaev A., Tregubova N. “Iskusstvenny intellekt”, “onlain-kultura”, “iskusstvennaja sotsialnost’”: opredelenie ponjatij [‘Artificial intelligence’, ‘online culture’, ‘artificial sociality’: Definition of the terms]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019; 6. (In Russ.).
- [30] Rezaev A., Tregubova N., Starikov V. Sociological considerations on human-machine interactions: From artificial intelligence to artificial sociality. *Proceedings of the International Conference on Industry, Business and Social Sciences*. URL: <https://pureportal.spbu.ru/en/publications/sociological-considerations-on-human-machine-interactions-from-ar>.
- [31] Sweet S., Grace-Martin K. *Data Analysis with SPSS: A First Course in Applied Statistics*. Pearson; 2012.
- [32] Tavokin E. Iskusstvennost “iskusstvennoj sotsia'nosti” [The artificiality of ‘artificial sociality’]. *Sotsiologicheskie Issledovanija*. 2019; 6. (In Russ.).
- [33] University of Surrey: *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. URL: <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/JASSS.html>.
- [34] World Economic Forum. *The Global Competitiveness Report 2019*. Schwab K. (Ed.). Geneva; 2019.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-377-390

Искусственная социальность в человеко-машинном взаимодействии*

В. Комарова¹, Е. Лонская², В. Тумалавичюс¹, А. Краско¹

¹Даугавпилсский университет
ул. Виенибас, 13, Даугавпилс, LV-5401, Латвия

²Резекненская академия технологий
аллея Атбривошанас, 115, Резекне, LV-4601, Латвия
(e-mail: vera.komarova@du.lv; jelena.lonska@rta.lv;
vladas.tumalavicius@lka.lt; akrasko@inbox.lv)

Аннотация. Цель статьи — прояснить суть понятия «искусственная социальность» применительно к человеко-машинному взаимодействию, ответив на вопрос, является ли искусственная социальность предпосылкой или результатом этого взаимодействия. Для достижения поставленной цели авторы провели логический анализ определений социальности и искусственной социальности в научной литературе, а также эмпирически изучили искусственную социальность в человеко-машинном взаимодействии с помощью трех методов — сравнения средних, корреляционного анализа и дискриминантного анализа. Все три метода применялись для анализа одних и тех же данных: показателей потенциала взаимодействия людей и машин и шести культурных измерений, разработанных Г. Хофстеде. С помощью этих культурных измерений авторы попытались эмпирически интерпретировать степень «искусственности» культуры, опираясь на методологический принцип,

* © Комарова В., Лонская Е., Тумалавичюс В., Краско А., 2021

Статья поступила 02.02.2021 г. Статья принята к публикации 02.04.2021 г.

утверждающий сочетание «естественного» и «искусственного» в любой культуре. Результаты эмпирического анализа позволили авторам сделать вывод, что в современном мире существуют условно «искусственные» культуры, наиболее благоприятные для развития искусственной (алгоритмической) социальности, а также условно «естественные» культуры, препятствующие развитию данного типа социальности. Искусственная социальность начала оформляться в обществе вместе с созданием письменности, а затем развивалась по мере появления различных методов обработки и хранения информации (каталоги, архивы и т.п.), т.е. искусственная социальность появилась задолго до изобретения машин. Таким образом, искусственная социальность обусловлена «искусственностью» культуры и является предпосылкой, а не результатом человеко-машинного взаимодействия.

Ключевые слова: искусственная социальность; человеко-машинное взаимодействие; культурные измерения по Г. Хофстеде; метод сравнения средних; корреляционный анализ; дискриминантный анализ

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-391-402

Онлайн-сообщества в исследованиях политической коммуникации*

К.А. Платонов, Н.И. Легостаева

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия
(e-mail: konplatonov@gmail.com, n.legostaeva@spbu.ru)

Аннотация. Онлайн-сообщества в исследованиях политической коммуникации — сравнительно новая предметная область. В ее рамках активно формируются самостоятельные тематические разделы, которые во многом остаются фрагментированными в условиях недостаточной систематизации. В статье представлены результаты анализа и описание предметной области исследований онлайн-сообществ в контексте политической коммуникации на основе 60 англоязычных источников. В выборку вошли публикации, охватывающие широкий спектр вопросов: от активности официальных аккаунтов и сайтов политиков, партий, организаций до пользовательского поведения и политических дискуссий в виртуальных сообществах. Авторы выделили пять больших тематических групп, рассматривающих онлайн-сообщества с разных исследовательских ракурсов: классификация сообществ, изучение их структуры и элементов, анализ стратегий и тактик, функций и эффектов, а также «жизненного цикла». В статье описаны основные особенности и внутренняя структура выявленных групп, рассмотрены подходы и методики решения конкретных задач, связанных с изучением акторов, каналов, практик и моделей политической коммуникации. Авторы также рассматривают технические факторы формирования сообществ, различия в методах и единицах анализа, типы политических коммуникантов. В статье сделан вывод о достаточной «зрелости» рассматриваемого исследовательского направления и отдельных его подразделов, которая сочетается с неравномерной популярностью разных тематик. Онлайн-сообщества представляют собой особое публичное пространство, обращаясь к которому исследователи могут ответить на вопросы об успешности политических лидеров, движений и организаций, эффектах вирусного распространения онлайн-протестов и флешмобов, отклике аудитории на значимые политизированные проблемы. Авторы называют две тенденции в развитии соответствующей методологии: усиление практической ориентации и усложнение методических решений за счет использования машинных алгоритмов анализа данных.

Ключевые слова: политическая коммуникация; онлайн-коммуникация; Интернет; сообщества; онлайн-сообщества; политические сообщества; социальные сети

Онлайн-сообщества играют важную роль в социально-политической жизни, оказывая непосредственное воздействие на культуру, организации, образование, социальные группы — от активистов и представителей диаспор до объединений фанатов и геймеров [6; 9]. В общественных науках виртуальные сообщества традиционно изучаются в контексте проблематики

* © Платонов К.А., Легостаева Н.И., 2021

Статья поступила 15.09.2020 г. Статья принята к публикации 03.12.2020 г.

социальных сетей и отношений [44]. Согласно уже ставшему классическим определению Г. Рейнгольда «виртуальные сообщества — это социальные объединения, базирующиеся на интернет-взаимодействии достаточного количества людей в ходе публичной (достаточно длительной) дискуссии с целью формирования различных взаимоотношений между людьми в киберпространстве» [43. С. 6]. Согласно М. Хаммонду (свой подход он называет холистическим), «онлайн-сообщество состоит из людей, объединенных инструментальными и эмоциональными целями, а в ряде случаев созданием общих артефактов. Интеракция между участниками интернет-опосредована. В целях конструирования такого сообщества необходимо показать приверженность, выработать чувство связности, проявить реципрокность (взаимность коммуникации), разработать явные и продолжительные паттерны интеракции, сделать общим достоянием механизмы необходимого содействия (посредничества), чтобы поддерживать и развивать интеракцию» [23].

В данной статье мы хотим системно описать предметную область изучения онлайн-сообществ в контексте политической коммуникации. Для этого мы проанализировали 60 англоязычных источников, структурировали их по тематическим блокам, и выделили наиболее актуальные направления исследований. Так, в изучении политической коммуникации онлайн-сообщества представляют интерес не только как предмет исследования, но и как особые социально-политические структуры, обладающие властью и влиянием на большие аудитории. Исследователи рассматривают влиятельные онлайн-сообщества в контексте их связи с политическими группами интересов [48], сетевой дискуссии, характеризующейся приверженностью участников определенной партии, политическим взглядам [17], желанием и возможностью влиять на функции политической системы, процесс нормотворчества и (пере)определения социальных норм [47. С. 33].

Политические исследования онлайн-сообществ можно сгруппировать в четыре блока, различающиеся объектом наблюдения: онлайн-сообщества политических лидеров, блоков, движений, партий, организаций; онлайн-сообщества, представляющие официальные и неформальные, государственные и частные политические СМИ, институты и сервисы; онлайн-сообщества, посвященные отдельным событиям и действиям (митинг, подача петиции); онлайн-сообщества, представляющие отдельные политические идеи, идеологии, теории, распространяющие контент просветительского или пропагандистского характера (анархические, националистические).

Можно выделить несколько уровней анализа цифровых политических сообществ: платформы, тактики, инструменты и методы выражения политических убеждений [20]. Соответственно, в многообразии политических исследований онлайн-сообществ можно выделить несколько ключевых направлений: дифференциация и классификация сообществ, анализ их элементов и структуры в целом, определение, описание и сравнение их активности (стратегий и тактик, жизненного цикла), изучение их функций и эффектов.

Задача построения классификации возникает, прежде всего, в сравнительных исследованиях, от которых отталкиваются другие направления, например, связанные с анализом структуры и стратегий. Существует множество классификаций, группирующих объекты наблюдения по их атрибутам, отношению к платформам, физическим (не виртуальным) сообществам, степени связанности [30], способу создания, способу (порогу) вхождения в сообщество, социальному контексту [47. С. 33].

Применительно к политической жизни важно деление объединений на *онлайн-сообщества* и *онлайн-движения* (*e-communities* и *e-movements*) [11]: первые в основном ориентированы на дискуссию, вторые — на протест или другое коллективное действие. Также выделяют онлайн-сообщества, нацеленные на мобилизацию или длительную тактику (*e-mobilizations* и *e-tactics*) [12]: их различия определяются акцентом на содержании (контенте) или процессе (действии). Второе важнейшее измерение — тематика: описание *тематического ландшафта*, или «картирование» (*mapping*). Одним из очевидных вариантов является отношение к идеологии (левые, правые, центристские), к официальной повестке или способу ее фреймирования (поддерживающие, оппозиционные и дискуссионные — занимающие промежуточное положение) [59].

Обобщая данные о технической стороне сообществ, можно выделить ряд наиболее типичных *площадок* или *каналов* их активности: сообщество как публичная страница, страница события или ветка форума (например, «сабреддиты» на Reddit, группы и события ВКонтакте); сообщества, образованные пользователями для дискуссий по определенным темам (например, в Twitter [17]), или пользователями, объединенными определенным видом коммуникации (репосты, комментарии, упоминания, хештеги); сообщества на базе платформ «социальных новостей» (например, Digg), гибридных платформ, где контент создается пользователями (Пикабу, Lasillavacia [56]); сообщества, построенные на иных сервисах, например, на чатах или списках рассылки [30]. Особый тип онлайн-сообщества — структуры электронного правительства (*e-/digital government*), часто определяемые как наборы инструментов, позволяющие власти решать свои задачи, повышать уровень открытости и усиливать механизмы контроля [3. С. 206]. Ряд исследований посвящен поиску и анализу специфических политических сообществ (например, радикалистских [22; 45]).

Онлайн-сообщества, обладая определенной целостностью, все же состоят из отдельных элементов. В контексте политической коммуникации исследователи выделяют *ядро* и *периферию* — источник влияния и его аудиторию. Ядром политического онлайн-сообщества может выступать влиятельный лидер, например, Трамп — с помощью специалистов по корпоративному общению и маркетингу он привлек большое число других онлайн-сообществ [40], фокусируясь на ряде политических тем (иммиграция, внешняя политика, СМИ и женщины) в аккаунте @realDonaldTrump.

Направление, связанное с изучением участников онлайн-сообществ, называют «исследованием популяций» [25]. За различными структурными

паттернами политической коммуникации в соцсетях нередко скрываются определенные модели поведения, влияющие на механизмы распространения информации, характер информационных потоков [34]. Согласно Р. Барнсу разные модели поведения определяют формирование цифровой идентичности: «фанаты», «тролли» и «молчаливые участники» — это не просто случайные коммуниканты и «зрители», а *носители определенных культур комментирования*, находящиеся под влиянием индивидуальных и институциональных факторов [4]. Ряд исследователей занимались изучением так называемых «скрытых лиц», «молчаливых участников» [36]: «онлайн-прячущиеся» — это участники сообществ, которые редко дают обратную связь, хотя активно читают посты других [33]. Уровень скрытности зависит от двух параметров — размера группы и трафика: чем больше участников, тем выше уровень скрытности, чем выше трафик публикаций, тем уровень скрытности ниже [37].

«Информационные брокеры» — это пользователи, отправляющие сообщения, актуальные для разных аудиторий [21]. Информационные брокеры закрывают структурные пустоты между сообществами и создают мосты для передачи информации. Частью сообщества нередко является команда, обеспечивающая его функционирование и развитие. Это могут быть «закулисные» структуры, которые создают основу для информационных кампаний в Твиттере и в конечном итоге получают власть [29]. Так, в период выборов 2012 года команда онлайн-кампании Обамы состояла из четырех сотрудников социальных сетей и одного переводчика (в дополнение ко множеству других сотрудников), которые были достаточно автономны, что позволило им оперативно реагировать на политические события в том коммуникативном стиле, который соответствует нормам и ожиданиям пользователей Твиттера. Напротив, коммуникация команды Ромни, в которой к концу выборов насчитывалось 16 сотрудников, была скована многоуровневым контролем, что снизило возможности оперативной реакции на события.

Управление онлайн-сообществом в политических целях предполагает стратегии, тактическое и оперативное планирование на всех уровнях — от стратегии присутствия в соцсети до выбора конкретных тем и контента для публикации. Выделяют три основные тактики, которые активно используются политическими сообществами: *контрпубличный аффект*, *конфликт* и *юкстаполитика*. Контрпубличность обусловлена противоположностью и ненормативностью взглядов участников сообщества; под конфликтом подразумевается использование агрессивных форм речи; термин «юкстаполитика» обозначает способность производителей контента конструировать «близость» участников сообщества, «снижая» различия между «автором» и аудиторией [20].

Среди основных стратегий поддержки крупных групп интересов США в Твиттере также выделяют три стратегии: распространение информации (например, новостей); прямое взаимодействие с последователями или членами сообщества; продвижение определенного действия [32]. Ряд исследователей говорят об использовании сообществ активистами для организации,

планирования и координации протестных движений вне сети [19; 54]. Facebook, Twitter и блоги выступают не только информационными, но и эмоциональными каналами, посредством которых организаторы движений формируют у их участников чувство общности, необходимое для мобилизации рассредоточенной в пространстве и социально неоднородной группы избирателей [19]. В качестве критериев успешности политических твитов называют их своевременность, значимость, инсайдерский характер и лаконичность [39]. Кроме того, успех твита зависит от авторитета аккаунта, количества его подписчиков, темы и новизны [51].

Среди инструментов политических онлайн-сообществ выделяют: кампании преследования, агрессию, троллинг [20]; «отказ в обслуживании» — действия, способные привести к сбою сервера, чтобы сайт был временно недоступен [47]; мемы — юмор стимулирует критику нормативных сценариев [42], а в видеоконтенте привлекает молодежь, создавая сильные аффективные связи между аудиторией и создателем контента [13].

Онлайн-сообщества предоставляют определенный набор инструментов своим участникам — для обмена информацией, социального взаимодействия и поддержки, создания новых социальных связей [27]. Тем самым онлайн-сообщества реализуют внешние (политическое участие, артикуляция и объединение интересов) и внутренние (политическая социализация, влияние на ценности и взгляды, демократические практики) функции [47. С. 53]; а также обеспечивают эмоциональную поддержку, информирование и формирование чувства принадлежности [20].

Для политических исследований интерес представляет особый характер коммуникации в онлайн-сообществах — их *совещательность, дискуссионность* (*deliberativeness* [60]), способность выступать инструментом «цифровой демократии», выполнять консультационную функцию (*e-consultation*) — снабжение доступной информацией о принимаемых решениях и получение обратной связи от граждан [3. С. 207]. Не менее важна мобилизационная функция политизированных онлайн-сообществ. Электронная мобилизация (*e-mobilization*) — мощный механизм протестных и правозащитных движений («Арабская весна» [14] и «Occupy Wall Street» [52]). Многие политические онлайн-сообщества были инициаторами онлайн-акций с последующими успешными офлайн-демонстрациями: онлайн-сообщество против ядерных испытаний StranoNet из Флоренции, онлайн-кампании Electronic Frontier Foundation в защиту прав в цифровом поле, сеть альтерглобалистов Indymedia, испанский сайт noalaguerra.com и интернет-платформа MoveOn.org против войны в Ираке, интернет-сообщество Южной Кореи «Chongseon simin yeondae» (солидарность граждан на парламентских выборах), организация Campact.de (участие в политической жизни посредством электронной почты, писем, факсимильной связи и телефона в дополнение к офлайн-действиям) [47].

Отдельное направление формируют исследования, сфокусированные на социально-психологических и коммуникационных эффектах, возникающих во

внутренней и внешней среде в процессе создания и развития онлайн-сообществ. Так, онлайн-сообщества могут стать «эхо-камерами», отражающими и усиливающими общие взгляды, защищающими своих членов от идеологических нападков и снижающими уровень нетерпимости [10] в ходе четырех основных этапов в развитии онлайн-сообществ — формирования, распространения, реакции и сохранения [1]. Кстати, теория «слактивизма», или «диванного активизма», приравнивающая политическое участие онлайн к «самоуспокоительным действиям» [8], опровергается исследованиями, отмечающими значимую связь использования соцмедиа и политического участия [7].

Исследования на основе опросных методов показали связь между психологическими факторами и поведением онлайн. Так, страх социальной изоляции стимулирует пользователей потреблять политически-ориентированный контент и мотивирует их привлекать к себе внимание (*attention-seeking behavior*) [46]. Политическая коммуникация в социальных сетях в силу своей специфики зачастую проходит в ожесточенном ключе: праворадикальные течения используют «язык ненависти» (*hate speech*) дискриминационного характера (оскорбления, оценочные суждения, сарказм) [5; 57]. Как правило, вежливая дискуссия порождает уважительную реакцию и способствует развитию конструктивной коммуникации, не отходящей от темы [24]. Многие исследователи изучают поляризацию мнений и пользователей по разным вопросам, как, например, по поводу Брексита и выборов 2016 года в США [15]. Политическая поляризация в онлайн-сообществах важна для анализа информационного фона острых социальных проблем — ксенофобии [50] и радикализма [35].

Онлайн-сообщества характеризуются разной степенью устойчивости и характером развития. Разработано несколько схем жизненного цикла онлайн-сообществ: модель из 5 стадий — *зарождение, создание, рост, зрелость и смерть* [27]; акцент на управленческих задачах — *«консервация» сообщества, оценка его эффективности, эксплуатация, ликвидация* [49]; 5 стадий формирования онлайн-сообществ — *запуск, достижение критической массы, управление притоком публики, защита норм от новичков, институционализация власти* [28]. Изменчивости онлайн-сообщества способствуют следующие факторы: его размер, возраст и этап жизненного цикла, культура членов (международная, национальная, локальная), их физическое или виртуальное присутствие [53]. Например, А. Вромэн и У. Колмэн на примере австралийского движения «GetUp!» показывают взаимосвязь кампании по формированию онлайн-сообщества и роста численности участников и привлеченных средств: в разные моменты движение делало акцент на разных проблемах — от равноправия полов до загрязнения воздуха, развивая свои тактики и репертуар действия (электронные петиции, онлайн-рассылки, продвижение онлайн-видео), привлекая все больше сторонников и получая все больше пожертвований [58].

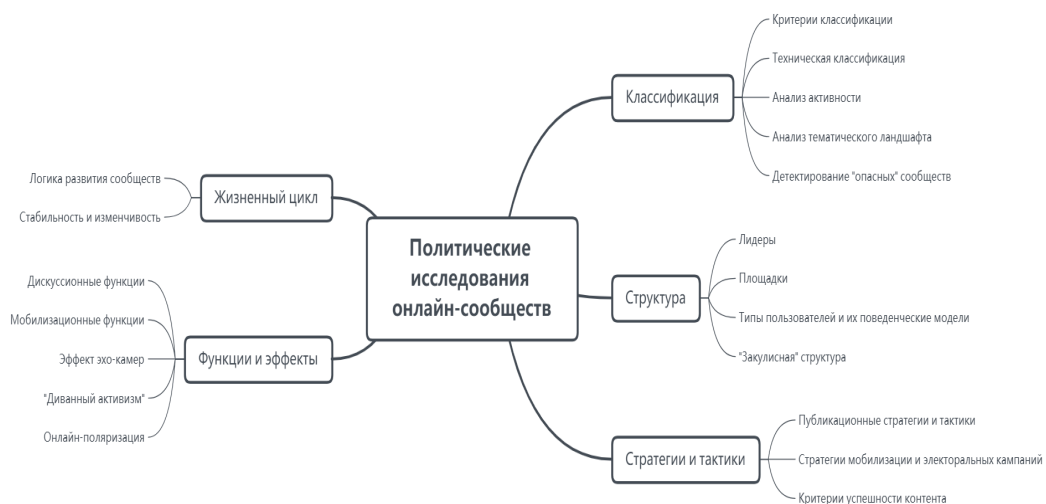
К факторам, которые определяют характер интернет-сообщества, относят: его цель (здравоохранение, образование, бизнес и др.), поддерживающая

программная среда (сервер рассылки, доска объявлений, чат и др.); структура управления и типы норм и правил [41]. По сути, даже токсичная коммуникация (троллинг, буллинг) может способствовать формированию и стабилизации дискуссионных сообществ [26].

***

Обобщение наиболее значимых направлений в исследованиях онлайн-сообществ в контексте политической коммуникации можно представить в виде схемы (Рис. 1). Следует отметить, что внутри каждого направления можно выделить специфические подгруппы, но эта задача дальнейших исследований.

Рисунок 1. Направления исследований онлайн-сообществ в политической коммуникации

На основе этой схемы можно выделить следующие характеристики рассматриваемой предметной области:

– *Дифференциация направлений.* Фрагментацию сменяет набор конкретных направлений, которые все еще отличаются недостаточной систематизацией, но уже обретают достаточно четкие границы. Параллельно с тематической специализацией оформляется и методологическая: качественные и количественные методики стандартизируются, многие индикаторы используются в разных исследованиях (тема и тональность текстов, число реакций и т.д.). Оформляются и направления, сфокусированные на определенных аспектах и моделях политической коммуникации, в которую вовлечены сообщества: электоральные онлайн-кампании, публичные заявления лидеров, дискуссионные группы, сторонники и противники политических идеологий.

– *Поиск «публичной сферы».* Онлайн-исследования политической коммуникации обращаются к областям, которые были относительно мало изучены в рамках иных подходов (анализу независимых площадок,

виртуальных дебатов и «свободной дискуссии», механизмов и инструментов совещательной демократии). Иными словами, изучение онлайн-сообществ приближает исследователей к пониманию «публичной сферы» нового типа. Конечно, виртуальные сообщества отличаются от классической публичной сферы в трактовке Ю. Хабермаса своим информационным неравенством [38. С. 21]. Тем не менее, политическая коммуникация онлайн находится в поле особого публичного пространства и политической культуры [38].

– *Неравномерное развитие.* Наблюдаются определенные «перекося» в развитии отдельных направлений: так, огромное число исследований посвящено электоральным кампаниям, онлайн-протестам и социальным ботам, а механизмы формирования сообществ и их изменчивости изучены относительно мало.

– *Практическая ориентация.* Изучение политических онлайн-сообществ переходит из сферы фундаментальных исследований в область практики. С помощью мониторинга онлайн-сообществ оценивают динамику политических настроений, протестных кампаний и дискуссий, находят экстремистские и радикалистские группы, изучают коммуникационные стратегии политизированных групп, лидеров власти и оппозиции — все это расширяет возможности аналитики онлайн-коммуникаций в сфере политического маркетинга и консалтинга.

– *Комплексная методология.* Специфика предмета исследования стимулирует научное сообщество использовать все более сложные методики, обращаться к междисциплинарному подходу. Например, при анализе связей в онлайн-сообществах находят применение классификационные алгоритмы, такие как «деревья решений» [2], для обнаружения политической манипуляции в текстах — подходы, связанные с машинным обучением [31]. Популярно сочетание опроса, основанного на самооценках, с замером цифровых следов пользователя [16]. В ряде исследований респонденты заполняют анкету и выполняют определенную задачу, в которой онлайн-поведение моделируется и контролируется, например, реакции респондентов на комментарии к новостям [24]. Эксперименты помогают ответить на сложные вопросы, например, о намерениях пользователей участвовать в жизни сообществ. Тем не менее, в целом методология политических исследований онлайн-сообществ все еще находится в стадии становления и требует дальнейшего критического анализа [55].

Онлайн-сообщества открывают новые возможности для анализа политической коммуникации, однако у интернет-исследований есть свои ограничения, что порождает множество споров [18]. Соответственно, типичные для изучения политической коммуникации в онлайн-сообществах методы (например, дата-майнинг и анализ социальных сетей) должны использоваться в комплексе с другими качественными и количественными методами исследований для обеспечения валидности и надежности данных.

Информация о финансировании

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31318.

Благодарность

Авторы выражают благодарность коллективам Центра социологических и интернет-исследований и Лаборатории изучения социально-экономических и политических процессов современного общества Санкт-Петербургского государственного университета.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-391-402

Online communities in the study of political communication*

K.A. Platonov, N.I. Legostaeva

Saint Petersburg State University
Universitetskaya Nab., 7/9, Saint Petersburg, 199034, Russia
(e-mail: konplatonov@gmail.com, n.legostaeva@spbu.ru)

Abstract. Online communities in the study of political communication are a relatively new research field. Within its framework, independent thematic sections are developing, which in many respects remain fragmented due to the insufficient systematization. The article presents the results of the analysis and description of the research field of online communities in the context of political communication based on 60 English-language sources. This sample included publications on a wide range of issues: from the activity of official accounts and websites of politicians, parties, organizations to the user behavior and political discussions in virtual communities. The authors identified five large thematic groups that consider online communities in different research perspectives: classification of communities, study of their structure and elements, analysis of their strategies and tactics, functions and effects, and ‘life cycles’. The article describes the main features and internal structure of the identified thematic groups, considers approaches and methods for solving specific tasks in the study of actors, channels, practices and models of political communication. The authors also consider the technical factors of the formation of communities, differences in methods and units of analysis, types of political communicants. The authors make a conclusion about the sufficient ‘maturity’ of the research field and its thematic sections, which is combined with the differing popularity of research topics. Online communities represent a special public space which allows researchers to answer questions about the success of political leaders, movements and organizations, the effects of the viral spread of online protests and flash mobs, and the audience’s response to significant politicized issues. The authors identify two trends in the development of the corresponding methodology: strengthening practical orientation and increasingly complex techniques based on the machine algorithms for data analysis.

Key words: political communication; online communication; Internet; communities; online communities; political communities; social media

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research. Project No. 20-011-31318.

---

* © K.A. Platonov, N.I. Legostaeva, 2021

The article was submitted on 15.09.2020. The article was accepted on 03.12.2020.

Acknowledgement

The authors express their gratitude to the teams of the Center for Sociological and Internet Research and the Laboratory for the Study of Social-Economic and Political Processes in Contemporary Society of the Saint Petersburg State University.

Библиографический список/References

- [1] Allison K., Bussey K. Communal quirks and circlejerks: A taxonomy of processes contributing to insularity in online communities. *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*. 2020; 14.
- [2] Backstrom L. et al. Group formation in large social networks: Membership, growth, and evolution. *Proceedings of the 12th ACM SIGKDD International conference on Knowledge Discovery and Data Mining*; 2006.
- [3] Bainbridge W. *The Social Structure of Online Communities (Structural Analysis in the Social Sciences)*. Cambridge; 2020.
- [4] Barnes R. *Uncovering Online Commenting Culture: Trolls, Fanboys and Lurkers*. Springer; 2018.
- [5] Ben-David A., Fernández A.M. Hate speech and covert discrimination on social media: Monitoring the Facebook pages of extreme-right political parties in Spain. *International Journal of Communication*. 2016; 10.
- [6] Beyer J.L. *Expect Us: Online Communities and Political Mobilization*. Oxford University Press; 2014.
- [7] Boulianne S. Social media use and participation: A meta-analysis of current research. *Information, Communication & Society*. 2015; 18 (5).
- [8] Christensen H.S. Political activities on the Internet: Slacktivism or political participation by other means? *First Monday*. 2011. URL: <https://doi.org/10.5210/fm.v16i2.3336>.
- [9] Christensen K., David L. *Encyclopedia of Community: From the Village to the Virtual World*. Sage Publications; 2003.
- [10] Conover M.D. et al. Political polarization on Twitter. *ICWSM*. 2011; 133 (26).
- [11] Dolata U., Schrape J.F. Masses, crowds, communities, movements: Collective action in the Internet age. *Social Movement Studies*. 2016; 15 (1).
- [12] Earl J., Kimport K. *Digitally Enabled Social Change: Activism in the Internet Age*. MIT Press; 2011.
- [13] Ekman M. The dark side of online activism: Swedish right-wing extremist video activism on YouTube. *MedieKultur: Journal of Media and Communication Research*. 2014; 30.
- [14] Eltantawy N., Wiest J.B. The Arab spring: Social media in the Egyptian revolution: Reconsidering resource mobilization theory. *International Journal of Communication*. 2011; 5.
- [15] Fernando S. et al. Towards a large-scale Twitter observatory for political events. *Future Generation Computer Systems*. 2020; 110.
- [16] Ferrucci P., Hopp T., Vargo C.J. Civic engagement, social capital, and ideological extremity: Exploring online political engagement and political expression on Facebook. *New Media & Society*. 2020; 22 (6).
- [17] Freelon D., Lokot T. Russian disinformation campaigns on Twitter target political communities across the spectrum. *Misinformation Review*. 2020. URL: <https://doi.org/10.37016/mr-2020-003>.
- [18] Gayo Avello D., Metaxas P.T., Mustafaraj E. Limits of electoral predictions using Twitter. *Proceedings of the 5th International AAAI Conference on Weblogs and Social Media*; 2011.
- [19] Gerbaudo P. *Tweets and the Streets: Social Media and Contemporary Activism*. Pluto Press; 2012.
- [20] Glubok B. *Understanding Digital Political Communities: A Juxtapolitical Approach to Intimacy Online*. 2020. URL: <https://escholarship.org/uc/item/16q2c1tw>.

- [21] González-Bailón S., Wang N. Networked discontent: The anatomy of protest campaigns in social media. *Social Networks*. 2016; 44.
- [22] Guleva V. et al. Topology of thematic communities in online social networks: A comparative study. *International Conference on Computational Science*. Springer; 2018.
- [23] Hammond M. What is an online community? A new definition based around commitment, connection, reciprocity, interaction, agency, and consequences. *International Journal of Web Based Communities*. 2017;13 (1).
- [24] Han S.H., Brazeal L.A.M., Pennington N. Is civility contagious? Examining the impact of modeling in online political discussions. *Social Media+ Society*. 2018; 4 (3).
- [25] Hill B.M., Shaw A. *Studying Populations of Online Communities. The Handbook of Networked Communication*. New York; 2017.
- [26] Hopkinson C. Trolling in online discussions: From provocation to community-building. *Brno Studies*. 2013; 39 (1).
- [27] Iriberrri A., Leroy G. A life-cycle perspective on online community success. *ACM Computing Surveys*. 2009; 41 (2).
- [28] Karpf D.A. *Unexpected Transformations: The Internet's Effect on Political Associations in American Politics*. Philadelphia; 2009.
- [29] Kreiss D. Seizing the moment: The presidential campaigns' use of Twitter during the 2012 electoral cycle. *New Media & Society*. 2016; 18 (8).
- [30] Lazar J., Preece J. Classification schema for online communities. *AMCIS Proceedings*; 1998.
- [31] Lee S. Characterization and detection of political manipulation in online communities. *Journal of Internet Technology*. 2018; 19 (4).
- [32] Lovejoy K., Saxton G.D. Information, community, and action: How nonprofit organizations use social media. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2012; 17 (3).
- [33] Man C.K. Luring the lurkers: Increasing participations in the online discussions of a blended learning course. *International Journal on E-Learning Practices*. 2014; 1 (1).
- [34] Morales A.J., Losada J.C., Benito R.M. Users structure and behavior on an online social network during a political protest. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. 2012; 391 (21).
- [35] Myagkov M. et al. Islamist communities on VKontakte: Identification mechanisms and network structure. *Europe-Asia Studies*. 2020: 1.
- [36] Nazi A., Das M., Das G. The TagAdvisor: Luring the lurkers to review web items. *Proceedings of the ACM SIGMOD International Conference on Management of Data*; 2015.
- [37] Nonnecke B., Preece J. Lurker demographics: Counting the silent. *Proceedings of the SIGCHI conference on Human Factors in Computing Systems*; 2000.
- [38] Papacharissi Z. The virtual sphere: The internet as a public sphere. *New Media & Society*. 2002; 4 (1).
- [39] Parmelee J.H. The agenda-building function of political tweets. *New Media & Society*. 2014; 16 (3).
- [40] Pérez-Curiel C., Limón-Naharro P. Political influencers. A study of Donald Trump's personal brand on Twitter and its impact on the media and users. *Communication & Society*. 2019; 32 (1).
- [41] Preece J., Maloney-Krichmar D., Abras C. History of online communities. *Encyclopedia of Community*. 2003; 3.
- [42] Rentschler C.A., Thrift S.C. Doing feminism in the network: Networked laughter and the 'Binders Full of Women' meme. *Feminist Theory*. 2015; 16 (3).
- [43] Rheingold H. *The Virtual Community: Finding Connection in a Computerized World*. Addison-Wesley Longman Publishing; 1993.
- [44] Ridings C.M., Gefen D., Arinze B. Some antecedents and effects of trust in virtual communities. *Journal of Strategic Information Systems*. 2002; 11 (3–4).
- [45] Rowe M., Saif H. Mining pro-ISIS radicalization signals from social media users. *Proceedings of the 10th International AAAI Conference on Web and Social Media*; 2016.

- [46] Shim KJ. et al. Does fear of isolation disappear online? Attention-seeking motivators in online political engagement. *Media and Communication*. 2019; 7 (1).
- [47] Smitten S.I. Political potential and capabilities of online communities. *German Policy Studies*. 2008; 4.
- [48] Soon C., Kluver R. The Internet and online political communities in Singapore. *Asian Journal of Communication*. 2007; 17 (3).
- [49] Syerov Y., Trach O., Fedushko S. Effect of implementation of improved methods of the life cycle stages organisation to the online community management. URL: arXiv:1901.00736. 2018.
- [50] Takikawa H., Nagayoshi K. Political polarization in social media: Analysis of the ‘Twitter political field’ in Japan. *2017 IEEE International Conference on Big Data*; 2017.
- [51] Thelwall M., Cugelman B. Monitoring Twitter strategies to discover resonating topics: The case of the UNDP. *El Profesional de la Información*. 2017; 26 (4).
- [52] Theocharis Y. et al. Using Twitter to mobilize protest action: Online mobilization patterns and action repertoires in the Occupy Wall Street, Indignados, and Aganaktismenoi movements. *Information, Communication & Society*. 2015; 18 (2).
- [53] Tsao R., Preece J., Lazar J. One foot in cyberspace & the Other on the ground: A case study of analysis and design issues in a hybrid virtual and physical community. *WebNet Journal: Internet Technologies, Applications & Issues*. 1999; 1 (3).
- [54] Tufekci Z., Wilson C. Social media and the decision to participate in political protest: Observations from Tahrir Square. *Journal of Communication*. 2012; 62 (2).
- [55] Van Es K., Wieringa M., Schäfer M.T. Tool criticism: From digital methods to digital methodology. *Proceedings of the 2nd International Conference on Web Studies*; 2018.
- [56] Velasquez A. Social media and online political discussion: The effect of cues and informational cascades on participation in online political communities. *New Media & Society*. 2012; 14 (8).
- [57] Vidgen B., Yasseri T. Detecting weak and strong Islamophobic hate speech on social media. *Journal of Information Technology & Politics*. 2020; 17 (1).
- [58] Vromen A. et al. Online movement mobilization and electoral politics: The case of GetUp! *Communication, Politics & Culture*. 2011; 44 (2).
- [59] Wieringa M. et al. Political topic-communities and their framing practices in the Dutch Twittersphere. *Internet Policy Review*. 2018; 7 (2).
- [60] Zhou X., Chan Y.Y., Peng Z.M. Deliberativeness of online political discussion: A content analysis of the Guangzhou Daily website. *Journalism Studies*. 2008; 9 (5).

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-403-414

Проектный работник как новый тип личности*

С.А. Барков¹, Е.Е. Романцева²

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, 119192, Россия

²Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: socorgmen@yandex.ru; romantseva-ee@rudn.ru)

Аннотация. Изменения в способах и формах совместной деятельности обычно происходят эволюционно: общество меняется и начинает «производить» людей, способных воспроизводить его. В первую очередь, это касается изменений в социальной роли работника, исполняемой сегодня в совершенно иной системе координат, в условиях неопределенности и постоянно меняющихся «правил игры». Мы наблюдаем следующие новые тенденции на рынке труда: исчезновение массовой и развитие нестандартной занятости, замена традиционных трудовых отношений контрактными, возрастание автономности работника, трансформация предпочтений в сфере построения карьеры. Одновременно возрастает роль и востребованность проектной деятельности практически во всех областях жизни общества, поскольку она способна удовлетворить запросы современного человека и по организации его взаимодействия с другими людьми. Проект — не просто механизм достижения конкретной цели, а универсальный способ организации жизненного мира, способствующий возникновению особых типов социального взаимодействия и самореализации индивида. Формируется «проектный образ жизни», проектное мышление, проектное восприятие реальности. Проект как социальный феномен становится организующим началом не только в профессиональной деятельности, но и в повседневной жизни. В качестве основного исследовательского инструмента в статье используется метод социологической типизации, заключающийся в выделении типа (идеального, социального), который сочетает в себе важнейшие характеристики людей, относящихся к определенной группе. Для объяснения комбинации этих характеристик авторы рассматривают социальный контекст их формирования. Проведенный анализ позволяет говорить о возникновении нового типа — проектного работника с особым сочетанием профессиональных и личных качеств.

Ключевые слова: тип личности; социальный характер; трудовые отношения; проектная деятельность; проект; жизненная стратегия; работник; «модульный» человек

Социально-экономическое и социокультурное значение проектных работников

Проектная культура за последние десятилетия проникла практически во все области жизнедеятельности людей, изменяя представления не только о трудовых отношениях, но и о формах и приоритетах социальных взаимодействий

---

* © Барков С.А., Романцева Е.Е., 2021

Статья поступила 08.10.2020 г. Статья принята к публикации 03.12.2021 г.

за их пределами. В частности, это касается представлений о времени и пространстве, о человеке как субъекте общественных отношений, о мотивах и смыслах его деятельности, жизненных стратегиях. Является ли происходящее результатом все большего разнообразия возможностей для раскрытия творческого потенциала человека или это экономический императив постиндустриальной стадии общественного развития?

Понятия «проект», «проектная деятельность», «проектирование» широко распространены в бизнес-среде, средствах массовой информации, массовой культуре в целом. Сегодня динамика в любой сфере деятельности артикулируется исключительно в «духе проектов»: политические проекты, имиджевые, рекламные, образовательные проекты и т.п. Не только проектирование превращается в тотальную социальную практику, но и его имитация, «псевдопроектирование» [21]. За проекты часто выдают обычную деятельность, придавая ей якобы уникальные черты. Впрочем, феномен псевдопроектирования — свидетельство признания принципиально важной роли проектов в постиндустриальной цивилизации.

Очевидно, что возрастание роли и востребованности проектной деятельности заметнее всего в сфере бизнеса, реагирующего на постоянные изменения и усложнения внешней среды. Во многих отраслях экономики и сферах общества наблюдается индивидуализация заказов, что определяет использование проектов как инструментов социально-экономической деятельности. Такое развитие событий характерно для постиндустриального общества и затрагивает основы взаимодействия людей в его социокультурном контексте: вопросы управления проектами, создания и функционирования проектных команд, теория и практика проектного менеджмента не только популярны среди экономистов и управленцев, но и являются предметом все возрастающего научного интереса психологов, культурологов и социологов.

Интерес гуманитариев к проектам обусловлен не только влиянием «человеческого фактора» на эффективность проектной деятельности, но и тотальным проникновением ее элементов в повседневную жизнь, не исчерпываемым социально-трудовой сферой. Повседневная жизнь человека воплощается во множестве форм, они порождают разные жизненные стратегии, выбор и проектирование которых задается объективными условиями, формирующими не только определенный набор потребностей индивида, но и возможные варианты их удовлетворения. Жизненная стратегия — это «стратегия поиска, понимания, и творческой реализации человеком себя через соотнесение “жизненных требований с личностными ценностями, активностью, способом самоутверждения”» [11]. Большинство авторов сходятся в том, что трудовая деятельность и, в первую очередь, профессиональная самоидентификация составляют ту основу, которая определяет жизненную стратегию и упорядочивает повседневную жизнь человека. Однако одной из особенностей современной ситуации является усложнение профессиональной самоидентификации, связанное с изменениями в сфере труда.

Важнейшим фактором, способствующим повсеместному использованию проектов, является снижение спроса на традиционный труд в классических организациях: «Изобретение и внедрение новых форм автоматизации и робототехники снижают потребность в труде и сокращают занятость не только в сельском хозяйстве и промышленности, но и в строительстве, грузовом и пассажирском транспорте, розничной торговле, сфере общественного питания и т.д. Под угрозой лишения работы оказываются не только кассиры и таксисты, но и высококвалифицированные специалисты умственного труда, такие как юристы, журналисты, финансовые аналитики и др. При сохранении существующих тенденций к середине текущего столетия половина трудоспособного населения развитых стран станет безработной, а к концу века это произойдет и с остальным миром» [19]. Происходящие общественные трансформации изменяют само содержание и ценность труда.

В постиндустриальном обществе возрастает спрос на временный труд: общество не может гарантировать постоянную занятость абсолютному большинству своих членов. Сегодня мы имеем дело с такими новыми тенденциями, как исчезновение массовой и развитие нестандартной занятости, замена трудовых отношений контрактными, «лоскутная», мультипрофессиональная карьера. По мнению З. Баумана, в современном обществе, перманентным состоянием которого является неопределенность, труд становится краткосрочным, фрагментированным, превращается в систему неопределенных длительностей [2]. Стабильный труд в эпоху постмодерна — удел ограниченной прослойки работников. Трудовая деятельность все большего количества людей представляет собой сочетание разных типов работ, взаимодействие с разными работодателями и заказчиками, использование навыков и умений из разных профессий.

Невозможность обеспечить постоянную занятость миллионов людей оборачивается крахом патернализма, характерного для индустриальных организаций и государств эпохи модерна. Отказ государств и корпораций от социальных обязательств создает ситуацию, в которой «бремя ответственности возлагается на самого индивида, и он принуждается к “биографическому решению системных противоречий”, т.е. становится ответственным за системную безработицу, переход на неполный рабочий день, ухудшение его экономического благосостояния и т.д. Социальная политика государства индивидуализирует и атомизирует работника. Это порождает его неравную борьбу с работодателем, в которой в проигрыше, как правило, оказывается человек, добровольно-принудительно переводящий себя в прекарное состояние. Неопределенность, разрастаясь, изменяет уклад жизни, сложившийся в индустриальную эпоху. Изменению подвергаются все основания социальной жизни» [1]. Патернализм –государственный или корпоративный — обходится слишком дорого в условиях социально-экономической неопределенности, характерной для эпохи постмодерна.

В качестве яркого примера нестандартной занятости и индивидуализированной карьеры можно привести относительно новые социальные общности

фрилансеров и самозанятых. Еще полвека назад они находились на периферии общественного развития — центральную роль играли «люди организации». В середине XX века в США вышла книга У. Уайта с символическим названием «Человек организации»: в ней утверждалось, что именно причастность к организациям определяет ценностные ориентации и жизненные стратегии людей. Несмотря на ограничение своей свободы, человек многое получал взамен: «Одно из благ жизни в большой организации — это то, что искания можно оставить в стороне. Вместе с работой приходят деньги, положение и ощущение значимости. Продавая свое время корпорации, подсознательно принимаешь ее определение успеха, по крайней мере, на время работы там» [17].

В постиндустриальном обществе человека организации во многих сферах постепенно вытесняет свободный агент, или фрилансер, т.е. независимый работник [12]. Его характеризует высокая степень автономии в вопросах контроля трудового процесса, самостоятельность в формировании портфеля заказов (проектов, работ), действия с максимальной степенью риска [6]. С одной стороны, новые гибкие формы занятости (фриланс, работа по временным контрактам, участие в конкретном проекте) расширяют возможности трудоустройства, с другой — нивелируют трудовое законодательство. «В поисках гибкости работодатели исповедуют стратегии дистанцирования, заключающиеся в замене трудовых отношений коммерческими» [18].

Меняются не только трудовые отношения — современное социальное пространство становится мозаичным, представляет собой множественные, не связанные друг с другом и быстро меняющиеся фрагменты-проекты. Существование в нем наполнено постоянными рисками (потеря работы, бизнеса, исчезновение спроса на профессию, конкретные навыки и умения, изменчивость общепринятых норм и т.п.) и требует повышенной концентрации и внутренней мобильности современного работника.

Не все независимые работники являются проектными, хотя в расширительной трактовке даже ремонт раковины независимым сантехником можно рассматривать как минипроект. Но для более точного определения важно количество рутинной деятельности: если она преобладает в работе человека, например, как у няни, то его нельзя считать проектным; если же превалирует индивидуализированная под заказчика, неповторяющаяся деятельность, то работник должен быть определен как проектный.

Тенденции развития постиндустриальной экономики, которые сделали проектных работников столь заметным и социально значимым сегментом рабочей силы, таковы: сокращение спроса на рабочую силу; дестандартизация (распространение гибких, изменчивых форм) занятости; пространственная рассредоточенность предприятий и организаций; распространение дистанционных форм деятельности; трансформация трудовых отношений в коммерческие; возрастание степени автономии работника; индивидуализация карьеры, ее несводимость к одной профессии; цифровизация и виртуализация экономических и неэкономических видов деятельности; возникновение

профессиональных интернет-сообществ, берущих на себя функции обмена опытом, взаимной поддержки и самообразования. Все эти характеристики современного общества создают проектных работников и одновременно создаются ими. Такая их укорененность в постиндустриальные реалии позволяет рассматривать проектного работника не просто как типичного представителя проектной организации или независимого участника проекта, а как новый тип личности.

Большинство социологических трактовок личности определяют ее как совокупность устойчивых свойств, приобретенных человеком в процессе социализации, — эти свойства определяют структуру ментальности и социальное поведение человека [20]. Специфика социализации проектного работника определяется тем, что она протекает в рамках проектной деятельности: проекты как элементы социальной среды формируют идеологические предпочтения, культурные ценности, рациональные представления о жизни и паттерны поведения проектного работника.

Проект обычно определяется как мероприятие для достижения какой-то цели, ограниченное во времени и ресурсах и связанное с достижением уникального результата. С одной стороны, существуют традиционно проектные отрасли экономики — прикладная наука, архитектура и строительство, информационные технологии, шоу-бизнес, консалтинг и др. С другой стороны, к проектной деятельности в той или иной степени можно отнести всю сферу услуг, включая образование, а также волонтерство, благотворительность и т.п. Любая деятельность, ориентированная на клиента и вынужденная учитывать его особенности и желания, содержит такие признаки проекта, как ограниченность во времени и неповторимость результата. Как для организации, так и для человека проекты — это механизм, аккумулирующий необходимые ресурсы для достижения желаемого результата [7]. Кроме того, проектный менеджмент концентрирует внимание на таких свойствах проектной работы, как конечность и высокая степень неопределенности. Риски человека, занимающегося проектной деятельностью, во много раз выше, чем риски традиционного работника организации.

Социальная роль проектного работника в ее индивидуально-личностном измерении, т.е. исполняемая конкретным человеком, зависит от его выбора и содержания трудовых функций, связанных с профессией, квалификацией и набором проектов, в которых он принимал участие. Карьера проектного работника предстает в виде строчек в резюме, а не иерархии должностей в организации: строчки показывают востребованность человека, его профессиональный путь, сложность ситуаций, в которых он проявил себя. Множество резюме складывается в общую профессиональную и жизненную стратегию проектного работника как некоего социального типа.

Социология понимает под социальным типом, как правило, «определенное число людей, находящихся в сходном социальном положении, обладающих близкими социальными и ценностными установками и примерно

равными социальными возможностями, реализующих единую модель образа жизни» [23]. Категория социального типа неразрывно связана с более общей категорией идеального типа как совокупности общих сущностных черт определенного класса явлений (все частности при этом опускаются) [8; 14; 15; 22]. Суть социологической типизации заключается в выделении типа (идеального, социального или представленного в виде социального характера), рассматриваемого в качестве модели, сочетающей в непротиворечивой форме важные характеристики людей, относящихся к определенной группе. Для объяснения комбинации этих характеристик принципиально важен социальный контекст их формирования и существования. Часто идеальная модель иллюстрируется неким абстрактным «представителем» множества людей, относящихся к данному типу. По П. Бергеру и Т. Лукману, типизация позволяет зафиксировать распространенные и воспроизводящиеся в повседневной жизни образцы взаимодействия [4].

Если идеальный тип традиционного работника всегда включал в себя две группы относительно независимых качеств — профессиональных и личных, то идеальный тип проектного работника предполагает их симбиоз. Личная жизнь проектного работника неразрывно связана (во времени, пространстве и бытовых обстоятельствах) с его профессиональной деятельностью, и наоборот. Поэтому мы не будем жестко разделять идеальный (социальный) тип и тип личности. Кроме того, глобальная тенденция перехода традиционных организаций к проектно-ориентированным видам деятельности и общения позволяет говорить о формировании «проектного образа жизни» [21].

Основные типологические черты проектного работника

В последнее время в разных источниках встречаются философско-культурологические экспликации собирательного образа человека проектной культуры — «человека проектирующего», «*homo projectus*», обладающего следующими характеристиками: «активно-творческое, конструктивно-созидательное отношение к действительности; креативность принятия решений в поле реализации проекта, включая “точки разрывов”; способность к перепроектированию, системному соединению “картин” прошлого и будущего; стрессоустойчивость к “вызовам времени”, ...культурная всеядность» [10]. Многие из качеств могут вызывать сомнения, но в целом они достаточно четко обозначают профессиональные и личные предпочтения людей, избравших в качестве основной проектную деятельность. Далее мы попытаемся систематизировать основные характеристики проектных работников.

Очевидное и при этом системообразующее качество проектного работника — его *независимость* не только от клановых и родственных связей (как в доиндустриальную эпоху), но и от организационных (что характерно для индустриальной стадии). Проектный работник достаточно свободно выстраивает отношения с людьми — важно, чтобы те ему нравились и были полезны. Индивид оказывается ответственным за свой «я-проект». Проектный

работник стремится реализовать именно свои проекты, а не участвовать в массовых или глобальных: «сегодня мы живем проектами, а не Проектом» — пишет З. Бауман, автор категории «индивидуализированное общество» [2]. «Мыслящий проектами» человек не мечтает о создании одной организации, где после его смерти стоял бы его бюст, а сотрудники учили бы разработанный им кодекс поведения. В реалиях современного, быстро меняющегося мира человек хочет реализовать несколько своих проектов и этим войти в историю.

В условиях разнообразия и неповторимости проектов важнейшим качеством проектного работника становится *адаптивность*. Адаптационные навыки можно представить в виде следующего алгоритма поведения в рамках реализации проекта: встраивание в межличностную коммуникацию внутри нового коллектива или с новым работодателем/заказчиком/потребителем услуги; освоение нового рабочего места/пространства (в том числе информационного); восстановление привычных и апробация освоенных технологий работы; творчество и мультифункциональность, способствующие принятию решений в условиях неопределенности; быстрая адаптация к поликультурной среде; ориентация на конкретную ситуацию и локальные требования, а не институциональные нормы (образование, предшествующий опыт и т.п.).

Социальное бытие проектного работника «мозаично и фрагментарно, не привязано к “месту жительства”» [10], общности, системе норм. Его интересы подвижны и быстротечны, важны и необходимы только те знания, что можно использовать здесь и сейчас. Все, что связано с прошлым, не имеет значения — «вкладывать» можно только в будущее. Возможность свободного перемещения — главная ценность.

Для более точного описания адаптивности проектного работника часто используют термин «модульность». Проектный работник — это «человек-модуль». Данное понятие ввел Э. Тоффлер в 1970-е годы: рассуждая о прагматизме современных межличностных отношений, их кратковременности, поверхностности и чрезмерном многообразии, он определяет в качестве их основания модульный принцип — выстраиваемые подобным образом контакты в конечном счете формируют «модульного человека» [16]. Затем Э. Геллнер более полно раскрыл это понятие, концентрируя внимание на таких чертах, как повышенный конформизм и способность встраиваться в новые обстоятельства, виды деятельности, отношения и, что не менее важно, с легкостью из них выходить [9]. «Человек-модуль» отличается повышенной мобильностью и готов постоянно меняться и менять место жительства, работу, внешность и имидж.

Широко «рекламируемой» характеристикой проектного работника является *креативность*. Адаптируясь к разным проектам и разрабатывая свои, он не может не сталкиваться с творческими задачами. Бесспорно, жизнь человека сегодня сопровождается необходимостью постоянного выбора и социального «творчества» для «перепроектирования» рутинных практик. При этом все проектные работники с утра до вечера не занимаются творчеством. Традиционным

проектным работником является писатель: написание им романа или повести олицетворяет союз проекта и творчества. Осветитель, занятый на проектной основе в гастролях «звезды», большую часть рабочего времени может заниматься решением повторяющихся задач. Его креативность связана с адаптацией деятельности как к проекту «звезды», так и к месту проведения концерта. Креативность в данном случае только дополняет адаптивность.

Следующее качество проектного работника — *социальный и эмоциональный интеллект*. Эффективность деятельности, ориентированной на ситуацию, зависит от уровня социального интеллекта — способности действовать сообразно ситуации, исходя из понимания собственного поведения и поведения других. Традиционно с социальным интеллектом связывают социальную компетентность, выражающуюся в знании о социальных институтах и структурах, их представителях в обществе, функционировании социальных групп, конъюнктуре рынка, широте и требованиях ролевого репертуара [13]. Сегодня это знание дополняется умением максимально быстро находить нужную информацию в социальных сетях, использовать ее в ситуационном контексте. Эмоциональный интеллект связан с умением понимать самых разных людей, находить наиболее комфортные формы и каналы коммуникации с ними. В ходе реализации проекта важно распознавать эмоции, понимать намерения, мотивацию и желания других людей и свои собственные, уметь управлять ими ради достижения общего результата.

Особым социальным качеством проектного работника является *включенность в неформальные связи (сети)*. Проектный работник — это «сетевой человек»: он практически выключен из формальных отношений традиционной организации, но не может обходиться без общения и взаимодействия с другими людьми. Для проектного работника весь мир окутан паутиной неформальных связей. Они преобразуются в формальные в случае заключения контракта, но не перестают быть сетевыми, почти лишенными иерархической структуры. У проектного работника нет «начальника».

В качестве надпрофессионального, универсального условия успеха проектного работника выступает умение встраиваться в эффективные на данный момент ассоциации, союзы, сети, а также безболезненный выход из них, что требует постоянной готовности не только к изменениям, но и, в первую очередь, к самоизменению. Основной чертой востребованного современностью типа личности является готовность к повседневному «перепроектированию» как условие существования в социуме, диктующем человеку необходимость одновременного пребывания во множестве «своих» и «чужих» проектов. Количество личных контактов, умение устанавливать связи с людьми, участие в организационных сетях, наличие «клиентских баз» — важнейшие составляющие социального капитала проектного работника.

Участие в сетевых отношениях обуславливает важность еще одного качества проектного работника — *умения создавать репутацию*. Количество реализованных (собственных или с личным участием) проектов превращается

в весомый статусный критерий, умножая символический капитал, который, согласно П. Бурдьё, позволяет агенту оперировать в разных полях социального пространства и придает «легитимность» остальным видам капитала — экономическому, культурному, политическому, социальному [5]. У человека организации репутация носила двойкий характер: с одной стороны, он должен был быть хорошим профессионалом, объективно оценивающим предложения как начальства, так и подчиненных; с другой стороны, он должен был быть «хорошим слугой», и репутация лояльного работника часто ценилась начальством выше его профессиональных качеств. У проектного работника репутация обусловлена исключительно профессионализмом и установлением связей с другими людьми. Одна из самых сложных задач, с которыми он сталкивается, — интуитивная оценка вероятности успеха проекта. Ведь риски потери репутации, связанные с участием в провалившемся проекте, могут не окупиться никакими деньгами, полученными в ходе работы над ним.

С высокими рисками независимой деятельности связано и такое качество проектного работника, как *стрессоустойчивость*. Сегодня только стрессоустойчивые люди могут быть успешны в проектной работе: их всегда преследует риск остаться без работы, и никакая репутация не избавит от этого риска. Рынок нестабилен, его колебания не подвластны человеку — экономические кризисы возникают неожиданно и больше всего бьют по свободным агентам, перед которыми у организаций нет долгосрочных обязательств. Пример такого кризиса — это социально-экономическая ситуация, обусловленная пандемией коронавируса: миллионы проектных работников потеряли возможность заключать контракты, даже очень успешные и ранее востребованные люди. Человек организации в известной мере защищен от превратностей рынка «организационной оболочкой», а проектный работник все удары рынка принимает на себя, что снижает привлекательность проектной деятельности несмотря на то, что она предоставляет возможность заработать значительно больше, чем в организации.

Неопределенность внешней среды реализации проектов определяет и неопределенность жизненных ситуаций и материального достатка проектного работника. Единственным решением оказывается выработка такого качества, как *гибкость в потреблении*. Проектный работник должен быть готов столкнуться с нехваткой денег в ситуации невостребованности и отсутствия контрактов. Общество потребления с его рекламой жизни в кредит сформировало у множества людей привычку рассчитывать свои расходы исходя из регулярных одинаковых выплат — так живут люди организации, прежде всего на Западе. Вполне типичной здесь является ситуация, когда человек, получающий в месяц несколько тысяч долларов/евро, может свободно распоряжаться только двумя-тремя сотнями, а все остальное уходит на обслуживание кредита. Проектный работник не может так управлять «денежными потоками» своей семьи: в какие-то периоды он не будет испытывать ограничений в средствах, но это не значит, что он может связывать себя долгосрочными

расходами. Его жизнь в большей мере похожа на жизнь писателя, актера или режиссера: когда они получают гонорары, они могут позволить себе все — покупают дорогие вещи, тратят деньги на пафосное потребление и помощь друзьям. Но такая ситуация не длится вечно — дорогие покупки оказываются в ломбарде, чтобы обеспечить их владельцу самый скромный уровень потребления. Проектный работник должен понимать, что такая жизнь для него естественна, и «откладывания на черный день» радикально не изменят ее.

Безусловно, представленный список социальных и личных качеств проектного работника не является исчерпывающим, и дальнейшие исследования могут внести в него существенные коррективы. Однако описанные характеристики формируют модель, в которой жизненные ситуации, внешние обстоятельства, социальные навыки и умения, а также личные качества взаимосвязаны, что позволяет говорить о проектном работнике как некоем социальном типе, который различным образом воспроизводится в реальности миллионами людей, избравшими такую жизненную стратегию.

Библиографический список

- [1] *Анисимов Р.И.* Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. 2017. № 11.
- [2] *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.
- [3] *Башимаков В.И.* Управление социальным развитием персонала. М., 2012.
- [4] *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995.
- [5] *Бурдые П.* Социальное пространство и генезис «классов» // Вопросы социологии. 1992. № 1.
- [6] *Бурлуцкая М.Г., Харченко В.С.* Фрилансеры: специфика социального статуса, стратегии карьеры и профессионального развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 1.
- [7] *Бэзьюли Ф.* Управление проектом. М., 2002.
- [8] *Вебер М.* О некоторых категориях понимающей социологии // Западноевропейская социология конца XIX — начала XX века. М., 1996.
- [9] *Геллнер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 2004.
- [10] *Калинина Г.Н., Рыбалкина П.В.* Проектное мышление и «человек проектирующий» (философско-культурологическая экспликация) // Человек и культура. 2018. № 5.
- [11] *Кормакова В.Н.* Жизненные стратегии в системе профессионального самоопределения личности // Наука. Искусство. Культура. 2016. Вып. 1.
- [12] *Пинк Д.* Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М., 2005.
- [13] *Попель А.А.* Теоретические подходы к трактовке социальной креативности в отечественной и зарубежной науке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 4.
- [14] *Сорокин П.А.* Система социологии. Социальная аналитика. Сыктывкар, 1991.
- [15] *Смирнов П.И.* Основные социальные типы личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 2005. Вып. 4.
- [16] *Тоффлер Э.* Шок будущего. М., 2002.
- [17] *Хэнди Ч.* Слоны и блохи: Будущее крупных корпораций и мелкого бизнеса. М., 2004.
- [18] *Шевчук В.А.* О будущем труда и будущем без труда // Общественные науки и современность. 2007. № 3.

- [19] Шупилов А.В. Жизнь без труда? Это естественно // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 2.
- [20] Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 2003.
- [21] Щербина Я.Ю. Человек проектирующий в современном мире // Философия хозяйства. 2016. Т.3.
- [22] Юнг К.Г. Психологические типы. СПб.–М., 1995.
- [23] Якубовский А.Э. Социальный тип — гипотеза и инструмент исследования социальной структуры // Социологические исследования. 2001. № 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-403-414

Project employee as a new type of personality*

A.S. Barkov¹, E.E. Romantseva²

¹Moscow State Lomonosov University
Leninskie Gory, 1–33, Moscow, 119192, Russia

²RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: socorgmen@yandex.ru; romantseva-ee@rudn.ru)

Abstract. Changes in the ways and forms of joint activity are usually evolutionarily: society changes and begins to ‘produce’ people capable of reproducing it. First of all, these are changes in the social role of the worker, which is performed today in a completely different coordinate system, under uncertainty and constantly changing ‘rules of the game’. There are the following new trends in the labor market: the disappearance of mass employment and development of precarious employment, the replacement of traditional labor relations with contractual ones, an increase in the worker’s autonomy, and the transformation of preferences in the field of career building. At the same time, the role and demand for project activities in almost all areas of society are increasing for such activities can satisfy the needs of the contemporary person, including his interaction with other people. The project is not just a mechanism for achieving a specific goal, but a universal way of organizing the life world, which contributes to the emergence of special types of social interaction and individual self-realization. The ‘project way of life’, project thinking, and project perception of reality are developing. The project as a social phenomenon becomes an organizing principle not only in professional activity, but also in everyday life. The authors use the method of sociological typification which consists of identifying a type (ideal, social) that combines the most important characteristics of people belonging to a particular group. To explain the combination of these characteristics, the authors consider the social context of their development. The conducted analysis allows to identify a new social type — the project worker with a special combination of professional and personal qualities.

Key words: type of personality; social character; labor relations; project activity; project; life strategy; worker; ‘modular’ person

References

- [1] Anisimov R.I. Trud v epokhu neopredelennosti [Labor in the era of uncertainty]. *Sociological Studies*. 2017; 11. (In Russ.).

---

* © A.S. Barkov, E.E. Romantseva, 2021

The article was submitted on 18.10.2020. The article was accepted on 03.12.2020.

- [2] Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Moscow; 2002. (In Russ.).
- [3] Bashmakov V.I. *Upravlenie sotsialnim razvitiem personala* [Management of the Personnel Social Development]. Moscow; 2012. (In Russ.).
- [4] Berger P., Luckmann T. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti* [The Social Construction of Reality]. M., 1995. (In Russ.).
- [5] Bourdieu P. Sotsialnoe prostranstvo i genezis “klassov” [The social space and the genesis of groups]. *Voprosy Sotsiologii*. 1992; 1. (In Russ.).
- [6] Burlutskaya M.G., Kharchenko V.S. Frilansery: spetsifika sotsialnogo statusa, strategii kariery i professionalnogo razvitiya [Freelancers: The specifics of social status, career strategy and professional development]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*. 2013; 16 (1). (In Russ.).
- [7] Bagueley F. *Upravlenie proyektom* [Project Management]. Moscow; 2002. (In Russ.).
- [8] Weber M. O nekotorykh kategoriakh ponimayushchey sotsiologii [Some categories of interpretive sociology]. *Zapadnoevropeyskaya sotsiologiya kontsa XIX — nachala XX veka*. Moscow; 1996. (In Russ.).
- [9] Gellner E. *Usloviya svobody. Grazhdanskoe obshchestvo i ego istoricheskie soperniki* [Conditions of Liberty. Civil Society and its Rivals]. Moscow; 2004. (In Russ.).
- [10] Kalinina G.N., Rybalkina P.V. Proektnoe myshlenie i “chelovek proektiruyushchy” (filosofsko-kulturologicheskaya eksplikatsiya) [Project thinking and “projecting man” (philosophical-culturological explication)]. *Chelovek i Kultura*. 2018; 5. (In Russ.).
- [11] Kormakova V.N. Zhiznennyye strategii v sisteme professionalnogo samoopredeleniya lichnosti [Life strategies in the system of personal professional self-identification]. *Nauka. Iskusstvo. Kultura*. 2016; 1. (In Russ.).
- [12] Pink D. *Natsiya svobodnykh agentov: kak novye nezavisimyye rabotniki menyayut zhizn Ameriki* [Free Agent Nation: How America’s New Independent Workers are Transforming the Way We Live]. Moscow; 2005. (In Russ.).
- [13] Popel A.A. Teoreticheskie podkhody k traktovke sotsialnoy kreativnosti v otechestvennoy i zarubezhnoy nauke [Theoretical approaches to the interpretation of social creativity in Russian and foreign science]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye Nauki*. 2015; 4. (In Russ.).
- [14] Sorokin P.A. *Sistema sotsiologii. Sotsialnaya analitika* [System of Sociology. Social Analytics]. Syktyvkar; 1991. (In Russ.).
- [15] Smirnov P.I. Osnovnyye sotsialnye tipy lichnosti [Basic social types of personality]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya 6*. 2005; 4. (In Russ.).
- [16] Toffler A. *Shok budushchego* [Future Shock]. Moscow; 2002. (In Russ.).
- [17] Handy Ch. *Slon i blokha: Budushchee krupnykh korporatsiy i melkogo biznesa* [The Elephant and the Flea: Reflections of a Reluctant Capitalist]. Moscow; 2004. (In Russ.).
- [18] Shevchuk V.A. O budushchem truda i budushchem bez truda [On the labor’s future and the future without labor]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 2007; 3. (In Russ.).
- [19] Shipilov A.V. Zhizn bez truda? Eto estestvenno [Life without labor? It’s natural]. *Sotsiologicheskyy Zhurnal*. 2019; 25 (2). (In Russ.).
- [20] Schepanskiy Ya. *Elementarnyye ponyatiya sotsiologii* [Elementary Concepts of Sociology]. Moscow; 2003. (In Russ.).
- [21] Shcherbina Ya.Yu. Chelovek proektiruyushchy v sovremennom mire [Projecting man in the contemporary world]. *Filosofiya Khozyaystva*. 2016; 3. (In Russ.).
- [22] Jung C.G. *Psikhologicheskyye tipy* [Psychological Types]. Saint Petersburg–Moscow; 1995. (In Russ.).
- [23] Yakubovskiy A.E. Sotsialnyy tip — gipoteza i instrument issledovaniya sotsialnoy struktury [Social type — hypothesis and instrument for the study of social structure]. *Sociological Studies*. 2001; 4. (In Russ.).

ЮБИЛЕЙ

К ЮБИЛЕЮ Ф.И. ШАРКОВА

20 июля отмечает юбилей известный социолог, заведующий кафедрой общественных связей и медиаполитики ИГСУ РАНХиГС, профессор кафедры социологии МГИМО, президент Международной академии коммуникологии, главный редактор журнала «Коммуникология», доктор социологических наук, профессор Феликс Изосимович Шарков. Путь в социологию и коммуникологию был для него не случаен: еще в студенческие годы он возглавил группу по изучению профессиональных интересов студентов, а после

окончания аспирантуры Института социологических исследований АН СССР защитил по этой теме кандидатскую диссертацию. К занятиям прикладной коммуникологией Ф.И. Шарков пришел, занимаясь комсомольской работой, научно-управленческой деятельностью на разных уровнях, включая работу министром информации и печати Чувашской республики. Дальнейшую научно-исследовательскую деятельность он связал с социологией коммуникации, а затем полностью посвятил себя развитию коммуникологии как междисциплинарного научного направления. Будучи человеком широких и многосторонних научных интересов, Ф.И. Шарков активно разрабатывал концепцию социального государства, опубликовал серию учебников по основам социального государства и социально-трудовых отношений, защитил докторскую диссертацию по теме социальной политики в субъектах Российской Федерации.

Исследования Ф.И. Шаркова междисциплинарны и полипарадигмальны. Разрабатывая вопросы теории и практики коммуникации, он сделал коммуникологическое направление международным и междисциплинарным. По данной проблематике он опубликовал более 30 монографий, учебников и учебных пособий, свыше 200 статей. Энциклопедический словарь-справочник «Коммуникология» выдержал шесть изданий и стал настольной книгой всех, кто интересуется генезисом социальной коммуникологии. Ф.И. Шарков — основатель соционики как нового направления в социологии.

Фигура ученого и практика Ф.И. Шаркова многогранна и узнаваема. Он является заслуженным деятелем науки РФ, почетным работником высшего профессионального образования, академиком РАЕН, награжден государственными и многочисленными профессиональными и общественными наградами, лауреат общенациональной премии Российского профессорского собрания «Профессор года — 2020».

Редколлегия журнала «Вестник РУДН. Серия: Социология» поздравляет Феликса Изосимовича Шаркова, постоянного автора журнала, с юбилеем и желает ему крепкого здоровья и новых творческих свершений!

НАШИ АВТОРЫ

Алешковский Иван Андреевич — кандидат экономических наук, директор Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: aleshkovski@yandex.ru).

Ахметова Гульдар Фаритовна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института стратегических исследований Республики Башкортостан (e-mail: hilazhevagf@isi-rb.ru).

Балдо Дагцмаа — доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и религиоведения Национального университета Монголии (Улан-Батор) (e-mail: dagzmaa@gmail.com).

Барков Сергей Александрович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: socorgmen@yandex.ru).

Владимиров Павел Анатольевич — кандидат философских наук, ассистент кафедры онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов (e-mail: vladimirov_p_a@ru).

Гаспаршвили Александр Тенгизович — кандидат философских наук, заместитель директора Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: gasparishvili@yandex.ru).

Гусаков Тимур Юрьевич — младший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; аспирант кафедры экономической и социальной географии России Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: gusakov-ty@ranepa.ru).

Егорышева Елена Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета (e-mail: helena0503@mail.ru).

Егорышев Сергей Васильевич — доктор социологических наук, руководитель Центра исследования социального развития и формирования

человеческого капитала Института стратегических исследований Республики Башкортостан (e-mail: sv_egoryshev@mail.ru).

Ивлева Марина Левенбертовна — доктор философских наук, заведующая кафедрой социальной философии Российского университета дружбы народов (e-mail: ivleva-ml@rudn.ru).

Колесникова Елена Михайловна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии профессий и профессиональных групп Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: kolesnikova@mail.ru).

Комарова Вера — доктор экономики, ведущий исследователь Центра социальных исследований Института гуманитарных и социальных наук Даугавпилсского университета (e-mail: vera.komarova@du.lv).

Краско Алексей — докторант факультета социальных наук Даугавпилсского университета (e-mail: akrasko@inbox.lv).

Крухмалева Оксана Валерьевна — кандидат социологических наук, заведующая отделом Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: kruhoks@yandex.ru).

Куденко Ирина Александровна — кандидат географических наук, ведущий консультант Британской международной образовательной благотворительной организации «Эдьюкейшен Девелопмент Траст» (e-mail: ikudenko@educationdevelopmenttrust.com).

Курилов Сергей Николаевич — кандидат философских наук, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт» (e-mail: kurilov85@mail.ru).

Ларина Татьяна Игоревна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: larinat@rudn.ru).

Лебедева Анастасия Владимировна — ассистент и аспирант кафедры онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов (e-mail: lebedeva_av@pfur.ru).

Легостаева Наталья Игоревна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории изучения социально-экономических и политических процессов современного общества Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: n.legostaeva@spbu.ru).

Лонская Елена — доктор экономики, доцент Резекненской академии технологий; исследователь Института изучения бизнес- и общественных процессов Резекненской академии технологий (e-mail: jelena.lonska@rta.lv).

Нарбут Николай Петрович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов; главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (narbut-np@rudn.ru).

Овчинцева Любовь Александровна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: lovchintseva@gmail.com).

Платонов Константин Аркадьевич — кандидат социологических наук, специалист Центра социологических и интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: konplatonov@gmail.com).

Пузанова Жанна Васильевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru).

Романцева Екатерина Евгеньевна — старший педагог дополнительного образования филологического факультета; соискатель кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: romantseva-ee@rudn.ru).

Савина Наталья Евгеньевна — научный сотрудник Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: savina.opinio@yandex.ru).

Силкин Владимир Владимирович — доктор политических наук, декан факультета журналистики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: vv.silkin@igsu.ru).

Симонова Мария Александровна — доктор исторических наук, директор Учебно-научного института сравнительной и образовательной политики Российского университета дружбы народов (e-mail: simonova-ma@rudn.ru).

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru).

Тумалавичюс Владас — доктор права, исследователь Центра социальных исследований Института гуманитарных и социальных наук Даугавпилсского университета (e-mail: vladas.tumalavicius@lka.lt).

Филиппов Владимир Михайлович — доктор физико-математических наук, академик Российской академии образования, президент Российского университета дружбы народов (e-mail: filippov-vm@rudn.ru).

Хагуров Темыр Айтчевич — доктор социологических наук, первый проректор — проректор по учебной работе, качеству образования Кубанского государственного университета (e-mail: khagurov@mail.ru).

Чепелева Лада Металловна — кандидат психологических наук, заведующий кафедрой социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета (e-mail: lada-cher@mail.ru).

Цвык Владимир Анатольевич — доктор философских наук, декан, заведующий кафедрой этики факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: tsvyk-va@rudn.ru).

Цвык Ирина Вячеславовна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского авиационного института (национального исследовательского университета); доцент очно-заочного отделения факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: tsvykirina@mail.ru).

Шарков Феликс Изосимович — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; заведующий кафедрой общественных связей и медиаполитики и заместитель декана факультета журналистики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: sharkov_felix@mail.ru).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 12 до 20 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. Все **таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии AMA. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
  - ◆ **аннотация** (резюме) объемом 250–300 слов на русском и английском языках;
  - ◆ **список 7–8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
  - ◆ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места

работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; в статье **допускается не более четырех соавторов**.

Срок рассмотрения и принятия решения о публикации составляет не менее **шести** месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редколлегия не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and interdisciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 12 to 20 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
  - ◆ **abstract (summary)** of 250–300 words in Russian and English;
  - ◆ **a list of 7–8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
  - ◆ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as **the author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four**.

The decision as to publication is made no less than within **six** months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors' consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.